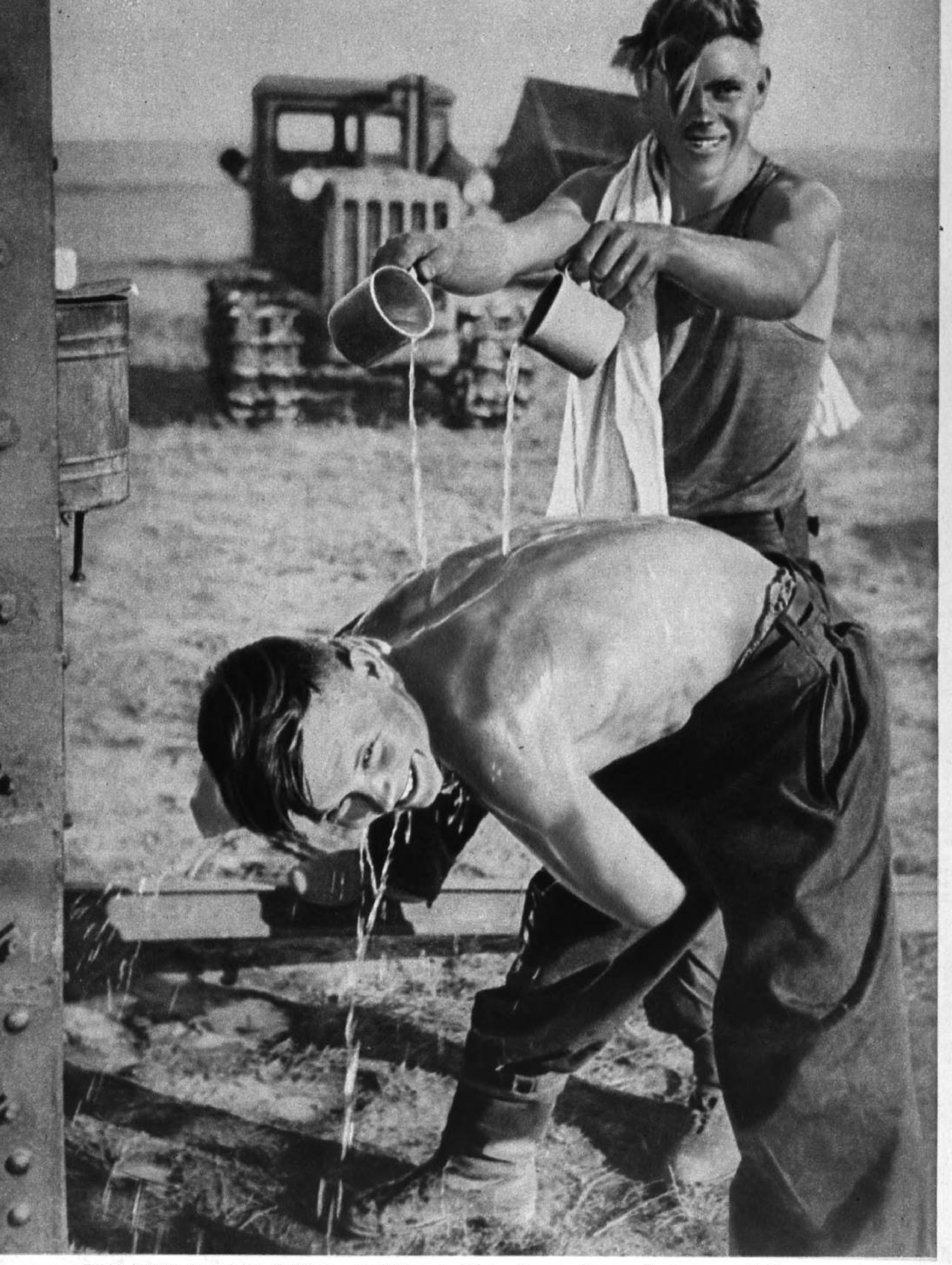

ОГОНЁК
№ 39 СЕНТЯБРЬ 1956
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»
О ЦЕЛИНЕ

После работы. Тракторист К. Юрин и комбайнер А. Умнов. Совхоз «Самарский», Акмолинской области.

Фото Дм. Бальтерманца.

На первой и последней страницах обложки: Пшеница золотая. Совхоз «Урнекский», Кустанайской области.
Фото С. Фридлянда.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

№ 39 (1528)

23 СЕНТЯБРЯ 1956

34-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Хвала урожаю!

Михаил ДУДИН

До горизонта, длинная,
В метелках ковыля,
Лежала здесь целинная,
Пустынная
Земля,
Не меренная взорами
Ни вдоль,
Ни поперек,
С глубокими озерами,
Без тропок,
Без дорог.

Метелями
Отпетая,
Сугробами
Одетая,
Со всех краев открытая,
Густой травой покрытая,
Глухая,
Полудённая
И солнцем опаленная,
Непаханая степь.

Нетронутая,
Цельная,
Зеленая,
Метельная,
Пуста из года в год,
Напитанная соками...
Над ней кружились соколы,
Взлетев под небосвод.

В не меренную вехами
Навек мы в степь приехали
За хлеб вести борьбу,
Своей
Борьбой упорною,
Своей
Судьбой задорною
Менять ее судьбу.

Не человек, а золото —
В нем сердце вечно
молодо! —
Советский человек.
Его дорога
Ясная.
Его труду
Подвластная,
В его руках
Прекрасная,
Его земля — навек!

И у него,
Как водится,
Собой душа горда.
И слово не расходится
С делами
Никогда.

Где труд, там трудно.
К трудности
Ему не привыкать.
Упрямой нашей юности
Везде пришлось бывать,
Ходить —
Где не проложено.
Достойно,
Как положено,
Судьбу свою нести.
Упрямыми
И смелыми,
Надежными,
Умелыми,
Не мямлями расти.

Вот так!
Не чаем с сахаром
Нас встретили в степи.
Не охали,
Не ахали:
Взялся́ за гуж, —
Терпи!

Гроза гремела пушками.
Буран вставал стеной.
Земля была
Подушкою,
А ветер —
Простыней.

Над нами
Солнце плавилось
И землю жгло насквозь.
И многое не ладилось,
Шло как-то вкривь
И вкось.

Но мы упрямо верили,
Но мы грядущим мерили
Дела свои и дни.
Что было
И что станется, —
Все в памяти останется.

Теперь на степь взгляни!

Взгляни!
Душа любуется,
Как эта степь волнуется
Пшеницей наливной.
Пшеница
Колос к колосу.
Кричи —
Не слышно голосу,
Стоит она стеной.

В истоме,
В знойной зрелости
Зерно любое в целости
Горит живым огнем.
Еще пока не смолото,
Шумит живое золото
По самый окаём.
Просторами
Бескрайными
Шумит-гудит
Комбайнами
Богатый урожай.
Дороги под машинами
Шуршат сухими шинами.
А ну-ка,
Нагружай!

Стекает жито жаркое
В крутые бункера.
Какая нынче
Яркая,
Счастливая пора!

И днем и ночью спорится
Работа.
Не поспеть!
Как праздник, беспокоится
Разбуженная степь.

И только птицы
Стаями
Кружа́тся вдоль дорог.
И пахнет караваями
Предутренний дымок.

Вот сёла —
и на карте я
Вчера не видел их!..

Родная наша партия
Права в делах своих,
Своей земли
Достойная,
Народа своего,
В заботе беспокойная
За будущность его!

И сердце
В песню просится,
И песня
Вдаль уносится,
Пускается в полет,
Просторная,
Довольная...
Как птица в небе вольная,
Сама душа поет.

Не человек, а золото —
В нем сердце вечно
молодо! —
Советский человек.
Его дорога
Ясная.
Его труду
Подвластная,
В его руках
Прекрасная,
Его земля — навек!

Интервью «Огонька»

СИЛА ЦЕЛИНЫ

В. В. МАЦКЕВИЧ,
заместитель Председателя Совета Министров СССР

Корреспондент журнала «Огонек» побывал на севере Казахстана в основных районах освоения целины, где встретился с находившимся там заместителем Председателя Совета Министров СССР В. В. Мацкевичем, и обратился к нему с просьбой рассказать, что дали стране целинные и залежные земли.

Уборка урожая в текущем году проходила в необычных условиях. Основной объем уборочных работ и государственных заготовок хлеба переместился из южных районов европейской части страны на Восток.

Как известно, советский народ осуществляет обширную программу подъема сельскохозяйственного производства с целью создания в ближайшие годы полного достатка всех видов продуктов для населения и сырья для легкой и пищевой промышленности. Составной частью этой программы явился грандиозный план освоения целинных и залежных земель.

Освоение этих земель, предпринятое по инициативе Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза, имело своей задачей в сжатые сроки дать стране большое количество дешевого хлеба.

В Советской стране и раньше весьма внушительными темпами расширялись посевные площади. Эти темпы были немыслимы для старой России и вряд ли вообще доступны для любого капиталистического государства.

Следует иметь в виду, что это расширение посевных площадей происходило в то время, когда наше сельское хозяйство еще не располагало достаточным количеством современной техники. Сейчас же, в результате выполнения пятилетних планов развития народного хозяйства, создана мощная индустриальная база, и сельское хозяйство получает много тракторов и сельскохозяйственных машин.

За 36 лет Советской власти, до 1953 года включительно, посевные площади были увеличены на 39 миллионов гектаров. Теперь в сказочно короткие сроки — всего за 3 года! — было освоено 35 миллионов гектаров целинных и залежных земель. Такого размаха не знала история мирового земледелия. Это стало возможно только в стране социалистического земледелия.

В результате всех проведенных работ общая посевная площадь в стране увеличилась на 37 миллионов гектаров по сравнению с 1953 годом и составила 194 миллиона гектаров, в том числе посевная площадь под зерновыми культурами — 131,7 миллиона гектаров. В строй вступили основные массивы вновь освоенных целинных и залежных земель.

Так советский народ могучим напряжением творческих сил и материальных средств осуществил гигантский скачок вперед, который превзошел все, что предпринималось ранее.

В ответ на призыв партии и правительства в восточные районы страны поехали сотни тысяч добровольцев — юношей и девушек, захотевших личным трудом участвовать в осуществлении величественного плана. Туда же государство направило многие тысячи тракторов, комбайнов, автомобилей и другой разнообразной сельскохозяйственной техники. Одновременно с этим государство перебрасывало на Восток все самое необходимое для жизни новоселов, начиная от палаток и валенок, кончая сборными домами и машинами для бурения артезианских скважин.

Началась битва за хлеб. В открытой степи люди ставили палатки, разбивали поселки. Весной 1954 года трактористы провели первые борозды на целине, и уже осенью целина дала зерно.

С самого начала в освоении новых земель был взят курс на создание широкой сети крупных зерновых хозяйств. И вот в совершенно необжитых местах напряженным, героическим трудом людей были созданы 425 совхозов.

Совхозы всегда имели большое значение в освоении целинных земель. Достаточно напомнить о совхозе «Гигант», Ростовской области. Это замечательное хозяйство было самым крупным для своего времени опытом освоения целины. Теперь «Гигант» превратился в многоотраслевое хозяйство, обладающее сильным парком машин, высококвалифицированными кадрами. Его поля, окаймленные лесными защитными полосами, сады, фермы, мастерские, жилища могут служить образцом для молодых совхозов, созданных на целине Сибири и Казахстана. В этом году «Гигант» сдал государству 2,2 миллиона пудов зерна. Однако производственная мощь прославленного совхоза теперь не удивляет, как прежде: на целинных землях в этом году сдают государству по 2 и более миллиона пудов хлеба семьдесят совхозов-гигантов!

Перед началом уборки урожая в Свердловске, Новосибирске и Алма-Ате состоялись совещания работников сельского хозяйства, созванные ЦК Коммунистической партии Советского Союза. В работе совещаний приняли участие Первый секретарь ЦК КПСС товарищ Н. С. Хрущев, руководители партийных и советских органов, сельскохозяйственных министерств. Эти совещания сыграли большую роль в организации уборки и заготовки хлеба на новых землях.

Подсчитав свои возможности, работники сельского хозяйства Сибири, Урала и Казахстана взяли на себя дополнительные, повышенные обязательства по сдаче хлеба государству.

У меня, одного из участников совещаний, ярко запечатлелся в памяти момент, когда огромный зал Новосибирского театра оперы и балета горячей овацией встретил социалистическое обязательство сибиряков — дать государству один миллиард пудов хлеба. Сибирские хлеборобы вызвали на соревнование хлеборобов Казахстана. Этот вызов был встречен с энтузиазмом казахстанцами, также обязавшимися сдать миллиард пудов.

Люди в колхозах и совхозах говорят:

— Сибирский миллиард!..

— Казахстанский миллиард!..

Чтобы оценить значение этих цифр, за которыми скрыта титаническая борьба, достаточно сказать, что на протяжении многих лет заготовки хлеба в целом по стране не превышали 1,8—2 миллиардов пудов товарного зерна. В этом же году объем заготовок с учетом взятых на себя обязательств областями Сибири и Казахстана должен составить 3 660 миллионов пудов товарного зерна. Вот где сказывается сила целины! Миллиарда пудов, который дает Казахстан, хватит на год для питания примерно 100 миллионов человек.

Чтобы еще нагляднее показать, насколько расширилось производство зерна в новых районах, приведем и такой пример. В Кустанайской области в прошлом посевная площадь зерновых культур составляла около 800 тысяч гектаров, а объем заготовок хлеба составлял 22—26 миллионов пудов. В этом же году в Кустанайской области хлеб убран с площади в несколько миллионов гектаров, а государству будет сдано 260 миллионов пудов. Это в два с половиной раза больше, чем обычно сдает государству Краснодарский край.

Казахстан насчитывает теперь свыше 40 районов, в каждом из которых объем хлебозаготовок превысит 10 миллионов пудов. Например, в Есильском районе, Акмолинской области, будет заготовлено свыше 30 миллионов пудов, в Рузаевском районе, Кокчетавской области,— 33 миллиона. Для сравнения скажем, что в некоторых областях Украины и Центральной черноземной зоны заготовки хлеба по плану не превышают 25—30 миллионов пудов.

Освоение целинных земель в невероятно короткое время превратило Казахскую республику в одну из главных житниц нашего государства. Прежде основной житницей страны считали Украину: она занимала второе после РСФСР место по производству зерна. Теперь, далеко обогнав Украину, на второе место вышел Казахстан. Кстати, посевная площадь под пшеницей в Казахстане в два раза превысила площадь под этой культурой в Канаде, ко-

Филолог ведет комбайн

В самый разгар уборки заболел комбайнер Юскиев. На комбайне теперь без смены работал штурвальный Николай Козленко.

— Он, конечно, очень устает,— говорили в студенческом шалаше соломонопнильщицы Галя Смирнова и Лена Молчанова. Студентки Московского университета, они приехали вместе со своими товарищами на уборку в Каскеленский совхоз, Алма-Атинской области.

— Надо помочь,— решили москвичи.— Но кто может?

— А Назаренко? Она, наверное, справится,— предложил кто-то.

Жанна Назаренко — студентка четвертого курса филологического факультета МГУ. Увлекается лингвистикой и... авиацией. Три года девушка занимается во втором Московском аэроклубе. Она летчица и инструктор по планеризму.

— Хорошо. Я попробую,— сказала Жанна, выслушав товарищей.

Штурвальный недоверчиво встретил предложение москвичей: все-таки горожанка, литератор, хоть и летчица, как бы не сломала машину, не попортила целинную пшеницу.

Жанна стояла на мостике рядом с Николаем, присматривалась к работе, молча слушала его слова.

— Теперь передайте мне штурвал,— сквозь шум мотора услышал Козленко.— Да не бойтесь, я справлюсь.

Московская студентка вела комбайн уверенно и ровно. За смену комбайн убрал двадцать шесть гектаров — больше двух норм.

И. ИРИНИНА

Жанна Назаренко на комбайне.
Фото Н. Степанова.

Карта основных районов целинных и залежных земель.

торая, как известно, после Советского Союза и США, по производству пшеницы прочно держалась на третьем месте в мире. Уместно также заявить, что в последние годы посевные площади пшеницы как в Канаде, так и в США заметно сокращаются.

Высокий урожай, выращенный на целинных и залежных землях, со всей очевидностью подтвердил, что линия партии и правительства на расширение посевных площадей в этих районах была правильной.

Я бывал во многих краях Советского Союза, видел фермы в США, Канаде, Франции, Англии, но никогда в жизни я не наблюдал таких бесконечных пшеничных полей. В наше время не редкость увидеть массивы колхозных или совхозных полей, которых глазом не охватить. Но что они в сравнении с целиной! Едешь по степи сотни километров, а по обе стороны, до самого горизонта, стоит роскошная пшеница. Ее урожайность нередко достигала 20—30 центнеров с гектара.

В Актюбинской области основные площади были засеяны твердой яровой пшеницей, особо ценной по своим хлебопекарным качествам. Недаром известный русский агроном Советов называл ее «бесценным сокровищем». Актюбинские колхозы и совхозы области вырастили прекрасный урожай твердой пшеницы. Мы несколько часов осматривали полевые тока колхоза «Авангард» и не могли оторвать взгляда от бунтов в тысячи центнеров золотисто-прозрачного зерна.

Надо также сказать, что казахские хлеборобы вырастили высокий урожай и других культур. Заслуженное место в земледелии Казахстана заняла кукуруза. Очень хороша она в тех хозяйствах, где ее во-время посеяли и добросовестно обработали. В колхозе «III Интернационал», Кустанайской области, мы видели посевы кукурузы на площади в 1 024 гектара, достигающей 2—3 метров высоты. Колхозники весело рассказывали нам, как в посевы кукурузы забрели лошади и люди три дня их там разыскивали. Вот какой «лес» из стеблей кукурузы представлял собой этот массив!

Хозяйства, которые сумели своевременно убрать кукурузу, заготовили кормов не меньше чем на два года.

В решающие дни уборки обильного урожая 1956 года хлеборобам Сибири и Казахстана помогал весь народ. Со всех концов страны сюда на страду приезжали сотни тысяч юношей и девушек — студенческая и рабочая молодежь. И надо особо отметить трудовую отвагу, энтузиазм патриотов. Кроме того, для ускорения уборки урожая на целине были переброшены с юга 28 тысяч комбайнов, много автомобилей, лафетных жаток, виндроуэров. Когда пробуешь мысленно охватить весь размах работ, невольно преклоняешься перед организаторским гением, боевым духом нашего народа.

Конечно, далеко не всегда дело шло и идет гладко, как того хотелось бы. Мы не имеем права умолчать о серьезных трудностях на уборке. Районы освоения целины пока что мало заселены, сеть дорог здесь редкая. Поэтому при больших расстояниях от колхозов и совхозов до заготовительных пунктов было целесообразно открыть приемку хлеба на временных, так называемых глубинных, пунктах, непосредственно в колхозах и совхозах, сохраняя часть зерна в бунтах, укрытых соломой. Но как только напряжение с уборкой ослабло, была налажена вывозка зерна из «глубинки» на элеваторы.

Исключительные трудности при уборке урожая пришлось также преодолевать из-за неблагоприятной погоды в некоторых областях Сибири и Казахстана. Однако, несмотря на все это, уборка урожая в этом году, при всех затруднениях и недостатках, проходит гораздо лучше и организованней, чем когда-либо в прошлом.

Считаю необходимым сказать читателям «Огонька» несколько слов об экономической выгодности производства зерна в новых районах. Немало скептиков, главным образом за рубежом, утверждали, что освоение целинных и залежных земель — дело экономически невыгодное. Жизнь полностью и решительно опровергла это утверждение. Хлеб, выращенный на целине, вопреки предсказаниям скептиков самый дешевый в стране, а зерновые целинные совхозы — очень рентабельные предприятия. Например, в Кустанайской области имеется совхоз «Железнодорожный». На его строительство государство затратило около 29 миллионов рублей — сумма солидная. В распоряжении совхоза сотни тракторов, комбайнов, автомобилей. Коллектив совхоза, засеяв в этом году 59 тысяч гектаров целины, сдал государству 3,4 миллиона пудов зерна и получит около 8,6 миллиона рублей прибыли. Это в значительной степени окупит произведенные на его организацию затраты.

Освоение целинных земель вызвало поразительные перемены и в экономике колхозов. Даже самые отстающие артели за год — два окрепли, коренным образом изменили свой облик, значительно укрепили экономическую базу.

Покоренные степи Урала, Сибири, Казахстана должны обеспечивать нас не только зерном. Молоко, мясо, овощи, фрукты — и эти продукты должны поступать с новых земель в самом большом количестве. Такова задача.

Добровольцы, которые охотно откликнулись на призыв Коммунистической партии: «На целину!», — полюбили далекие степи пусть с суровой, но щедрой природой. Эти мужественные люди пустили здесь глубокие корни, обзавелись семьями. Пройдет время, но в памяти славных юношей и девушек, ставших уже взрослыми мужчинами и женщинами, сохранятся воспоминания о пламенных днях борьбы. Сохранится навсегда гордое чувство за себя, за великую победу Коммунистической партии и советского народа.

Письма в Минск

...Конверт за конвертом вскрывают в Минском горкоме комсомола. Письма с целины полны волнующей атмосферы напряженной жизни на полях Казахстана.

«Прошло два с половиной года с того дня, когда мы оставили зал заседания XVIII съезда комсомола Белоруссии и родной Минск и с первой группой выехали на освоение казахстанской целины. 1956 год принес нам много радостей. На 17 тысячах гектаров совхозных полей вырос добрый урожай: по тринадцати—четырнадцати центнеров соберем мы с гектара.

Несколько слов о себе. Я уже окончил здесь школу механизаторов. Собираюсь водить комбайн — это моя давнишняя мечта. В отпуск приеду в Минск. До встречи в столице Белоруссии на праздновании 39-й годовщины Октября!

Виктор Поляков, тракторист 2-й бригады Урицкого зерносовхоза Кустанайской области».

«Сообщаю вам, что комсомольско-молодежный отряд Ленинского района доехал до места назначения благополучно. Отставших не было, чрезвычайных происшествий также. Нас встретил директор совхоза, украинец из Киева. Кажется, толковый и добрый дядька. На машинах нас доставили в совхоз имени Фрунзе, который расположен в 150 километрах от станции. Совхозу предстоит убрать урожай с 32 тысяч гектаров. До начала массовых работ девчат направили на прополку, ребята были заняты на строительстве.

Остается сказать, что все люди довольны условиями жизни, настроение бодрое, больных нет.

Надеюсь, что ругать нас здесь не будут, постараемся, чтобы похвалили.

Евг. Бабосов. Казахская ССР, Кустанайская область, Камышнинский район, зерносовхоз имени Фрунзе».

«Здравствуйте, дорогие товарищи! Эх, и хватил я соли и перцу!

Трудновато пришлось. Особенно первые три дня. Хорошо, что обр🙂ос здесь активом. Толковыми товарищами оказались Горолев и Пашкевич. Горолевым я особенно доволен. Выпустили стенгазету и три номера бюллетеня. Это тоже помогало. Сегодня пришла радиограмма — вызывают в Кустанай. Пишите мне на Камышный (райцентр), до востребования.

Да, тот парень, которого я отправил назад, назавтра догнал нас. Весь вагон просил за него — оставил. Ведет он себя пока хорошо.

Ну, до нескорой встречи!

Л. Евменов».

ПОБЕДА НА ХЛЕБНОМ ФРОНТЕ

Е. РЯБЧИКОВ

Фото автора.

Не первый день сеет холодный дождь. Темные тучи, чуть не касаясь серыми крыльями стерни, мрачно плывут над оренбургскими степями. Сквозь однообразный дождевой шум прорывается басовитый рев моторов. Гудят тракторы, занятые пахотой; по черным дорогам, разбрызгивая стылые лужи, в едком бензиновом чаду тянутся машины. Груженные пшеницей и кукурузой, они то подскакивают на выбоинах, то их заносит в ухабы, и тогда натруженный стон моторов становится неистовым.

Смотришь на степные дали, на изрезанные колесами, разбитые дороги, на облепленные черноземом и глиной машины с хлебом, смотришь на крытые соломой тока с бунтами золотистого зерна и невольно думаешь: это и есть настоящий хлебный фронт, на котором ведется великое наступление.

Как на войне, так и на хлебном фронте можно сразу определить положение дел по лицам встречных людей. Шоферы и трактористы, рабочие совхозов и агрономы, колхозники, работающие на токах и в поле, промокли до нитки; они зычно проклинают и погоду и дороги, а лица у них радостные, светлые.

Сдержанную улыбку замечаю я и на озабоченном лице первого секретаря Чкаловского областного комитета КПСС Дмитрия Степановича Полянского. Худощавый, русый, с лица совсем молодой, секретарь обкома сидит в машине-вездеходе, с трудом пробирающейся по дороге, и разговаривает с секретарем Павловского райкома партии Ильей Георгиевичем Поповым. Разговор о хлебе, о людях, об их будущем.

— Верно, тяжело сейчас людям, Илья Георгиевич,— вздыхает Полянский.— Терпеливые, железные у нас люди. Нелегко досталась победа. Сто тридцать пять миллионов пудов хлеба сдать государству вместо восьмидесяти девяти по плану — это не шутка. Бывало ли такое в Оренбуржье?

— Не бывало! — вмешивается водитель Яков Григорьевич.

— Не бывало! — подтверждает секретарь райкома.— Всегда в отсталых ходили. То недород, то убрать не успели... Область-то огромная!

Чкаловская область действительно огромная. Богата она плодородными землями, ископаемыми, населяют ее трудолюбивые люди. Но робость и косность, ошибки, допущенные в прошлом в ведении сельского хозяйства, привели к ослаблению хлебного фронта. Из года в год Чкаловская область давала мало зерна государству, колхозники получали мало хлеба на трудодни. Во всем ощущалась нехватка. В результате принятых партией исторических постановлений в сельском хозяйстве Оренбуржья произошел резкий перелом.

По указанию ЦК партии началась массовая пахота целинных земель. Направленные партией, в колхозы пришли из промышленности умудренные опытом, решительные, честные и стойкие коммунисты. На полях появились новые тракторы, комбайны, грузовики. В некоторых районах области побывал Никита Сергеевич Хрущев; он изъездил сотни километров по целинным землям, вникал в жизнь новоселов, советовался с опытными хлеборобами и сам давал им советы смелее поднимать целину, шире и смелее сеять кукурузу.

— Больше внимания качеству всех работ в сельскохозяйственных районах! — обращался Никита Сергеевич Хрущев к колхозникам, к рабочим совхозов, к секретарям райкомов и обкома КПСС.

Я прошу секретаря обкома рассказать, как коммунисты области боролись за высокое качество полевых работ.

Полянский задумчиво смотрит на степную дорогу и, вспоминая, говорит:

— Видимо, раньше на качество сева здесь обращали мало внимания. Вот в Сакмарском районе начали сеять. Все говорят: дела идут хорошо, люди работают отлично. Но когда мы попросили проверить густоту высева, оказалось, что никто не может этого сделать. Агроном заявляет: для этого нужно провести немало манипуляций. Но ведь можно и так: отмерить метр по рядку и сосчитать, сколько в нем зерен. При проверке оказалось, что зерен в несколько раз меньше нормы. Так просто и легко мы разобрались в том, что сев производили некачественно. Затем стали проверять глубину посева. Выяснилось, что никто толком не знает, как же определять и глубину.

Убедившись, что в ряде колхозов и совхозов не обращают серьезного внимания на качество сева, мы собрали секретарей обкома, членов бюро, актив и поехали в колхоз на семинар — практически изучать на месте, в поле, как нужно контролировать качество посевных работ. Кое-кто посмеивался над нами, считая семинар пустой затеей, а дело показало, что многие действительно не умеют бороться за качество. После этого повелось, что никто уже не выезжал в район, не имея при себе хотя бы складного метра. Мы провели пять кустовых семинаров в поле, дойдя до низовых звеньев.

Учиться нужно было всем нам, особенно коммунистам, пришедшим в колхозы из промышленности. Например, как определить, хорошая или плохая кукуруза? Приехали мы в МТС имени Вильямса Бузулукского района. Осмотрели поля, говорим директору: «У вас кукуруза будет изреженной». «Ничего подобного!» — возражает директор, опытный специалист. В МТС мы приехали группой, каждый из нас отсчитал, сколько на заданном расстоянии гнезд засеяно. И выяснилось: более чем на тридцать процентов посевы изрежены. После этого директор собрал всех работников МТС и стал обучать их, как можно просто определять качество посева кукурузы.

...Урожай в этом году выдался небывалый. В золото пшеницы оделись бескрайные степи, в рост человека поднялась кукуруза. Все предвещало богатый урожай. Повеселели колхозники. Полились песни новоселов. Но в дни уборки зачастили дожди. В обком полетели тревожные вести: хлеба полегли, зерно горит, беда!.. Тогда степи превратились в настоящий

В полеводческой бригаде колхоза имени В. И. Ленина. С колхозниками беседует секретарь Чкаловского обкома КПСС Д. С. Полянский.

хлебный фронт: из сел и деревень вышли на поля все хлеборобы, из городов и поселков на помощь им спешили с машинами тысячи рабочих, служащих, учащихся, воинов.

Чтобы лучше понять смысл одержанной победы, я прошу секретаря обкома рассказать, как проходила уборка, что принесло победу.

— Что нам помогло? Помогла раздельная уборка. С ноля в прошлом году мы довели объем раздельной уборки до миллиона ста тысяч гектаров в этом году. Но внедрение прогрессивного метода встретило сопротивление, подчас даже враждебное отношение. Както звонят, в колхозе имени Ухтомского непорядки. В чем дело? Оказывается, бригадир полевой бригады круто воспротивился раздельной уборке. Он решил, что пшеница хорошая и через несколько дней можно будет пустить комбайны на прямую уборку. Комбайнер настаивал на своем: погода дрянь, нужно пользоваться каждым хорошим днем. А бригадир говорил свое: рано, бесполезно. На помощь бригадир вызвал свою бригаду — тут и началось. Мы решили дать предметный урок: показать на деле преимущество раздельной уборки в другой бригаде. И когда хлеборобы убедились, как это хорошо, выгодно, сколько спасено хлеба, то колхозники обрушились на своего незадачливого бригадира.

Это было не только в колхозе имени Ухтомского. Сказались боязнь новшества, косность руководителей и в некоторых других местах. Но там, где по-настоящему взялись за раздельную уборку, выиграли во времени и собрали больше хлеба, дополнительно не менее двух — трех центнеров с гектара.

Массовая уборка началась при неблагоприятной погоде, но здесь почувствовали ответственность и сельские жители и горожане, коммунисты и беспартийные. Работники обкома и райкомов находились в колхозах, совхозах, МТС, непосредственно на уборке.

Очень большую роль сыграло соревнование колхозов, МТС, совхозов внутри области и соревнование всей нашей Чкаловской области с Куйбышевской. Из Куйбышевской области сейчас в обком часто звонят товарищи — поздравляют с победой, вместе с нами радуются приветствию ЦК КПСС и Совета Министров СССР.

Дорога приводит нас в колхоз имени Ленина.

Недавно это был самый отсталый колхоз Павловского района.

В кабинете председателя колхоза, чуть не наполовину занятом пшеничными снопами для областной выставки, председатель Лев Михайлович Волых и директор Каргалинской МТС Александр Михайлович Егоров решают с колхозным активом насущные вопросы: сколько выдавать хлеба и денег на трудодень, как распорядиться доходами?

Лев Михайлович, сорокасемилетний, с сединой в висках, спокойный, деловой человек, тридцатитысячник, еще недавно был директором Чкаловского комбикормового завода. По призыву партии он пошел работать в колхоз. За плечами тридцатитысячника учеба в Московском институте мясной и молочной промышленности, работа на заводах, большой жизненный опыт. Александр Михайлович, директор МТС, тоже имеет высшее образование и опыт руководящей работы на железнодорожном транспорте. Недолго поработали посланцы партии в сельском хозяйстве, а результаты уже разительные. В прошлом члены сельскохозяйственной артели имени Ленина получали на трудодень копейки; сейчас колхоз стал миллионером, и колхозники получат на трудодень по 5 рублей.

— Сколько у вас долгов? — спрашиваем Волых.

— Около миллиона.

— Каков общий доход?

— Три миллиона восемьсот тысяч рублей.

— Миллион долой за долги...— считает Д. С. Полянский.— Восемьсот тысяч — за трудодни... Так... Сто пятьдесят тысяч — выдача гарантированных авансов на трудодни в будущем году: по три рубля на трудодень. Так... Что ж, остается много. Нужно строиться!

Полянский советует взять типовые проекты жилых домов, ферм и дешевого, удобного клуба стоимостью в сто пятьдесят тысяч. Он рисует схему расположения зрительного зала, библиотеки, кинобудки в клубе.

— Не много ли хлеба даем на трудодень? — спрашивает председатель колхоза.

— Сколько обещали, столько нужно дать. Это слово партии.

На току, где сушат зерно, секретаря обкома окружают колхозники. Он поздравляет бригаду с победой. Начинается живой разговор о приветствии ЦК КПСС и Совета Министров СССР, о колхозных делах.

— Заживем теперь! — слышится голос.

К нему присоединяются другие:

— Электричество нужно! Клуб нужен! Фермы нужны! Дома нужны!

— Теперь вы миллионеры! — смеется секретарь обкома.— Вот и размах у вас появился.

— Иначе нам нельзя,— не без гордости говорит Л. М. Волых,— мы колхоз имени Ленина!

...В эти дни в обком звонят из Москвы и Киева и других городов.

Звонок с юга застает Полянского в обкоме. У аппарата Никита Сергеевич Хрущев.

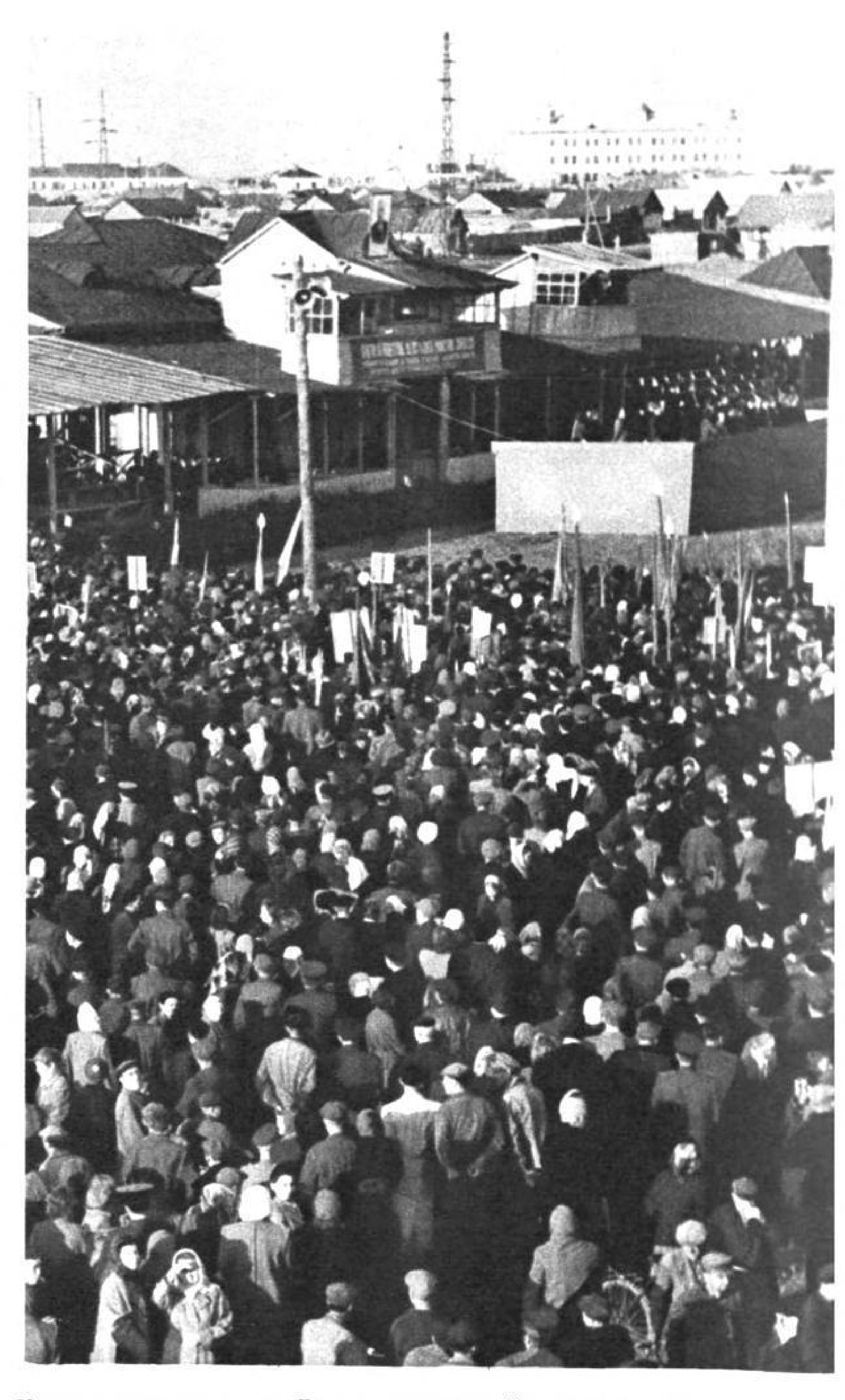
— Поздравляю вас с большой победой на хлебном фронте,— душевно говорит он.— Не сомневаюсь, что новые обязательства — сдать сто пятьдесят миллионов пудов хлеба — будут выполнены успешно.

— Сейчас нужно подумать о будущем,— продолжает товарищ Хрущев.— Силоса колхозы и совхозы заложили много, но не надо прекращать эту работу. Видимо, кукуруза у вас хорошая. Не беда, что она не вызревает на зерно. Силос с початками более качественный, а семена кукурузы мы дадим. Было бы очень хорошо ускорить вспашку зяби и скирдование соломы. Нужно заложить приличный резерв кормов для будущего года.

Беседа с Н. С. Хрущевым подходит к концу.

— Еще раз поздравляю вас, весь коллектив обкома, руководителей и всех трудящихся Чкаловской области с большой победой,— говорит Н. С. Хрущев.

В тот же день на ипподроме состоялся митинг. Тысячи людей слушали приветствие ЦК КПСС и Совета Министров СССР. Горячо было принято сообщение о новых обязательствах области — довести сдачу хлеба государству до ста пятидесяти миллионов пудов.

Митинг трудящихся города Чкалова, посвященный успешному выполнению Чкаловской областью принятых обязательств по сдаче и продаже хлеба государству.

Митинг кончился. Люди идут мимо здания областной выставки сельского хозяйства и промышленности.

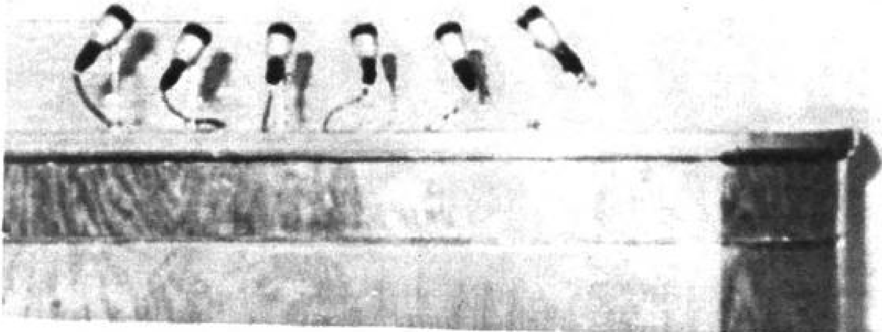
— В нашей области все колхозы будут теперь миллионерами. Выполняя решения XX съезда КПСС, хлеборобы Оренбуржья сразу, в один год, совершили большой рывок вперед,— говорит Полянский.— А что будет дальше! На выставке мы представим свои немалые достижения. Каждый увидит, что дала нам целина. У нас создано одиннадцать целинных совхозов, все они работают рентабельно — получили прибыли более ста миллионов рублей. Восемь совхозов на целине за один год полностью окупили все затраты, произведенные на их организацию. Но все, что есть,— лишь начало мощного подъема сельского хозяйства в Чкаловской области.

Хочется, чтобы в области был хороший, породистый скот. И он будет! Мечтаем об оросительных системах, чтобы избавить Оренбуржье от суховеев и жестокой зависимости от природы. Мечтаем об изобилии кукурузы, о развитии свекловодства, о «своих» сахарных заводах, чтобы мы могли снабжать Урал и Сибирь сахаром. Мечтаем о самом широком строительстве на селе. Хочется, чтобы во все колхозы и совхозы пришла зажиточная, умная, яркая жизнь, чтобы люди зажили хорошо.

Народ здесь замечательный, трудолюбивый, мужественный. И мы не сомневаемся, что с помощью партии наш боевой народ осуществит самые смелые мечты.

VIII ВСЕКИТАЙСКИЙ СЪЕЗД КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ КИТАЯ

Фото агентства Синьхуа.

Товарищ Мао Цзэ-дун объявляет Восьмой Всекитайский съезд Коммунистической партии Китая открытым.

В высоком строгом здании Народного политического консультативного совета заседает VIII Всекитайский съезд Коммунистической партии. Во вступительной речи товарища Мао Цзэ-дуна при открытии съезда, в политическом отчете Центрального Комитета, сделанном товарищем Лю Шао-ци, в докладе товарища Чжоу Энь-лая о предложениях по второму пятилетнему плану развития народного хозяйства, в докладе товарища Дэн Сяо-пина об изменениях в Уставе партии на высоком марксистско-ленинском идейном уровне поставлены и освещены вопросы теории и политики, деятельности партии, практики социалистического строительства, а также международного коммунистического и рабочего движения, национально-освободительного движения и борьбы за мир.

С великим удовлетворением восприняли делегаты и гости заявление товарища Лю Шао-ци о том, что вопрос «кто — кого» решен в Китае в пользу социализма.

...Улицы и площади Пекина выглядят, как обычно: ни флагов, ни лозунгов. Съезд — деловой совет представителей партии — проходит безо всякой парадности. Но все же что-то неуловимо торжественное отличает эти дни от других: может быть, чуть больше хороших улыбок на лицах, громче и задорнее шум пекинских строек, больше, чем обычно, слышно на улицах песен и смеха, а толпы у газетных витрин особенно многочисленны.

Во время работы съезда мы не выезжали за пределы Пекина. Но уверенно можно сказать, что атмосфера неуловимой торжественности сейчас ощущается во всех уголках великой страны. От Синьцзяна и до берегов Тихого океана, от берегов Амура и до границ с Вьетнамом, Бирмой, Индией люди живут сейчас единой мыслью: VIII съезд! Слишком много значит почти 11-миллионная Коммунистическая партия для всего 600-миллионного китайского народа, чтобы могло быть иначе.

Сквозь годы борьбы, сквозь тяжелые потери и временные поражения привела эта партия великий народ к победе народной революции. Преодолевая гигантские экономические трудности восстановительного периода, партия привела страну к успешному выполнению первого пятилетнего плана, открыла великие перспективы дальнейшего ее экономического и культурного расцвета. И если бы можно было окинуть взором всю необъятную территорию нашего великого соседа, то результаты титанической борьбы Коммунистической партии мы увидели бы в новых цехах Аньшаньского металлургического комбината и Чанчуньского автомобильного завода, услышали бы в гуле станков текстильных фабрик Пекина и Сиани, в гудках первых отечественных судов, построенных на шанхайских верфях, в стремительном свисте отечественных реактивных самолетов. Силу руководства партии вы почувствуете в радостном труде сельскохозяйственных кооперативов, в которые вступило почти 92 процента всех крестьянских дворов страны, в росте сельскохозяйственной продукции почти на одну четверть по сравнению с 1952 годом; эту силу вы увидите и в маленьком тибетском мальчике, впервые пошедшем в школу...

Вот почему с таким вниманием и волнением весь мир следит за работой VIII съезда Коммунистической партии Китая.

В один из этих дней мы были на Пекинском станкостроительном заводе № 2. Когда-то, до освобождения, партийная организация его состояла всего из трех человек, ведших героическую подпольную работу. В 1953 году коммунистов было уже 60, в 1955 — 104, а в нынешнем — 137. Может быть, рядом с этими цифрами следует поставить и другие циф-

В Пекин на съезд Китайской компартии прибыла делегация КПСС во главе с товарищем А. И. Микояном. На переднем плане: товарищи Лю Шао-ци и А. И. Микоян.

Фото специального корреспондента «Огонька» Дм. Бальтерманца.

В зале заседаний съезда.

ры: в 1953 году завод изготовил только 96 станков, в 1954 — 282, в следующем — 392, а в этом году будет выпущено 1 000 станков.

На заводе мы разговаривали с молодым строгальщиком Сун Дэяо, высоким парнем, только что окончившим смену. Он в партии уже несколько лет. Мы спросили, что он думает о съезде. Парень подумал немного, потом неторопливо ответил:

— Я вам скажу, что для меня означает партия. Это и будет ответ на вопрос. До освобождения я работал учеником в продовольственной лавке. Что это была за жизнь, рассказывать не буду. Сразу после освобождения я пришел на завод, вступил в Новодемократический союз молодежи, потом — в партию. Сейчас я грамотен — это дала мне партия. Сейчас я квалифицированный рабочий — это сделала партия. Я знаю, что вокруг меня друзья, братья, что мне помогут в любых трудностях, ошибусь — отечески поправят. Этому тоже мы обязаны партии. Передо мной широкая дорога — ее указала партия. И потом,— добавил Сун Дэяо, улыбаясь,— я просто очень счастлив. Вот это все и есть для меня коммунистическая партия!

Не только Китай следит за съездом. Весь мир — друзья и даже недруги великой страны — понимают, какое историческое событие происходит сейчас здесь, в Пекине.

За несколько дней до открытия съезда в Пекин начали собираться гости. Самолет за самолетом приземлялся на аэродромах столицы, доставляя делегатов от зарубежных коммунистических, рабочих, трудовых и народно-революционных партий. Представители этих партий более чем из пятидесяти стран съехались в Китай и присутствуют на съезде, преисполненные высоким чувством дружбы.

— Это для нас большая поддержка и вдохновляющая сила,— сказал товарищ Мао Цзэ-дун, приветствуя их.

С большой речью на съезде выступил глава делегации Коммунистической партии Советского Союза А. И. Микоян. Речь его, выслушанная с напряженным вниманием, много раз прерывалась горячими аплодисментами. И буря оваций покрыла заключительные слова зачитанного товарищем Микояном приветствия ЦК КПСС.

«ЦК КПСС,— говорится в приветствии,— с глубоким удовлетворением отмечает, что Коммунистическая партия Советского Союза и Коммунистическая партия Китая в борьбе за мир во всем мире, демократию и социализм всегда шли и идут вместе, рука об руку, имеют единое мнение по насущным вопросам современности. Единство взглядов и действий наших марксистско-ленинских партий является прочной гарантией торжества нашего общего дела и имеет огромное значение для дальнейшего укрепления единства международного рабочего и коммунистического движения.

От всего сердца желаем дальнейших успехов братской Коммунистической партии Китая в ее борьбе за социализм, за мир и дружбу между народами».

...Делегаты заседают в большом, светлом зале. На балконе — 10 кабин для переводчиков. Они синхронно переводят все выступления на десять языков народов Китая, Европы, Азии и Америки. Журналисты многих стран ежедневно отправляют сотни телеграмм в свои газеты и журналы.

...На трибуну съезда выходят новые и новые делегаты — представители многочисленных провинций и национальных районов великого Китая. Они единодушно одобряют политическую линию и практическую деятельность Центрального Комитета, анализируют работу местных партийных организаций, выдвигают на обсуждение новые вопросы.

Плодотворная творческая работа съезда продолжается...

Г. БОРОВИК,
специальный корреспондент «Огонька».

Пекин.

ИМЕНИ ХРИСТО БОТЕВА

А. СЕРБИН

Фото автора.

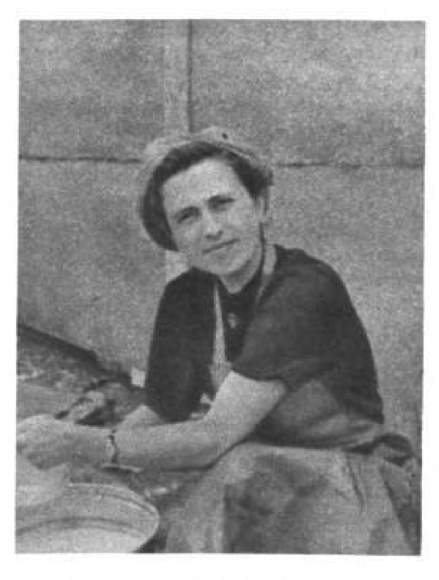

Комбайнер Стефан Иванов на второй же день уборки установил рекорд совхоза.

Когда болгарские газеты сообщили об обращении ЦК ВЛКСМ к советской молодежи с призывом помочь в уборке целинного урожая, в Центральный Комитет Димитровского союза народной молодежи посыпались письма. Молодые болгары требовали: «Отправьте нас на помощь советским друзьям». ЦК ДСНМ отобрал 124 человека — лучших работников сельского хозяйства и активистов — и послал их в Советский Союз. Часть группы поехала в Омскую область. Другие — бригада, которой было дано имя болгарского поэта-революционера Христо Ботева, — направились в Казахстан, в зерносовхоз имени Богдана Хмельницкого.

Из 50 городов и сел Болгарии приехали на целину члены этой бригады. Среди них были и трактористы, и шоферы, и комбайнеры, и полеводы, и даже повар из софийского ресторана «Славянская беседа» Ангел Манов. Большинство раньше не знало друг друга. Но нашлись и старые знакомые, например, два молодых врача-однокурсника: Добрина Николова и Жорж Тричков. Повстречались два бывших солдата — Велин Трайков и Николай Димов. После службы первый стал оргработником ДСНМ, второй — комбайнером. На целине они действовали вместе: Николай сел за штурвал самоходного комбайна, а Велин на автомашине возил на ток зерно, собранное другом. Встретились два орденоносца — комбайнер Пенчо Пенчев и Герой Труда тракторист Иван Горанов. Горанов занял место на тракторе и повел комбайн, которым управлял Пенчо.

...Болгарские товарищи сидят у костра вперемежку с ульяновскими студентами и молодыми рабочими совхоза. Разговаривают без переводчика: его нет, да он и не нужен. Расспрашивают друг друга о жизни, рассказывают о себе.

Добрина Николова.

Наверное, после одной из таких бесед врач Добрина Николова, молодая женщина с ласковыми глазами, которая героически трижды в день перемывала всю посуду на кухне, записала в дневнике:

«Чувствую себя очень хорошо, прекрасно. Устаю, по ночам холодно, но духом не падаю. Может быть, это потому, что я очень люблю Советский Союз, где говорят на языке, так похожем на наш. Может быть, потому, что советские товарищи так внимательны к нам, что просто не чувствуешь, как далеко ты от Болгарии...»

В один из первых дней на целине кто-то из болгар спросил: «А где же здесь трудности?». Рассказывали, что одна девушка, представляя, что на целине будет сложно с техникой, на всякий случай прихватила с собой из деревни... серп. Комбайнер Стефан Иванов признался: он ожидал, что будет гораздо труднее, чем оказалось на самом деле.

Конечно, многих трудностей, которые пережили новоселы целинного совхоза, болгарам уже не пришлось пережить. Но они были и сейчас. Главная заключалась в том, что предстояло очень быстро убрать богатый урожай на больших площадях.

...Прохладная ночь сменяется жарким днем. На небе лишь редкая проседь перистых облаков. Солнце забралось повыше, воткнуло свои лучи в землю и печет вовсю, сушит зерно в качающихся на ветру колосьях. На всех 18 тысячах гектаров, которые совхоз засеял пшеницей, с утра развернется уборка. Механизаторы уже возятся у комбайнов, готовя их к жатве.

Высокая фигура Пенчо Пенчева то маячит на мостике, то оказывается под комбайном, то каким-то чудом вся умещается в приемной камере. Пенчо хорошо знает советские марки комбайнов: на полях Болгарии работают такие же машины. К тому же в школе механиков, где он учился, преподавали советские инженеры.

Рядом трудится у своего агрегата бригада пловдивцев во главе со Стефаном Ивановым. Он еще молодой комбайнер: начал работать лишь в этом году. Но целинный урожай будет для него вторым: первый, в Болгарии, он уже убрал. «Маленькие» — так называли пловдивцев в штабе бригады за то, что все они, как на подбор, оказались невысокого роста.

...Мирчо Макаринов, работник околийского комитета ДСНМ в городе Кюстендил, начал вести дневник со дня отъезда из Болгарии. Первые записи очень подробны. Он записывает, как маленькая пионерка в Унгенах повязала ему на шею красный галстук, какое впечатление произвел на него Кремль, аккуратно заносит в дневник данные, которые узнал на ВСХВ. Потом пошли записи, сделанные в совхозе:

«13, 14, 15, 16, 17, 18 августа 1956 г. Работали в совхозе, выгружали пшеницу из машин. 17 августа, около 23.00, смотрел, как работают комбайны на совхозных полях. Комбайны были так освещены, и их было так много, что человек, не знающий, что тут происходит, мог бы подумать, будто рядом большой город.

19, 20, 21 августа 1956 г. Работал на копнителе комбайна.

23, 24, 25 августа 1956 г. Работал на копнителе».

Да, когда началась уборка, у всех стало мало времени. И Мирчо еле успевал притронуться карандашом к бумаге. Долго не писала по той же причине своим родителям и бойкая звеньевая из села Кормянско, Севлиевской околии, Маргарита Трифонова. Но потом улучила свободную минутку и написала письмо, отрывок из которого мы приводим с разрешения автора:

«...Начали работать на комбайнах и на току. Нашей бригаде дали пять комбайнов, грузовики, тракторы. Здесь очень хорошо. Вокруг глянешь — одна равнина. Кругом колышется пшеница, и на нее не насмотришься. Вы не можете представить себе, сколько тут пшеницы!»

У передового комбайнера совхоза имени Богдана Хмельницкого Владимира Тамбовцева почти двадцатилетний стаж работы. Приехал он на целину из Краснодарского края и уверенно занял первое место среди комбайнеров. Ненамного отстал от него Алексей Прошунин из Воронежской области. Перед началом уборки оба они пришли к болгарским друзьям — помочь советом. А потом предложили соревноваться.

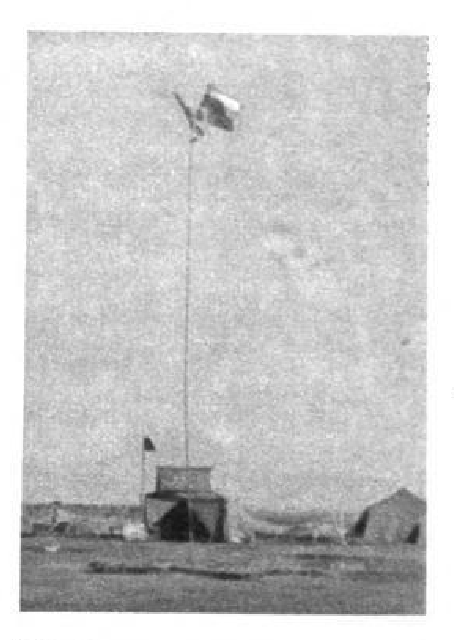
— Ну, кто со мной хочет? — спросил Тамбовцев.

Стоявшие вокруг посмотрели на Пенчева. Тот в нерешительности задумался: условия работы мало известны, комбайн новый, в деле еще не проверенный, — и сразу соревноваться с лучшим комбайнером!..

А Тамбовцев уже стоял рядом, похлопывал по плечу и говорил ласково:

— Ну, что ты? Ты же сможешь, вижу, что сможешь. А трудно будет, — поможем. Если что, — я тут, рядом. Ночью мои огоньки будет видно, я их высоко ставлю...

Согласился Пенчо. Принял вызов Прошунина болгарский комбайнер Иван Андреев. Потом решили соревноваться и другие советские и болгарские комбайнеры.

Над палатками советский и болгарский флаги.

...Время жатвы для комбайнеров — это подъем с солнцем, обед на полосе, работа до ночной росы, короткий сон. Каждая минута на вес золота. А у Пенчева сразу не заладилось. Часто стоял комбайн: хлеб забивал молотилку. Как быть?

Тамбовцев не стал ждать, когда Пенчев придет к нему. И хоть самому время дорого, выкроил часок, чтобы съездить к новому другу. Приехал и Прошунин. Собрались болгарские комбайнеры. И тогда Тамбовцев дал еще несколько советов Пенчеву и другим болгарским друзьям.

На следующий день Пенчев говорил:

— Сделал я все, что Тамбовцев советовал. И меньше простоев стало. У нас в Болгарии другие условия, но и там советы эти могут пригодиться.

Стефан Иванов со своими «маленькими» на второй же день убрал 44 гектара пшеницы. Это был рекорд дневной выработки по совхозу. Правда, продержался он недолго: его перекрыли совхозные комбайнеры. Но он прочно закрепил за «маленькими» первое место в болгарской бригаде.

— Молодцы! — говорил о болгарской бригаде Евгений Иванович Оводов, директор совхоза. — Хорошо помогли. Благодаря им на пять дней уборку на отделении раньше закончили.

В. Н. Басов. РАЗБУЖЕННАЯ СТЕПЬ.

Из романа «Орлиная степь»

Михаил БУБЕННОВ

Рисунки П. КАРАЧЕНЦОВА.

В романе «Орлиная степь» рассказывается о том, как молодые патриоты приехали весной 1954 года на Алтай поднимать целинные и залежные земли. Нелегко начиналось одно из великих дел нашего времени. Молодые новоселы встретились со многими трудностями в работе и жизни. В борьбе с ними безусые энтузиасты проявили подлинное мужество.

В публикуемой главе идет речь о первом знакомстве главного героя романа, москвича, бригадира тракторной бригады Леонида Багрянова, со степью, его первых шагах на целине.

Путь был труден, но кони, постоянно теребя поводья, шагали ходко и сноровисто — то дорогой, где держался крепкий ледок, то обочинами, по рыхлому, водянистому мелкоснежью или обнаженной, скользкой непаши.

Вначале Багрянов и Хмелько, вслед за вырвавшимся вперед Северьяновым, пересекли просторный, выбитый скотом, обесплодевший, кочковатый выгон, кружевно расшитый тысячью тропок и реденько заставленный высокими, застарелыми кустами жесткой, точно из проволоки, никому не нужной травы — песчаного волоснеца. Здесь, на едва приметной возвышенности, вся земля уже пестрела проталинами, и хотя они были горестно неприглядны, изрыты сусликами, с одинокими крохотными дернинками типчака, сотни жаворонков с восторгом любовались ими с небесной выси и радостно воспевали их появление в степи. За выгоном дорога пошла низиной: справа виднелись солончаковые круговины, залитые свинцовой водой, слева тянулись пресные озера, полузаросшие таежно непроходимой камышовой чащей. Здесь не было проталин; потемневший, ноздреватый снег, припекаемый солнцем, осыпался, шуршал и вызванивал по всей низине журчащую хрустальную мелодию. И, наконец, когда солонцы и озера отошли в стороны, началась пашня. Совершенно прямая дорога пересекала большой, сплошной массив зяби; параллельно дороге, наперерез господствующим ветрам, на всем массиве, изрытом снегопахами, лежали подтаявшие, приосевшие валы...

У границы пашни Галина Хмелько, вероятно, решила, что наступил подходящий момент для начала нового разговора. Вновь приблизясь к Багрянову, которого до этого сторонилась, она весело сообщила:

— Вот и пашня! Как на ладони! Залюбуешься!

— И много тут пахоты? — поинтересовался Леонид.

— Здесь три тысячи гектаров,— ответила Хмелько.— Две бригады. Видите, во-он один стан! — Она указала плеткой вправо от дороги, на чернеющие вдали избушки.

— Вон те лачуги?

— Ну да, лачуги, конечно... Сейчас их приводят в порядок. А вот в этой стороне — другой... Видите?

— Где кустики?

— Точно!

Леонид провел по воздуху впереди себя рукой.

— Это и все, что колхоз пашет?

— Что вы! У двух бригад пашни на запад от села, вдоль бора. Там тоже три тысячи...

— Сколько же всей земли у колхоза?

— Земли? Пахотнопригодной? — с оживлением переспросила Хмелько, вероятно, радуясь тому, что разговор возобновился непринужденно.— Исключая солончаки, солонцы и озера, в колхозе совсем недавно было двадцать четыре тысячи гектаров...

Леонид протяжно свистнул, пораженный размерами колхозных угодий, ударил ладонью по виску и, зажмурясь, покачал головой...

— Мать честная, подмосковный район!

— Не меньше, — подтвердила Хмелько. — Но на днях большой кусок отрезали совхозу, и теперь удобной земли осталось пятнадцать тысяч... Вот проедем пашню, и там начнутся залежи, а потом пойдет и целина.

— Что же там, пастбища были?

— Луга и пастбища.

Немного погодя Леонид, скосив взгляд на Хмелько, спросил:

— Значит, вы уже побывали здесь?

— А как же! — сказала Хмелько.— Два раза была.

— Вы же здесь недавно!

— Две недели.

«Вездесуща! — подумалось Леониду. — Везде успела!»

В обе стороны от дороги далеко-далеко расстилался снежно-бурунистый простор, кое-где с обнаженной, тускло поблескивающей на солнце сырой пахотой. Вид вспаханной земли вдруг тревожно взволновал Леонида. Он мгновенно и очень живо представил себе, как над всем огромным массивом плещутся в летнем зное нешумные волны золотой пшеницы, и тут же вспомнил рассказ раненого комиссара Зимы об алтайской степи. «Верно, как море, — подумал он с восхищением. — Настоящее море!» Точно почуяв волнение хозяина, заволновался и Соколик: он рванулся вперед, и, пока Леонид вырывал у него неожиданно закушенные удила, он целую сотню метров пронес его вприпляс, высоко подняв влажные, полыхающие горячим воздухом ноздри.

— Ну и полюшко-поле! — сказал Леонид, дождавшись Хмелько. — Мы пересекаем его поперек?

— Поперек, — ответила Хмелько.

— И сколько же до той границы будет?

— Три километра.

— А в длину сколько?

— Километров десять...

— Ох, черт возьми! Ничего себе!

Но вдруг точно чем-то ослепило Леонида.

— Обождите, товарищ агроном, но ведь наша бригада должна поднять тоже три тысячи? — закричал он, часто моргая, точно впервые узнав свой рабочий план. — Значит, вот такой массив?

— Точно, — подтвердила Хмелько.

— Ох, черт возьми! — совсем другим, несколько озадаченным тоном и раздумчиво произнес Леонид. — Оказывается, как много...

— Испугались? Оторопь берет?

— Я не из пугливых.

— Приходится задуматься?

— Подумать надо...

В центре массива пашни, где от дороги отходили свертки к полевым бригадным станам, Куприян Захарович Северьянов впервые остановился и, видимо, решил дождаться молодых людей. Но через несколько минут он вдруг опять тронул коня и, сутулясь, поехал дальше...

— Что он такой унылый? — спросил о нем Леонид.

— Тоже думает, — ответила Хмелько.

— Всегда такой?

— Да нет, не всегда.

— Уж не я ли испортил ему настроение?

— Вполне возможно.

— Может, ему не хочется расставаться с целиной?

— Ему, товарищ бригадир, не до целины!

— Странно! А в чем дело?

— Не торопитесь, все узнаете, — пообещала Хмелько.

Леонид долго молчал, делая вид, что занят исключительно сдерживанием Соколика; проваливаясь в снег, жеребчик частенько пугался и пробовал стремглав проскакивать опасные места. Но Куприян Захарович, видимо, занимал Леонида крепко; обиженный его равнодушием к бригаде и ее предстоящей работе, он вновь заговорил о нем:

— А вообще-то он как председатель... какой он?

— Умный хозяин! Голова! — ответила Хмелько.

— Хозяин умный, а колхоз едва дышит?

— Ой, едва-едва!

— Голова, а о целине не хочет думать?

— Да обождите вы! Вот задира!

Куприян Захарович дождался молодых людей у северной границы взрыхленного лемехами массива. Медленно отведя взволнованно-печальный взгляд от степи, он повернул к Леониду усатое кирпично-задубелое лицо и проговорил усталым голосом:

— Вот и степь...

С песней в душе ждал Леонид этой минуты: от нее должен начаться особый счет в его жизни. И хотя разговор с Хмелько о Северьянове на время несколько озадачил и смутно встревожил его, он все же оставался в состоянии того высокого и вдохновенного порыва, которым теперь полнилась его летящая в степь душа...

— Какое раздолье! — воскликнул он, сияющими серыми глазами пробегая по безбрежной равнине.

И верно, для открывшихся глазу сказочных просторов, казалось, не хватало небосвода. По всей степи снег уже превратился в жидкое месиво, всюду в низинках блестела вода, над большими проталинами, обогретыми солнцем, бесконечно струилось марево, вдали ослепительно, точно айсберг, сверкал голый березовый лесок, а над самым горизонтом закипали белой цветочной кипенью облака... От всего, что вставало здесь перед глазами, почему-то тревожно и радостно замирало сердце. Удивительные чувства, о каких и подозревать нельзя в себе, открывала степь в человеке, который впервые вступал в ее вольное и загадочное царство.

— Чудесное раздолье! — благоговейным шепотом повторил Леонид.

Куприян Захарович вздохнул и невесело промолвил:

— А я вот слезы лью, глядя на это раздолье...

— Почему же? — обиженный за свои чувства, с внезапной неприязнью спросил Леонид.

— Что такое целина, тебе известно, — сказал Куприян Захарович. — А вот что такое залежь, ты знаешь?

— Ну, брошенные земли, — несколько смутился Леонид.

— А почему они брошены? Догадываешься? — спросил Куприян Захарович и, не дождавшись ответа, продолжал: — Прежде у нас совсем мало было залежей, все пахалось, вон до той гривки. Целина от нас лежала далеко... Теперь же она подступила совсем близко, рукой подать, а залежи — вот они, кругом, готовы задушить село! Вот до чего мы дожили! Вот отчего и слезы я лью...

Леонид смущенно потупил взгляд.

— Я был в твоих годах, когда начались кол-

хозы, — с грустью продолжал Куприян Захарович, вытащив из кармана полушубка кисет и собираясь вертеть цыгарку из махорки. — Жил и мечтал, как орел, вон, в небесах летал! Да и как не мечтать было? Дело-то умное и выгодное... И если бы все шло как следует, жить бы нам теперь в бо-ольшой силе! Но жизнь нашу понесло вроде перекати-поле в бурю. Поначалу здорово навредили перегибщики. Ну, некоторые и давай сниматься с места. Как раз в те самые времена началось строительство Турксиба, до него отсюда рукой подать... Народ толпой туда. А тут, как назло, понаехали вдобавок вербовщики, стали зазывать в другие места, на другие стройки. Куда угодно ехали! Первая пятилетка, конечно, здорово потянула народ из деревни, и тут ничего не сделаешь, откуда же еще взять рабочий класс? Но наше Лебяжье опустело тогда больше, намного больше, чем другие ближние села. Спохватились мы, а у половины домов уже заколочены ставни. Что делать? Давай держать народ! А как его удержишь, если в нашем колхозе одни непорядки? Работают люди, работают, пóтом обливаются, надеждой себя тешат, а подойдет время распределять доходы — нет тебе ни шиша! Как хочешь, так и живи! И так один год, другой, третий... Небось, знаете, почему так было? Как же мог терпеть народ? Его держишь, а он все одно бежит! Пошли ребята в армию — никого не жди обратно. Поехали учиться — и след простыл. На любые хитрости пускались, чтобы вырваться из родного села. Вот как! А началась война, и совсем заглохло наше Лебяжье. Многие из тех, кто ушел на фронт, — а ведь у нас большинство пехотинцы, — в боях полегли. Остались в селе одни вдовы, дети, калеки да старики. Все брошенные дома растащили на дрова. А что уцелело, пошло вкривь и вкось, погнило, вросло в землю... Ну, и напоследок доконала засуха. Три года подряд жгла! Все выжгла: и землю до дна и души! Вот и осталось одно красивое название от нашего села...

Воспоминания еще более опечалили взгляд Куприяна Захаровича и его грубое, обветренное, но доброе, с тенью застарелой боли в каждой морщинке крестьянское лицо. Он курил и смотрел в степь и точно пытался высмотреть, куда ушла его жизнь...

— Куприян Захарович! — хрипловатым от волнения голосом произнес Леонид. — Не надо! Теперь поправится дело! Неужели не верите?

— Если бы не верил, не жил бы... — ответил Куприян Захарович и поощрительно похлопал по холке своего Гнедка, который в этот момент потянулся губами к сухой траве. — Как ни трудно было, а народ наш не потерял веры! Не-ет, не потерял! — продолжал он внезапно окрепшим голосом. — Теперь в колхозе самый отборный, самый стойкий народ. Да если бы не стойкость наших колхозников, разве мы удержались бы на этом рубеже? — Он имел в виду границу возделываемой земли. — Видите, как прут на нас залежи? Психическая атака! Только дрогни — эти бурьяны обложат все село. А за ними крадется сама целина. Много лет мы отступали, много хлебнули горя, но вот уже который год, как окопались и стоим в обороне. Стоим!

Леонид видел, с какой болью говорил Куприян Захарович об атаке одичалой земли на Лебяжье, и ему показалось не только странным, но и совершенно непонятным, почему он все же не радуется предстоящему покорению целины.

— Куприян Захарович, — заговорил Леонид, — неужели вы не мечтали, когда наступит вот этот день? День, когда вы от обороны перейдете к наступлению?

— Мечтал, — ответил Северьянов со вздохом. — Много лет мечтал!

— Но почему же... почему вас не радует этот день?

— Стало быть, не все еще понятно, — с сожалением произнес Куприян Захарович и, покачав головой, продолжал: — Ну, что ж, объясню! Стоять-то мы стоим в обороне, дорогой товарищ бригадир, но если говорить правду, держимся из последних сил. Помню, стояли мы в обороне под Ржевом. Участок наш по уставу — на батальон, а нас всего один взвод. И что же мы делали? Носились ночью по траншее туда-сюда, от пулемета к пулемету, и давали по нескольку очередей то в одном, то в другом месте... Дескать, вон нас сколько, берегись! Вот так и у нас, грешных... Держаться-то держимся, а ведь на каждого — сто метров обороны.

— Кем вы были на войне? — вдруг спросил Леонид.

— Снайпером, — неохотно ответил Куприян Захарович и тут же поспешно вернулся к прежней теме, которая его, несомненно, глубоко волновала. — Так вот, рассказать, как мы хозяйствуем? Вспахать и посеять — не мудрено, на это у нас и машин хватает и людей. Но как подходит уборка, — горим! У нас, на Алтае, с уборкой особенно спешить надо: в августе начинаются дожди, а там и заморозки. Как только пшеница достигла восковой спелости, тут, брат, не зевай, вали ее с корня! Вали и вали! Как раньше сибиряки делали? Подойдет время — пускаем в дело жатки, косилки, косы... Свалим пшеничку, и она спокойненько дозревает себе в снопах или валках, а тем временем начинаем скирдование и обмолот. Зерно — литое золото! Какая мука получалась из того зерна! Караваи, как пуховики! А что теперь? Достигла пшеница восковой спелости, ее самый раз срезать, а комбайн не идет: сыровато, забивает, подождать надо... По этой причине мы только портим себе нервы, ломаем машины да упускаем самое дорогое время. Ну, а когда созреет пшеница, комбайны, конечно, идут хорошо, но сколько их надо, чтобы враз охватить наши массивы! Хватишься, а зерно уже так и течет на землю. Какие потери! Смотришь — и волос на тебе седеет! Можно бы планировать ранними и поздними сортами пшеницы, чтобы растянуть период созревания, но где достать эти сорта? С этим делом у нас полная неразбериха. Сеешь то, что получишь по ссуде или есть в амбаре. И вот, стало быть, ходят комбайны, собирают наполовину уже пустой колос, да и тот, глядишь, собрать не удается: начинаются дожди. Теперь вот заговорили о раздельной уборке. Это вроде бы на старый манер: сначала скоси жаткой, а дозреет в валках — обмолачивай. Прямо скажу, в этом наше спасение: на неделю раньше будет начинаться страда, и намного сократятся потери. Когда повсеместно заведется такой порядок, мы будем с хлебом, даю слово! Но пока что нелегко нам в страду. На помощь нам подбрасывают комбайны с Кубани, но их все одно мало. А как у нас с очисткой зерна, сушкой, погрузкой? Где механизация? Все живой силой делаем, рукой да лопатой. А ведь это такие трудоемкие работы! Сколько на них людей надо! Точно знаю, что у нас, в Сибири, разной подсобной механизации в полеводстве в два, а то и в четыре раза меньше, чем на Кубани, где людей больше! Верно говорю, Галина Петровна?

— Верно, — подтвердила со стороны Хмелько; она вымолачивала на ладони колоски какой-то травы, сорванной на залежи.

— Правильно это?

— Неправильно.

— Планируют! — проворчал Куприян Захарович в сторону, точно огрызаясь на кого-то, и даже сплюнул от негодования и гнева. — Они планируют, а у нас хребты трещат! Начинается страда, а ты мечешься по полям, как бешеный, и не знаешь, за что ухватиться. Не видишь света белого! И вот тогда шлют к нам городских. Вот так-то у нас, дорогой товарищ, в полеводстве: точно, как под Ржевом в нашей обороне. А в животноводстве — и того хуже! Конечно, куда выгоднее поставить скот в стойло. Но сколько же потребуется рабочей силы для ухода за скотом? А где ее взять? Стыдно говорить, а ведь в некоторых местах у нас коровы бродят иногда по степи, как дикие, и никто их даже не доит!

— Но как же так?! — не веря своим ушам, воскликнул Леонид.

— А кому их доить? Доярок не хватает!

— Но как же... без дойки?

— Телята подсасывают... Да и какое там у них молоко! За день одна кринка!

— И только? Какие же это коровы?

— Фуражные.

— Какие, какие? — быстро переспросил Леонид.

— Фуражные, — повторил Куприян Захарович. — Переводят фураж.

— Черт знает что! Но для чего же их держать?

— Для плана, — грустно пояснил Куприян Захарович.

Слушая Куприяна Захаровича, Леонид с каждой минутой все более и более мрачнел, все чаще опускал вдруг отяжелевший и потемневший взгляд. Его душа, охваченная внезапной тревогой, медленно сжималась, точно стальная пружина. Он уже смотрел на степь совсем не так, как полчаса назад, и степь казалась ему теперь не загадочным царством, а обыкновенной, непригладной, даже грустной землей, по которой бродят одичалые коровы...

Он спросил тяжко и глухо:

— Да неужто так обезлюдело село?

— Обезлюдело, — ответил Куприян Захарович сурово и в волнении передернул темнорусыми, с подпалинкой усами. — Сейчас мы на каждого трудоспособного колхозника засеваем больше двадцати гектаров, держим трех коров и полсотни овец. Где вы видели такую нагрузку на человека? Скажи в России — не поверят!

Гнедко изредка переступал, выбирая губами в бурьяне какие-то съедобные былинки, и Куприян Захарович, не желая тревожить его, вновь взялся за кисет.

— Побывал я во многих передовых алтайских колхозах,— продолжал он не спеша.— Ничего не скажешь, дела у них идут хорошо, хозяйство растет... «Все зависит от руководителей, — говорят у нас, — от организации...» Конечно, это имеет значение, и даже большое, зачем спорить? А норма земельных угодий на одного трудоспособного разве не имеет важности? Хватился за нормы: гектаров восемь — десять на рабочие руки. В одних селах всегда земли было мало, в других каким-то чудом призадержался народ в те беспокойные годы. Словом, хватает у них сил, чтобы совладать с пашней и вести передовое животноводство... Почему не жить и не поднимать хозяйство? Вот слыхал я, что ученые в Омске, в сельскохозяйственном институте, давным-давно изучили опыт этих самых передовых зерновых колхозов и произвели разные расчеты. И какую же, по-вашему, примерную нагрузку на рабочие руки они рекомендуют? От шестнадцати до двадцати одного гектара угодий, считая все: и пашни, и сенокосы, и пастбища, и сады... А у нас — я уже сказал тебе — только посева приходится больше двадцати гектаров, а всех угодий — около семидесяти! Есть разница? Теперь прикинь, что же будет, если две ваши новосельские бригады поднимут еще шесть тысяч гектаров, как намечено? Ведь тогда на одни руки будет сорок гектаров посева! Соображаешь? А как тогда со скотом быть? То он бродил и бродил по степи, как дикий, сам кормился... А как быть теперь, когда распашем почти все пастбища и останутся одни солонцы? Выход один — ставь скот в стойло! Надо заводить зеленый конвейер, косить и возить травы с поля на фермы, ухаживать за кукурузой, закладывать силос... Что там говорить, все это хорошо, но где взять людей? И где взять механизацию? А скота у нас много... Да, надоело, здорово надоело, прямо-таки осточертело сидеть в обороне! Я люблю наступать. Привычное дело. Но где силы? Вы знаете одно: наступать! За тем и ехали. А я знаю другое: чтобы наступать всерьез, нам нужно хорошее, надежное подкрепление!

На лбу Леонида вдруг выступил пот.

— Чем же ненадежны мы? — спросил он угрюмо и обидчиво.

— А всем вообще.

— Как это всем вообще?

— Во-первых, крестьянского опыта нет.

— Наживем! А во-вторых?

— Во-вторых, непривычны к нашей жизни.

— Привыкнем!

— Сомневаюсь, здорово сомневаюсь! — сказал Куприян Захарович. — Здесь нужен народ из деревни. Разве мало деревенской молодежи в западных областях, которая за милую душу поедет в наши места? Ручаюсь, сколько угодно!

— Может, и в-третьих есть? — спросил Леонид.

— А в-третьих, даже и ненадежных-то вас очень мало, — без тени смущения ответил Куприян Захарович.— В бригаде Громова не хватает восьми человек. А у вас? Сколько же?

— Девять...

— Ну, вот видите, что получается? — продолжал Северьянов. — А где мне взять людей?

— Куприян Захарович, — заговорила Хмелько, все время, на удивление, молча и серьезно слушавшая рассказ председателя колхоза, — вчера мне в Залесихе сказали, что к уборке в Лебяжье прибудут переселенцы...

— Кто это сказал? — недоверчиво переспросил Северьянов.

— Сам Рудницкий.

— И сколько же семей?

— Говорят, семей двадцать.

— Ну, вот это — другое дело, — оживленно сказал Куприян Захарович. — Это надежно. Давно бы надо! У нас два выхода, выбирай любой. Или оставить на каждого трудоспособного нормальную земельную нагрузку, а все лишние угодья отрезать совхозам, или направить сюда переселенцев и дать побольше механизации, особенно в животноводство. Чтобы так и так вышла разумная норма. А без этого хоть тресни, а толку не будет! Посылай на мое место любого министра — взревет белугой... Значит, обещали переселенцев? Это хорошо, это — другое дело... Только ведь улита едет, когда-то будет, а людей сейчас надо: через неделю пахота.

— Выходит, что наступать никак нельзя? — совсем мрачно, поглядывая исподлобья, спросил Леонид.— Колхозников мало, мы ненадежны, переселенцы еще не прибыли... Значит, вы против наступления?

— Зря ты кипишь. Охолонь, — без обиды посоветовал Куприян Захарович. — Если бы я был против, меня бы сам дьявол не выгнал сегодня в степь. У меня жена хворая, лежит без памяти...

Леонида точно подбросило в седле.

— Что ж вы не сказали?

— А что скажешь? Семейное дело! — ответил Куприян Захарович как-то смущенно и, подбирая поводья, чтобы продолжать путь, закончил: — Нет, брат, я всей душой за наступление! Осточертело мне смотреть на это вот раздолье. В глазах у меня мерещатся бурьяны. Никакой красоты я не вижу в седом ковыле! Есть у нас такой ковыль — тырса... У него очень острая и опасная зерновка. Вонзится в кожу овцы и давай зарываться, как в землю. Так и лезет. Зароется в легкое — и конец овце. Вот они какие, ковыли! Другое дело — море пшеницы... Душа перед ней поет! Нет, дорогой товарищ бригадир, совсем мы не против! Мы знаем, что государству нужен хлеб, очень нужен, может быть, как никогда раньше! Значит, надо добывать хлеб. Тяжело, а добывай. Создавать совхозы не просто, да и много ли они смогут посеять нынешней весной? Не успеют оглядеться на целине, а весна ушла... Вот с будущего года они, точно, могут давать хлеб. А нынче, думается мне, больше всего поднять целины должны уже действующие МТС и колхозы. Все это мы понимаем, не дураки. Но ведь от этого не легче? И хотя у нас в колхозе народ стойкий, но учти, что не всем хочется связываться с этой целиной. И не всем улыбается жизнь без целины.

От всех удивительных чувств, которые пробудила степь в душе Леонида, как только он окинул ее первым взглядом, теперь осталось нечто вроде горького дымка над померкшей грудкой кизячной золы. После минуты тягостного молчания он медленно поднял на Куприяна Захаровича далекий, затуманенный взгляд и, вздохнув, с трудом разжал зубы:

— Открыли вы мне глаза...

— Да оно ведь и лучше — ехать в эту степь с открытыми глазами, — сказал Куприян Захарович. — Ну, что, трогаем дальше?

Кони двинулись бездорожно, бурьянистым перелогом. Несмотря на засуху, здесь, на пашне, брошенной года три назад, крепко ужились ядреные сорные травы. Над осевшим и почерневшим снегом, замусоренным листвяной и цветочной трухой, всюду торчали грубые растопыренно-ветвистые стебли гулявника с колючими стручками, бородавчатой свербиги, осота и будяка, которые все еще не успели рассеять обильный урожай своих хохлатых семянок... А потом пошли большие круговины сурепки, густые, но помятые, потрепанные заросли дикой конопли и сизоватой полыни. Эти сорные травы в самом деле наступали на земли, где сеется пшеничное зерно, точно несметные вражеские полчища.

— Обсохнет — выжечь надо, — сказала Хмелько.

— Да, только огнем, — согласился Куприян Захарович.

И коням и людям стало легче, когда выбрались на мягкие залежи, где за дико атакующими полчищами бурьяна двигались более низкие, кормовые травы: белый донник, острец, эспарцет, и густо полз, пронизывая и покоряя весь плодородный пласт, необычайно жадный до жизни и властолюбивый пырей. Эти места большей частью были выкошены и вытоптаны скотом, и над неглубоким, коню по щетку, рыхлым снежным покровом лишь местами висели на тонких, поникших былинках высохшие колоски, метелки и кисти...

— Ну, и запыреено! — проговорила здесь Хмелько.

— Крепко,— подтвердил Куприян Захарович.

— Тут нелегкая борьба!

— Работы до самой осени!

Постепенно степь становилась все ровнее и однообразнее. На пути совсем исчезли всякие приметы старой пашни: смутно обозначенные борозды, межи, где держатся особенно дюжие травы, всякие хозяйские знаки на границах полей, — пошла твердая залежь, не знавшая плуга четверть века, а затем и девственная целина. Здесь из-под снега реденько торчали, точно барсучьи кисти, дернинки типчака и пучки легчайших шелковых остей ковыля...

— Вот она! — вдруг остановив коня, негромко промолвил Куприян Захарович и, махнув ладонью на запад, досказал: — Поднимай сплошь, до самого Иртыша!

— Чудесна! — воскликнула Хмелько.— Только все же есть солонцеватые пятна...

— Где ты видишь?

— А вон низинка.— Хмелько указала плетью вдаль, где в низинке, над водой, виднелись кусты красноватой травы. — Это же кермек. Значит, там солоновато...

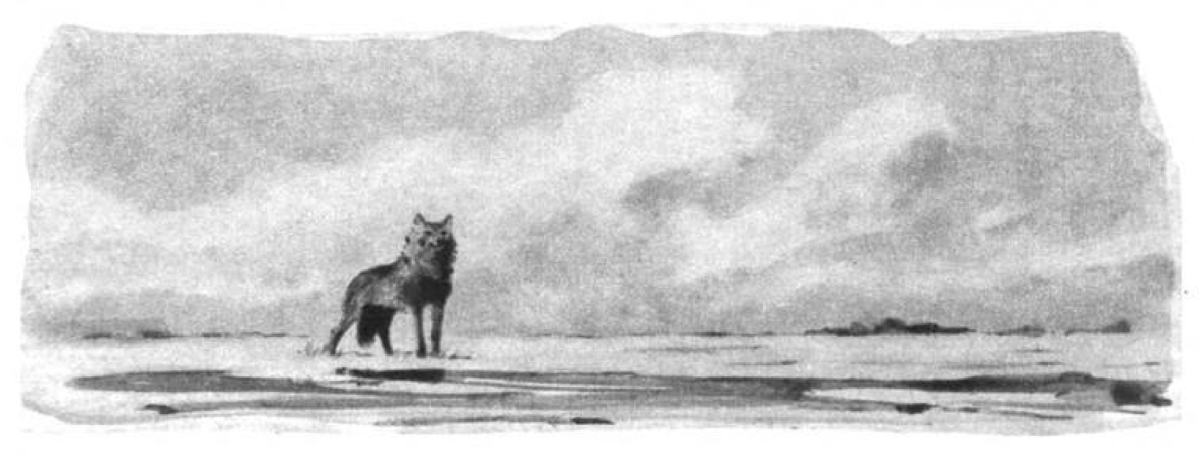
— Глазастая ты...

Пробиравшийся сторонкой Леонид только краем уха услыхал этот разговор и с удивлением подумал, что Хмелько, судя по всему, разговаривает с Куприяном Захаровичем со знанием дела. «Это верно, глазастая... — неожиданно для себя, даже с некоторым удовольствием согласился он с замечанием Северьянова. — Дьявол с синими глазами...» Но тут же, не придавая никакого значения тому обстоятельству, что ему впервые подумалось о Хмелько с удовольствием, он поспешно вернулся к своим мыслям и некоторое время, захваченный ими, ехал со стиснутыми зубами и отчаянно-властным выражением лица. «Ничего! Ничего! — яростно твердил он себе в эти минуты, изредка пронзительным и дерзким взглядом осматривая степь. — Выдержим! Не такое было!..»

Он вдруг почему-то совершенно отчетливо вспомнил, с каким чувством бежал от матери с танкистами на фронт — в огневое пекло, кипевшее высоко в небе на запад от взгорья, где была стерта с лица земли его родная деревня. Странно, но ему показалось, что он вновь полон того невыразимого, полузабытого чувства, каким когда-то внезапно, как светом молнии, озарилось его детство...

— А вот и он! — раздался голос Куприяна Захаровича. — Сам хозяин...

Леонид обернулся на его голос — и вдруг увидел вдали волка. Он стоял вполоборота на ковыльной проталине и, высоко подняв лобастую голову, настороженно смотрел на людей, неожиданно появившихся в его степи...

СТЕПНОЙ ПРОСТОР

Василий ЖУРАВЛЕВ

Рисунки В. ВЫСОЦКОГО.

Перед жатвой

Не пропадет целинная пшеница!
И вот
рюкзак сложили на рюкзак,—
открытая
уже в просторы мчится
машина с полустанка Тогузак.

И наша юность,
полная здоровья,
уже звенит натянутой струной,
и баянист
мотивы Приднепровья
вздымает
над казахской стороной.

А молодежь поет среди ромашек
все так же громко,
как в родном краю.
И по расцветке вышитых рубашек
я неньку Украину узнаю.

Открытая
вперед машина мчится.
Над ней томится солнечный зенит.
Шумит карабалыкская пшеница.
И песня,
словно вспугнутая птица,
над тучною пшеницею звенит.

Поет акын

Омару Шипину.

Ему за семьдесят,
но он не стар.
Хотя и плотен,
выглядит не бочкой.
В зеленой шапке
с лисьей оторочкой
по вечерам
приходит в клуб Омар.

Домбру из-под шапана достает,
давая голос
струнам напряженным.
И сын его Абдыш
непринужденно
чуть позади родителя встает.

— Внимание!
И затихает зал.
И, обжигая слух
последней вестью,
еще никем не слышанную песню,
подумав, начинает аксакал.

Хваля людей за славные дела,
акын
степенное выводит слово:
«В совхозе Маяковском
Габдалла
на сенокосе отличился снова.

Он, Габдалла, сегодня молодцом,
среди косцов первейших
верховодит...»

И сын акына
песню переводит,
построчно поспевая за отцом.

«Он, Габдалла,
достоин похвалы!..»
И видят все:
в соседнем коридоре
улыбка разливается, как море,
на загоревших скулах Габдаллы.

А песнь звенит, и радует сердца,
и рассыпает почести без счета.
Не зря «живою книгою почета»
зовут в совхозе старого певца.

Но вот на струнах замерла рука,
вот подкрутил Омар
колки тугие.
И быстрые глаза
в глаза другие
уже вцепились,
словно два зверька.

Он разговор заводит
напрямик,
бичуя все дурное и худое:
«Опять на ферме снизились удои.
А почему?
Ответь нам, Жаксылык!..»

Поет акын, усевшись на полу,
и меткие слова
на смотр выводит.
И сын дословно песню переводит.
И Жаксылык волнуется в углу.

Поет акын, сил не жалеет он,
народ вооружая вдохновеньем.

И слушает старейшего
с почтеньем
весь Убаганский
солнечный район.

Старый карагач

Повсюду степь!
Степь без конца и края
шумит,
волной пшеничною играя
да табуны ветров
пуская вскачь.
И вдруг
над марью поля золотого,
над изобилием зерна литого
раскинул руки
старый карагач.

Он, как колхозник,
посреди пшеницы
встал, чтоб целинной нивой
подивиться
да поразмыслить в поле
кой о чем.
И ничего,
что в пыльном он наряде
и что сухие ветви,
словно пряди
седых волос,
застыли над плечом.

Все ничего!
Да только вот в просторы
врываются ревущие моторы.
И карагач
уже в кольцо зажат.

А под его полой карагачата —
смешные,
несмышленые внучата —
стоят
да каждым листиком дрожат.

И старый карагач,
почти неистов,
вдруг застонал,
завидев трактористов:
— Ребята!
А нельзя ли стороной
пообойти мои владенья эти!
Сердечные,
хоть совесть поимейте,
ведь я здесь все же
житель коренной!..

И трактористы, утопая в гуле,
подумали
да в сторону свернули,
оставив за собой одно живье.
И карагач,
опять поля лаская,
куражится,
на волю выпуская
потомство родовитое свое.

Тенгиз

Опять, бродя по Кустанаю,
спускаясь к Затоболью вниз,
я постоянно вспоминаю
степное озеро Тенгиз.
Не ковыли на горькой глине,
не соль у яра на краю,
не серебро седой полыни
меня пленили в том краю.

Меня пленил не скрип повозок,
не покосившийся барак,
не шум надломленных березок
вокруг аула Аксырак;
не степь в цветущем молочае,
не плеск фунтовых карасей,
не крик разгоряченных чаек
и не становие гусей.

Меня пленил по-над осокой,
раскинутый на сотни га,
негнущийся камыш высокий,
непроходимый, как тайга.
Меня пленил камыш железный,
который в гуще родников
стоял стеною бесполезной
на протяжении веков.

Меня пленил камыш нешаткий,
пугавший рыбаков в ночи,
который ныне косят жатки
и тянут к плесам тягачи;
который рядом на заводе
стальною бечевой прошит
и во дворе и на проходе
лежит, спрессован в камышит.

Я видел, как в густое жито
идет рассвет по целине,
как строят клуб из камышита
в лишенной леса стороне.
Я видел, как построек стая
в пустынях сердце веселит,
как по совхозам, вырастая,
встают дома из жарких плит.

И вот по всей степи узорной
машины, взяв просторы в плен,
развозят щедрый дар озерный —
готовые пролеты стен.
И я, бродя по Кустанаю,
спускаясь к Затоболью вниз,
опять с любовью вспоминаю
степное озеро Тенгиз.

ДОМА ИЗ КАМЫШИТА

На обширных землях совхоза «Урненский», Кустанайской области, немало озерных водоемов, живописно окаймленных рослым камышом. Этот дешевый и легко доступный строительный материал широко используют новоселы.

На центральной усадьбе совхоза и в его отделениях один за другим вырастают красивые камышитовые домики. Почти целиком из камыша строится новый поселок 3-го отделения. В числе других заканчивает свой трехкомнатный домик семья Орловых.

Фото С. Фридлянда.

СО ВСЕЙ СТРАНЫ

С. ФРИДЛЯНД

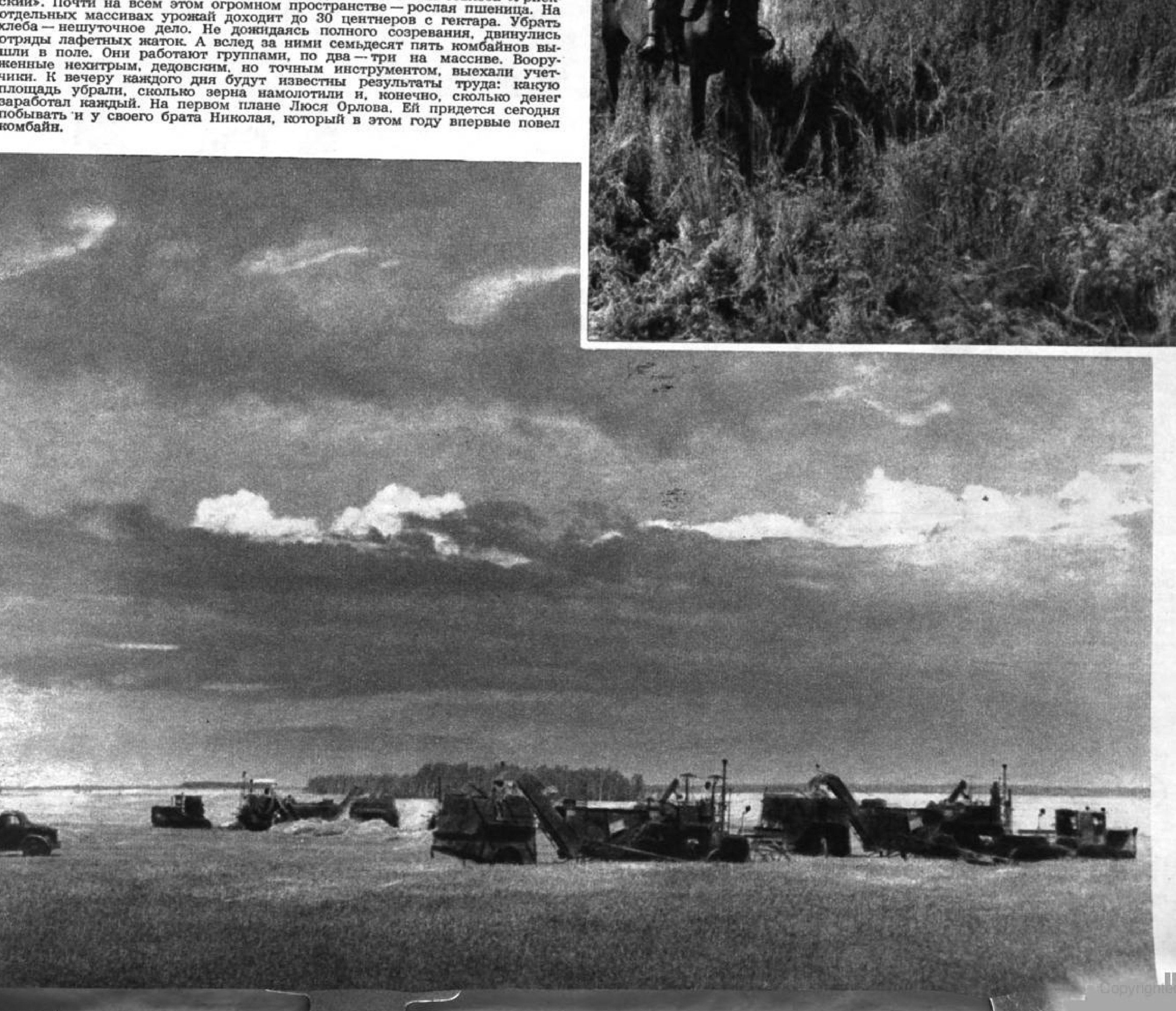
Ранней весной пятьдесят четвертого года директор будущего совхоза «Урнекский» Афанасий Пряхин вбил первый колышек в землю кустанайской целины, которой веками не касалась рука хлебороба. Минуло два года, и в этом полупустынном крае прочно утвердилась деятельная жизнь. Кустанайцы и сами еще удивляются совершенному ими же разительному преображению степи. Стал уже легендарным первый колышек, ныне безнадежно утерянный среди десятков светлых домиков и молодых посадок вокруг них. Но о колышке помнят. Вспоминают и неуютные «фронтовые» ночи на не тронутой еще целине, и жестокие бураны, сносившие напрочь палатки, и хмурое утро первой весны, когда мощный плуг взрыл землю, оставив после себя черный лохматый след первой борозды.

— Где-то здесь...— неопределенно сказала нам заправщица Зоя Левашева. — Разве теперь найдешь ее!

Целинная земля щедро оплатила упорный труд многих людей, приехавших сюда по зову партии со всех концов страны.

Они вырастили свыше двух миллионов пудов хлеба, окупив вторым урожаем затраты государства на строительство и оснащение совхоза. Это большое дело!

Двадцать три тысячи гектаров целины подняли новоселы совхоза «Урнекский». Почти на всем этом огромном пространстве — рослая пшеница. На отдельных массивах урожай доходит до 30 центнеров с гектара. Убрать хлеба — нешуточное дело. Не дожидаясь полного созревания, двинулись отряды лафетных жаток. А вслед за ними семьдесят пять комбайнов вышли в поле. Они работают группами, по два — три на массиве. Вооруженные нехитрым, дедовским, но точным инструментом, выехали учетчики. К вечеру каждого дня будут известны результаты труда: какую площадь убрали, сколько зерна намолотили и, конечно, сколько денег заработал каждый. На первом плане Люся Орлова. Ей придется сегодня побывать и у своего брата Николая, который в этом году впервые повел комбайн.

Шестнадцатый год водит комбайн уралец Степан Замулло. В совхозе его называют «капитаном пшеничных морей». Он и впрямь похож на капитана, когда уверенно стоит за штурвалом двух спаренных на сцепе степных кораблей.

А вот и представитель столицы Белоруссии Нина Трус. Она заканчивает училище механизации. На уборке в Урнекском совхозе Нина стала хозяином тяжелого трактора. «Мне по душе пришлись просторы целины, а руки у меня крепкие. Здесь и буду работать»,— сказала нам эта жизнерадостная девушка.

Собрались здесь из разных мест после армейской службы восемь братьев Петровых: Василий, Михаил, Алексей, Иван, два Николая и примостившиеся на снимке сзади молодые пареньки Юрий и Александр. Все они водители автомашин. «Если нас всех посчитать — жен, детвору, бабок, дедов и сестер,— то, пожалуй, больше сотни наберется»,— говорит старший брат, Алексей, основатель петровской династии в совхозе.

«Я буду работать, а вы, если это нужно, снимайте. Каждая минута сейчас нам дорога»,— заметил украинец Алексей Редька (слева). Вдвоем с братом они срочно меняли ремень на своем комбайне.

С первых дней создания совхоза отлично работает москвичка Зоя Левашева. Она еще донашивает форменную куртку работника Главного почтамта, но сейчас все ее помыслы направлены к тому, чтобы бесперебойно снабжать горючим комбайны и тракторы.

На совхозных токах и полях работают приехавшие на уборку студенты и рабочие Киева. Дело для них непривычное, но они неплохо справляются с ним.

Велик в этом году целинный урожай. Одним новоселам не управиться с его уборкой. И в этом вся страна пришла на помощь. Со своими машинами приехали в совхоз лучшие водители Одессы, Киева и Ростова.

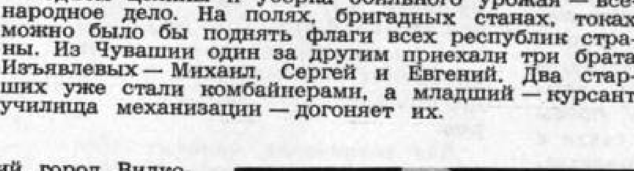

СО ВСЕЙ СТРАНЫ

Одного из лучших шоферов в совхозе дала солнечная Одесса. «Солнца и здесь много, а работа куда как интереснее», — смеется Евгений Шуровский.

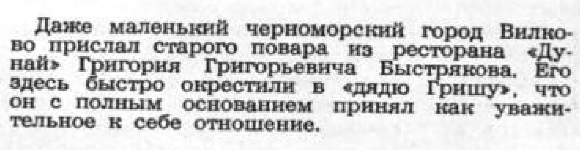

Подъем целины и уборка обильного урожая — всенародное дело. На полях, бригадных станах, токах можно было бы поднять флаги всех республик страны. Из Чувашии один за другим приехали три брата Изъявлевых — Михаил, Сергей и Евгений. Два старших уже стали комбайнерами, а младший — курсант училища механизации — догоняет их.

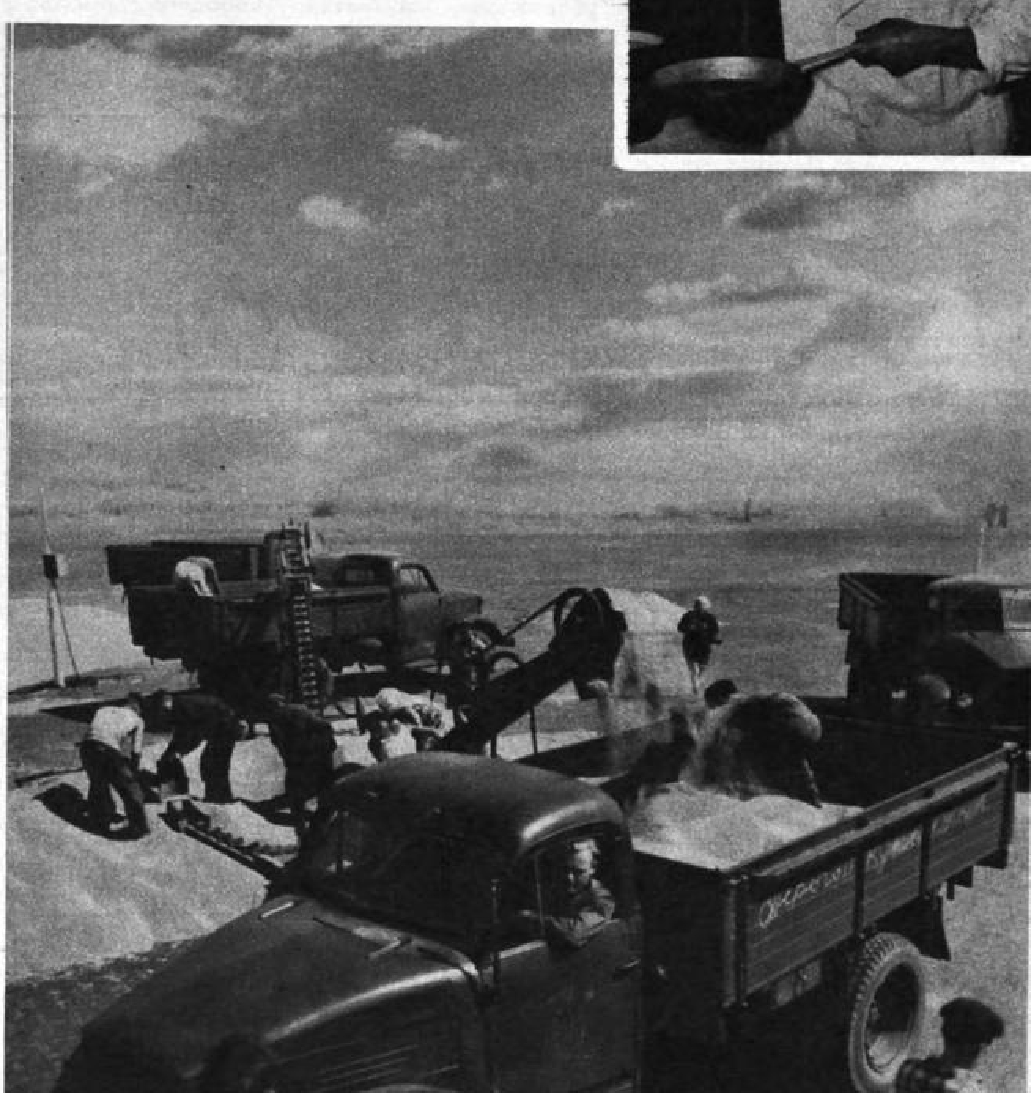

Радушно встретили в совхозе посланцев Венгрии — трактористов, комбайнеров, механиков, шоферов. Лена Гусева встретила шофера Блажко Иштвана букетом полевых цветов.

Даже маленький черноморский город Вилково прислал старого повара из ресторана «Дунай» Григория Григорьевича Быстрякова. Его здесь быстро окрестили в «дядю Гришу», что он с полным основанием принял как уважительное к себе отношение.

И, наконец, заключительный этап напряженного труда — автопогрузчики наполняют зерном кузова машин. Через минуту — две одна за другой умчатся они по накатанным полевым дорогам на элеватор.

Речка Малый Тогузак маленькая, но освежиться в ней можно. Это тем более интересно, что, прыгнув в нее, вы с территории Казахстана попадаете на Урал, в Челябинскую область

И снова нетронутая целинная земля. Ее много вокруг, и новоселы не забывают о ней. Убирая уже выращенный урожай, они поднимают все новые пласты целины. И в будущем году еще на тысячах гектаров будет ходить тяжелыми, медленными волнами золотистое море целинной пшеницы.

ДОЛГ УЧЕНЫХ

П. ЛОБАНОВ,

президент Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук имени В. И. Ленина

Одна из замечательных особенностей этого года — успешное выполнение государственного плана освоения целинных и залежных земель. Обильный урожай, выращенный на десятках миллионов гектаров, — убедительное подтверждение мудрой прозорливости нашей партии, принявшей на февральско-мартовском Пленуме 1954 года историческое решение об освоении целинных и залежных земель Казахстана, Сибири, Урала и Поволжья.

Известно, что целинные и залежные земли имеют высокое естественное плодородие, накопленное за долгие годы. Задача состоит в том, чтобы сохранить его и даже увеличить. Для этого нужно прежде всего всесторонне и правильно использовать многолетний опыт и новейшие достижения науки и техники. Ошибки могут привести к быстрому истощению плодородия целины, а следовательно, и к низким урожаям.

История знает немало примеров, когда в результате неправильного подхода к использованию естественного плодородия почвы тысячи гектаров распаханной земли уже через 4—5 лет засорялись сорняками и поэтому забрасывались на долгое время. А многие участки превращались в бесплодные пустыни. Мы не можем допустить подобных ошибок. Плодородие вновь освоенных земель — огромное народное богатство, которое должно и может приумножаться.

Поэтому с первых дней массового освоения новых земель наши ученые активно включились в это всенародное дело. Они оказали совхозам и колхозам помощь в выборе массивов для распашки, в установлении лучших сроков, способа и глубины вспашки пласта, в определении агротехники возделывания зерновых культур и в решении других вопросов.

Научными работниками доказано, что для получения высокого урожая очень важно как можно раньше поднять пласт и хорошо заделать дернину. При ранней вспашке не только дольше сохраняется весенняя влага, но и создаются наиболее благоприятные условия для накопления в почве питательных веществ, необходимых в жизни растений. Ранняя вспашка дает значительную прибавку урожая — по сравнению с поздней, — по 4 центнера на гектар. Именно такие результаты получены Омским научно-исследовательским институтом земледелия, Уральской селекционной станцией, колхозами и совхозами Акмолинской, Северо-Казахстанской, Челябинской и других областей.

Массовый опыт показал, что на хорошо вспаханных целинных землях нет необходимости в ежегодной глубокой вспашке. В ряде крупнейших районов хорошие результаты дает лущение стерни под вторую и третью культуру, а на старопахотных чистых землях — глубокое рыхление почвы плугами без отвалов. В связи с этим большой интерес представляют работы научно-исследовательских учреждений по изучению и обобщению приемов обработки почвы по методу, предложенному Т. С. Мальцевым.

Основные массивы целинных и залежных земель расположены в степных районах, подверженных периодическим засухам. Поэтому в комплексе агротехнических мероприятий особое значение приобретают сохранение влаги, снегозадержание, задержание талых и дождевых вод. По данным Уральской государственной селекционной станции и Шортандинской опытной станции в Казахской ССР, при помощи тракторных снегопахов можно увеличить запасы весенней влаги настолько, что это будет соответствовать 50—60 миллиметрам выпавшего весной дождя.

Одной из главных причин падения урожая на целинных землях было быстрое засорение их сорной растительностью. Правильная агротехника и новейшие средства, в частности гербициды, дают хлеборобам мощное оружие в борьбе с сорняками. В зерносовхозе «Кустанайский», Кустанайской области, где применялись гербициды, урожай пшеницы повысился на 2—2,5 центнера с гектара. Благотворно влияет на посевы использование одновременно с гербицидами минеральных удобрений. Обычно подкормка удобрениями производится с воздуха, самолетами сельскохозяйственной авиации, при минимальных затратах труда.

Учеными также доказана высокая эффективность бактериальных удобрений и особенно фосфоробактерина. Дело в том, что целинные земли не всегда содержат достаточное количество питательных веществ в доступной для растений форме, особенно ранней весной. В этом году на целинных и залежных землях такие удобрения применены на площади, превышающей миллион гектаров.

Для увеличения валовых сборов зерна огромное значение имеет сокращение сроков и улучшение технологии уборки. В настоящее время несколько бригад ученых и специалистов в различных районах Сибири, Казахстана и Заволжья обобщают практический опыт раздельной уборки. Даже неполные данные этих наблюдений показывают, что массовая раздельная уборка сокращает сроки на 7—10 дней, она снижает потери, улучшает качество зерна и увеличивает валовые сборы.

Однако механизация и улучшение технологии уборки не единственные пути сокращения потерь. Широкое применение высокоурожайных сортов, имеющих разные сроки созревания, устойчивых против полегания, осыпания зерна и болезней, должно найти свое достойное место в каждом колхозе и совхозе. Особого внимания заслуживает дальнейшее расширение посевов твердых пшениц. Они дают в этих районах непревзойденное по своим качествам зерно.

Освоение огромных площадей пустовавших земель вносит не только большие количественные, но и значительные качественные изменения в уже сложившуюся систему ведения сельского хозяйства. Поэтому вопросы правильного сочетания отраслей, специализации и интенсификации общественного производства применительно к конкретным природно-экономическим условиям имеют исключительное значение.

Трехлетний опыт подтверждает, что массовое освоение новых земель открывает неограниченные возможности и для развития животноводства. В этих районах совхозы и колхозы в короткие сроки могут стать не только производителями огромного количества наиболее дешевого зерна, но и крупнейшими поставщиками дешевого мяса и шерсти.

Работа, проделанная в Казахстане, Сибири и Заволжье, — только первый этап в освоении целинных и залежных земель. Имеются огромные массивы плодородных земель на Дальнем Востоке с его благоприятными климатическими условиями и особенно с достаточным количеством осадков, что важно не только для получения обильных урожаев зерновых, но и картофеля, овощей, сахарной свеклы и других культур.

Долг ученых — глубоко изучить и научно обобщить массовый опыт освоения новых земель. В отличие от прошлых лет, когда значительная часть исследований сосредоточивалась на отдельных агрозоотехнических методах и приемах, теперь бóльшая часть вопросов решается комплексно.

Всесоюзная академия сельскохозяйственных наук имени В. И. Ленина, ее институты и опытные учреждения совместно с партийными, советскими и сельскохозяйственными органами проводят эту работу в широких масштабах, способствуя увеличению производства сельскохозяйственной продукции и общему подъему производительных сил нашего сельского хозяйства.

ВТОРЫЕ ПУТИ

И. Климентьев все подготовил к взрыву.
Фото Б. Клипиницера.

Орск—Оренбург — Кинель... Почти на восемьсот километров протянулась эта магистраль — одна из многих, где сейчас ведется строительство вторых путей железной дороги. Сотни сложных механизмов, специальные поезда, механизированные колонны действуют на трассе.

Мы проехали по трассе строительства от Оренбурга до Орска. На ряде перегонов общей протяженностью почти в сто километров вторые пути уже уложены. Поезда здесь следуют без задержек, не останавливаясь на разъездах. Вот и 196-й километр. Тут недалеко от станции Кувандык разместился один из многочисленных строительно-монтажных поездов. Вдоль путей на сотни метров растянулся поселок. Еще недавно его сборные домики стояли за несколько сот километров отсюда, возле Актюбинска, где завершались работы по переустройству линии. А вот теперь дома перекочевали на новое место.

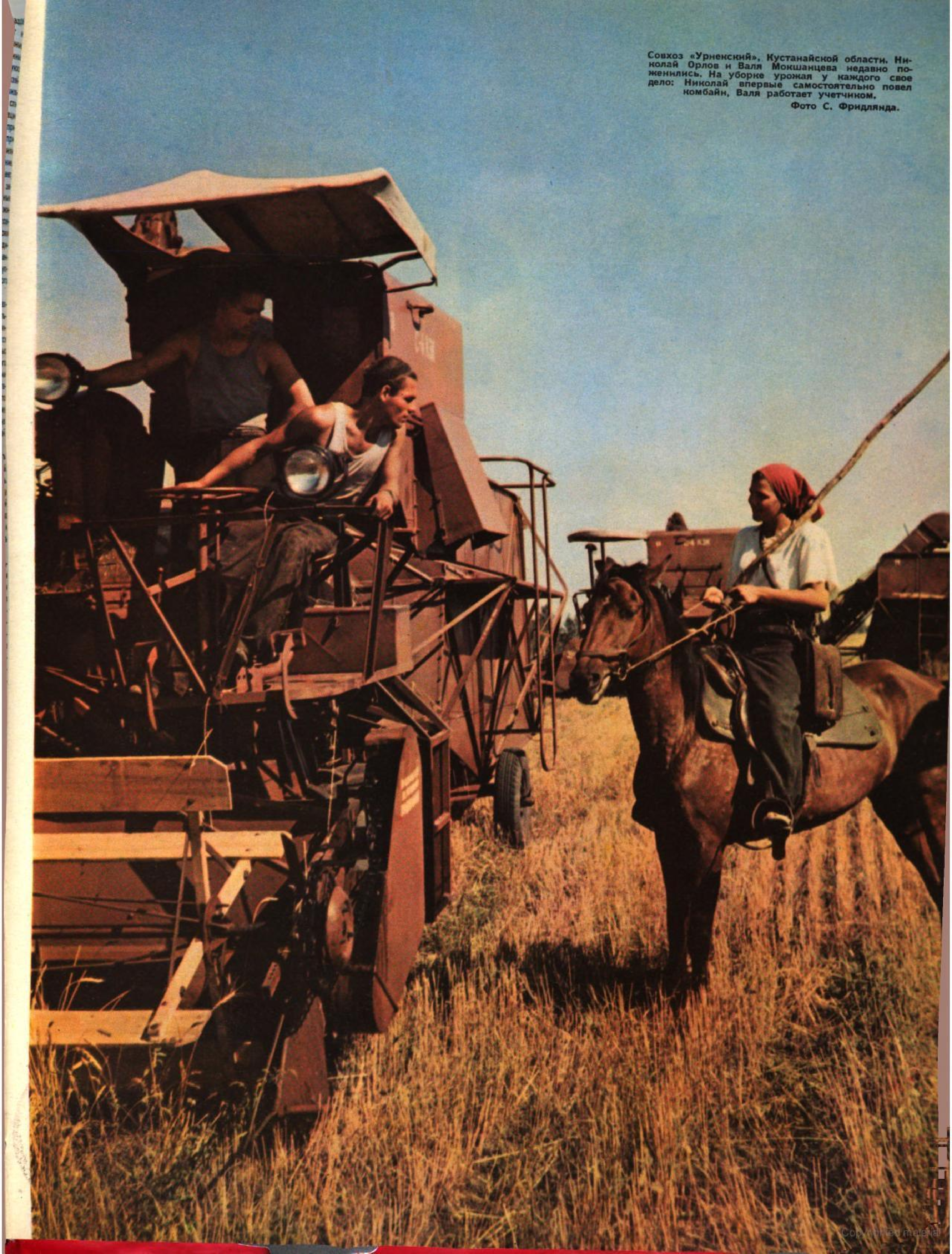
По соседству раскинул свое «хозяйство» взрывпоезд. Подрывникам придется немало потрудиться, расширяя многочисленные глубокие выемки в отрогах Уральских гор. Взрывные работы могут вестись только при наличии «окон», то есть тех редких промежутков, когда на перегоне нет движения поездов.

Вот появился двухчасовой перерыв в расписании. Иван Климентьев, в прошлом солдат-сапер, повернул ключ взрывной машины. Сработали электродетонаторы, и 900 кубометров размельченной скалы взлетели в воздух. Не прошло и часа после взрыва, как путь уже был расчищен от плотного слоя осколков породы, и вскоре точно по расписанию помчался длинный состав, платформы которого были заставлены крытыми машинами с надписью на каждой «Автолавка».

— На целину повезли, — сказал наш спутник. — Десятки составов за день проходят то с тракторами, то с комбайнами, то с автолавками...

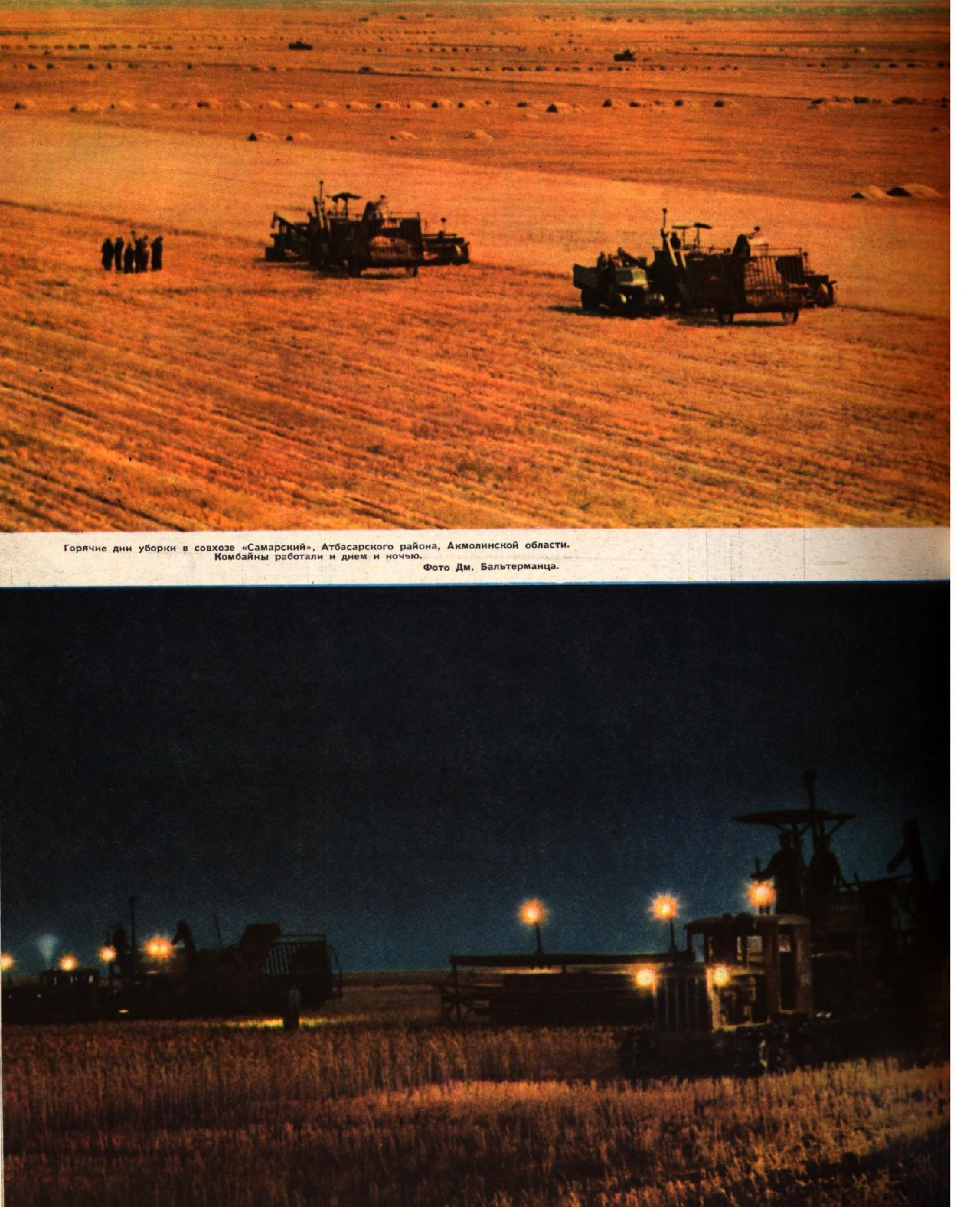
На строительстве вторых путей трудятся люди разных профессий и различной судьбы. Здесь и девушки с Кубани и Украины, прибывшие два года назад на стройку по комсомольским путевкам, и старые, кадровые строители, протянувшие уже тысячи километров новых дорог в разных концах страны, и совсем молодые рабочие, впервые начинающие свою трудовую деятельность, и демобилизованные воины...

А. ГОРЯИНОВ

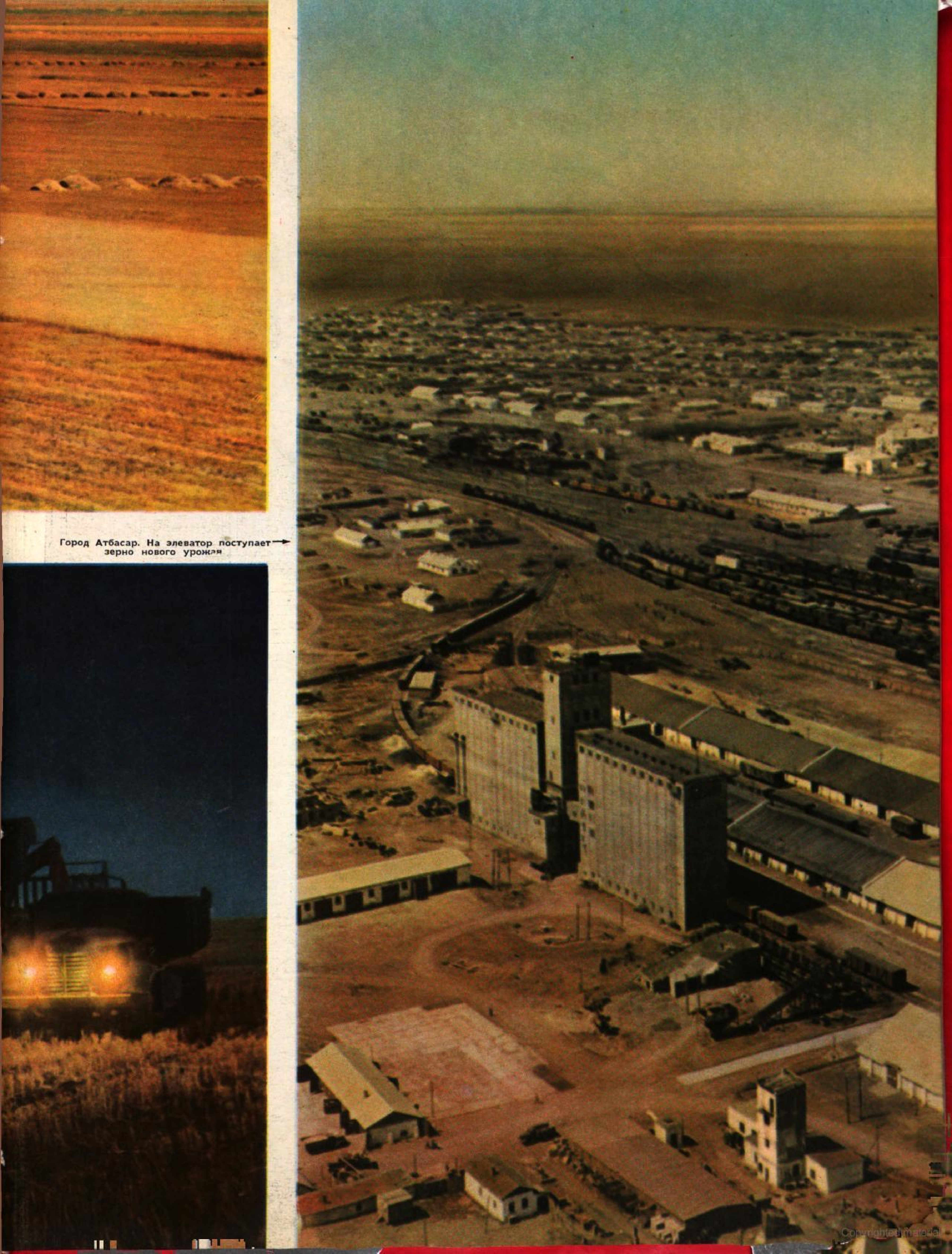

Совхоз «Урнекский», Кустанайской области. Николай Орлов и Валя Мокшанцева недавно поженились. На уборке урожая у каждого свое дело: Николай впервые самостоятельно повел комбайн, Валя работает учетчиком.

Фото С. Фридлянда.

Горячие дни уборки в совхозе «Самарский», Атбасарского района, Акмолинской области.
Комбайны работали и днем и ночью.
Фото Дм. Бальтерманца.

Город Атбасар. На элеватор поступает→
зерно нового урожая

Совхоз «Краснодарский». Алтайского края. Из Краснодара на помощь в уборке урожая приехала молодежь.

Фото М. Савина.

Одна из улиц совхоза «Краснодарский».

И снова спор...

Георгий РАДОВ

Из сибирского дневника

Рисунки Г. КАЛИНОВСКОГО.

Нет худа без добра... Не случись истории с Петром Дейнегой, может, и не заспорили бы до поры Иннокентий Павлович Башкин с Павлом Спиридоновичем Лукьяновым, а я бы так и покинул район, не узнав всей правды...

О Лукьянове в районных учреждениях отзывались неважно. Говорили, что человек этот «задается» и «много из себя понимает». Рассказывали, будто он перед тем, как принять совхоз, поставил райкому ультиматум: не посылать к нему ни уполномоченных, ни представителей, заявив, что они ему «в учителя не годятся». Жаловались, что он сманивает людей из МТС, колхозов и районных ведомств, соблазняя их особенными условиями. И когда кто-нибудь из районных товарищей проезжал мимо светлобокого, нарядного совхозного поселка, то почему-то не восторгался, а хмурился.

Лукьянов — я не раз встречал его и на совещаниях, и в степи, и в совхозной конторе — в самом деле производил впечатление человека заносчивого. Говорил он резко, часто обрывал собеседника и даже в разговоре с секретарем райкома Иннокентием Павловичем Башкиным держался, как мне казалось, высокомерно.

Башкин мне нравился больше. Первое, что бросилось в глаза, когда я перешагнул порог его кабинета, — сам хозяин казался здесь фигурой абсолютно лишней, чужеродным телом. Ни осанкой, ни одеждой, ни выражением лица — ничем Башкин не походил на кабинетчика. Высокий, большерукий, с вислыми, сильными плечами, он был одет в потертую кожаную куртку, обут в высокие сапоги с раструбами и, загорелый, обветренный, с трубкой в зубах, скорее напоминал охотника, по ошибке заглянувшего в чужую хату, чем человека, для которого, собственно, и обставили этот кабинет. И сидел-то он не в хозяйском кресле, а за тем длинным столом, что приставлен к письменному на случай заседаний, всем видом своим свидетельствуя, что канцелярия противна его натуре. Денно и нощно он мотался по степи, ходил за комбайнами, взбирался на мостики, вместе с трактористами лез под брюхо «заболевшего» трактора. И когда он приходил домой, на куртке его темнели свежие пятна автола, а в волосах было полно половы.

К Лукьянову он относился, кажется, неплохо, но, когда я засобирался в совхоз, Башкин покачал головой:

— Не характерно для района...

Я заметил, что и совхоз хорош и, главное, много там новоселов.

— Новоселы, новоселы! — раздраженно заговорил Башкин. — Всем подавай новоселов! Да вы что думаете: сибирская целина лежала одним куском и одни новоселы ее распахали? Не так же было! Вон в Казахстане, верно, на сотни верст лежала нетронутая земля. А у нас-то сторона, издавна обжитая людьми! Под каждой деревней была своя целина, во всяком колхозе своя залежь. Там, в Казахстане, какая главная сила штурмовала целину? Новые совхозы! А у нас? МТС и колхозы! Понял разницу? Поднимали-то ее, целину, у нас не одни новоселы, а все, гуртом. Ты это пойми: гуртом! А то звбните про одних новоселов! Коренному сибиряку обидно слушать...

Башкин был коренной сибиряк, и мне подумалось, что обида эта личная.

— Лукьянов, Лукьянов! — сказал он, глядя в окно. — Хорош бы он был, Лукьянов, если бы не...— Мне показалось, что он хочет сказать «если б не я», но Башкин не окончил фразы, а посоветовал: — Езжай в МТС!

Я внял совету и отправился в глубинную МТС, благо, жили там старые знакомые, кубанцы: тракторный бригадир Роман Кондратьевич Горбань и комбайнер Петр Васильевич Дейнега.

Это были отменные механики из той золотой тракторной гвардии, что начинала еще на «фордзонах» и «кейсах», а потом «перепустила через руки» все машины, перебывавшие в МТС за четверть века. Мастера на все ремесла, они умели и фрезеровать, и ковать, и точить, и варить, и слесарничать, и паять, знали толк в электротехнике, а Дейнега к тому же был плотник.

О том, что побудило их променять теплую, благодатную Кубань на необжитую сибирскую целину, оба толковали по-разному. Дейнега говорил прямо: «Тут разворот для машин... И шестьсот и семьсот гектаров уберешь. Добре заробыть можно. За тем ехал». Роман Кондратьевич отвечал уклончивее: «Зачем ехал? А пахать! Надо ж кому-то и в Сибири пахать». Но однажды, когда мы что-то допоздна засиделись, вспоминая Кубань, он сказал:

— А знаешь, как со мной получилось? Чуда-асия! Бригадирствовал я восемнадцать годочков, а помощником у меня был Федька Чубенко... Федька и Федька, так его и звали до сорока пяти лет. Ничем не выделялся. А меня здорово прославляли: и ордена, и медали, и грамоты — все чисто мне шло. И вот тебе случай. Слег я перед посевной. Воспаление в легких. Лежу неделю — другую, и хоть бы раз директор в больницу надбежал.

— Нечуткий человек?

— А, не в том соль! Федька-то без меня посеял. Без меня, да еще и как посеял, смекаешь? Давным-давно готовенький, да еще и какой был бригадир, а за мной его люди не видели. Выхожу из больницы, а директор и говорит: «Что ж, Кондратович, может, еще в отпуску погуляешь? На курорте погреешься? За бригаду не трубуйся». Вот тебе, прикидываю, Роман, и пламенный привет! Обходится без тебя Кубань. Какого же ты греца будешь тут оглнаться, федькино место занимать? Подумал я, подумал, собрал хабур-чабур и видишь, где приземлился.

И на целине оба отличились. Роман Кондратьевич, по натуре общительный, охочий до людей, отказавшись от «готовых» кадров, набрал в бригаду молодежь, свежую, не испорченную чужой, ленивой рукой, и стал для нее, что называется, и батькой и дядькой. Что же до Дейнеги, то он, мрачноватый и неразговорчивый, както не сошелся с людьми, но уважение заслужил. Перед уборкой он так тщательно оснащал комбайн, словно собирался косить в пустыне, где нет ни мастерских, ни летучек, ни складов, ни механиков. Он шарил по кладовкам, по свалкам, покупал редкие детали у других комбайнеров, падких на выпивку,— словом, к началу уборки его сундучок походил на магазин средней руки. В бригаде посмеивались над скопидомством кубанца, но начиналась уборка, машины ломались, механики, сбившись с ног, разыскивали запасные части, а Дейнега знай себе косил и косил. В механиках он не нуждался...

В канун происшествия он засветло кончил молотить овес, долго и старательно обтирал комбайн, а в сумерках подошел к бригадиру и попросился в село.

— Ладно,— сказал Роман Кондратьевич,— пшеница еще не подошла, сбегай до жинки. Да и к моей загляни: как она там?

Дейнега отбыл с попутным грузовиком, а утром на стан примчался на велосипеде учетчик и, отдышавшись, объявил:

— Беда, бригадир! Петро ваш уехал...

— Как уехал? — не понял Роман Кондратьевич.— Куда уехал?

— На Кубань! — махнул рукой учетчик.— С жинкой, с вещами, с девочкой...

— Глупости! — не поверил Роман Кондратьевич.— Комбайнер уехал? А уборка? Ты что?!

— Уехал, я же вам говорю...

Уехал... За два года это был третий человек, покидавший бригаду Романа Горбаня. О первом бригадир и не вспоминал вовсе: повертелось перед глазами что-то городское, изнеженное, плаксивое и скрылось в ночи... О втором беглеце, напротив, вспоминали частенько, хотя и то был нестоящий человек. Прилетел он из Харькова, солидный, носатый, в меховой куртке и фетровой шляпе, нанялся учетчиком, распаковал багаж, достал краски, трафареты, и вскоре в избах ближайшей к бригаде сибирской деревушки засверкали цветастые украинские рушники, скатерти, коврики. Целинный «первопечатник» работал споро, брал дорого и, наверное б, разбогател, да, видно, посмеялся над ним столь же расторопный собрат — харьковский химик. Чудо-краски, к изумлению всей деревни, при первой же стирке исчезли с рушников, а под вечер в вагончик ворвалось с полдюжины распаленных заказчиц. «Первопечатник» мирно спал на верхней полке. Напуганный криком, он спросонок грохнулся на пылающую чугунку, и, пока повисшие на его плечах женщины сообразили, что заживо жарят человека, штаны его сгорели дотла. Когда Роман Кондратьевич прибежал, обессилевшая от криков жертва химии ничком лежала на койке и стонала, а струхнувшие женщины под громовой хохот трактористов прикладывали к дымящимся ягодицам примочки. Так он и уехал с обугленным задом, а над Горбанем долго потешался район.

С тех пор прошло полтора года, и ни один человек не покинул бригаду. И вот Дейнега...

— Гад! — глуховато уронил Роман Кондратьевич, выслушав учетчика.

— Может, на станцию мотнетесь? — неуверенно предложил тот.— Еще догоните...

— Я его буду догонять? — вспылил Роман Кондратьевич.— Я? Его? Сам вернется...

— Дейнега вернется?

— Как миленький! Что он, дурень, от такого хлеба уезжать? Э, он копеечке место знает... Жинку проводит, а сам вернется.

В сумерках приехал Лукьянов. С трудом он выпростал из «газика» огромное, полное тело, одернул светлый чесучовый китель и, прихрамывая, опираясь на палку, направился к вагончику. Роман Кондратьевич, огорошенный визитом чужого и, по слухам, неприступного директора, тоже приосанился, застегнул воротник.

— Когда стан построите? — недовольно сказал Лукьянов, оглядев обшарпанный вагончик и добела вымытую дождями палатку.— Палаточники! Вы что, на полюсе сидите? Дрейфуете? — Достал коробку «Казбека», протянул ее Горбаню, спросил: — А что, комбайнер Петр Дейнега у тебя служит?

— Нема Дейнеги,— нахмурился Роман Кондратьевич и не взял папиросу, а достал из кармана кисет.

— Жалко,— вздохнул Лукьянов и спрятал коробку.— Говорят, он здорово косит полегший хлеб... Как? Двумя косами? Ты в курсе?

Лицо Романа Кондратьевича расплылось, довольная усмешка тронула губы: сам Лукьянов обратился за советом!

— Трошки в курсе,— сдержанно сказал он и пригласил: — Пройдемте до жаток!..

Полчаса спустя я застал их у жатки. Оба сидели на корточках. Роман Кондратьевич, увлекшись, чертил хворостиной по пыльной земле, а Лукьянов, держа в руке тетрадку, делал какие-то пометки.

Тут-то и появился Дейнега. Он подошел неслышно, остановился поодаль, но Горбань тотчас же заметил его.

— Все! — торопливо объявил он Лукьянову и, отшвырнув хворостинку, поднялся.— Как дома, Петро?

Дейнега молчал.

Я думал, Роман Кондратьевич повременит с объяснением до отъезда Лукьянова, но, видно, силен был гнев бригадира.

— Как дома? — резко повторил он.— Жинку отправил?

— Отправил, Роман.

— А сам на уборку остался?

— Буду косить...

— Не будешь косить! — властно сказал Роман Кондратьевич. — Ты что, думаешь, идолова душа, нашего хлеба нагребти и пламенный привет, целина? Так? Не дам комбайна!

— Как это ты не дашь комбайна? — дрогнувшим голосом спросил Дейнега.

— А вот не дам! Обойдемся! Ишь, благодетель! Для урожая он остался!.. А если б неурожай, ты б загодя нам пятки показал? Не будешь косить...

Лукьянов, посуровевший, хмуро следил за спором.

— Почему бежишь? — строго спросил он Дейнегу.

— А сколько можно переживать? — взволнованно заговорил Дейнега, напуганный непреклонностью бригадира.— Сколько? Два года без хаты, без квартиры... В чуланчике у чужих людей... Ни курчонка, ни свиненка, ни теленка! Топки не могут привезти... В кооперации ничего не купишь. Это жизнь?

— Я лучше живу? — спросил Роман Кондратьевич.

— А кто тебе виноватый?

— Я виноватый! Я не курортничать сюда приехал, а целину пахать...

— Да где она, целина? — выкрикнул Дейнега и швырнул картуз наземь.— Где? Третий хлеб убираем, и все целина? Чем прикрываетесь? Вчерашним днем? Нема ее, целины, чуешь? Распахали!.. Теперь обнаковенная местность!..

— Как ты сказал? — не сводя глаз с осмелевшего комбайнера, чуть слышно спросил Роман Кондратьевич. — Обнаковенная местность?! Это обнаковенная?! — крикнул он и вскинул руки, как бы обнимая лежащую вокруг сумеречную степь.

— Обнаковенная! — подтвердил Дейнега.— Вон спытай у директора. И в совхозе уже целинных не платят, а все — и нормы и расценки,— все обнаковенное, как на Кубани. Так дайте и условия, как у людей!

— Хоромы тебе поставить? Телефон провести?

— А из-за чего ж терпеть? Из-за этих бляшек? — тронул Дейнега значок целинника.

— Эт-то бляшка? — взорвался Роман Кондратьевич.— Ах ты, сука! — Он замахнулся, и, наверное, добрая оплеуха досталась бы комбайнеру, если бы Лукьянов во-время не схватил Горбаня за руку.

С минуту все трое молчали. Роман Кондратьевич, сконфуженный собственной выходкой, посапывал, уставившись в землю. Дейнега мял в кулаке картуз.

— Ай-яй-яй! — с мягкой укоризной сказал Лукьянов, отпуская бригадирскую руку.— И где же из тебя, кубанец, фельдфебеля сделали? Тут, в районе?

— Я ему покажу бляшки! — угрюмо сказал Роман Кондратьевич, расправляя затекшие пальцы.

— Ну, вот что, Дейнега, — повелительно сказал Лукьянов,— если они,— он кивнул на Горбаня,— до осени тебя не обеспечат жильем, приходи ко мне! Дам две комнаты с кухней. Ясно? И семью выпишешь. Мне такие механики нужны. А насчет бляшек выкинь из головы! — погрозил он пальцем.— Что значит бляшки? Почетный знак покорителя целины! И никаких бляшек. Смотри!

Он резко повернулся и зашагал к машине, и, когда обескураженный внезапным поворотом дела Роман Кондратьевич опомнился, совхозный «газик», дразня красным огоньком, скрылся в хлебах.

Весь вечер Роман Кондратьевич не находил себе места. Ни за что, ни про что выругал заправщика, не стал ужинать, оттолкнул миску, поданную ему кухаркой. Потом долго сидел на ступеньках вагончика, курил, бормотал вполголоса:

— Фельдфебель!.. А как же с ним, бисовой душой? Условия ему?! Какие условия, когда целина... Обнаковенная... Ишь!

За вагончиком несмело вздохнула гармонь и утихла. Потом, видно, расхрабрившись, гармонист растянул меха, и простуженный голос кухарки проговорил торопливо:

Я любила, ты отбила,
Так люби облюбочки.
Ты целуй после меня
Целованные губочки...

Роман Кондратьевич поднялся, вошел в вагончик и так хватил дверью о косяк, что с полки упал котелок и, вызванивая, покатился по полу.

Кухарка в эту ночь больше не пела.

Наутро я отправился на элеватор, а когда вернулся, то оказалось, что события, начавшиеся вечером, развиваются стремительно. Приезжал Башкин, выбранил Дейнегу и пообещал «наломать хвоста» Лукьянову. Позже примчался директор МТС Тужилов и увез Романа Кондратьевича в райком...

Я оседлал попутный самосвал и через час входил в кабинет Иннокентия Павловича.

Спор был в разгаре.

Башкин, встрепанный, раздраженный, с потухшей трубкой в зубах, ходил по комнате, и под коваными каблуками его сапог жалобно поскрипывали половицы. Щеголеватый, выбритый Лукьянов сидел на стуле, опершись обеими руками на палку. Роман Кондратьевич, утонувший в огромном черном кресле, с опаской следил за спорщиками. Тужилов, краснолицый, расплывшийся, жаловался Башкину:

— Это же — полное разложение кадров, Иннокентий Павлович! То бы я этого рвача Дейнегу зажал, он бы у меня и не пикнул, а теперь? Он же на меня плевать хотел! Его сам Лукьянов сватает, квартиру ему подносит... К чему же мы придем?

— Да он у тебя два года без жилья мучается! — взволнованно сказал Лукьянов. — Два года без жилья!

— А я ему хоромы и не сулил, — победительно сказал Тужилов. — Не сулил, понятно? И трудностей я не скрывал. В этом разрезе и проводим массовую работу. А как же! Целина! Надо переживать... Вон у Кулемина в совхозе хуже — в землянках, палатках живут. И терпят! Так, может, Лукьянов и этим попользуется? У своего брата-директора людей заберет?

— Не заберет! — уверенно сказал Башкин. — Товарищ Лукьянов не частник, а советский директор, коммунист. Кто ему позволит разводить в районе анархию? Не допустим.

— Уд-дивительная логика! — в сердцах сказал Лукьянов. — Лукьянов на голом месте за полтора года построился, и опять он виноват? Строился — был виноват, и построился — виноват. Да вы посчитайте, сколько я выговоров схлопотал! Отказались от подрядчика, сами начали строить — выговор за самоуправство. Клуб вместо коровника поставили — выговор. Баню возвели, не дождавшись типового проекта, — строгий выговор. Свиней завели, мясом людей кормим — опять Лукьянову выговор: почему, дескать, продаешь людям свежую свинину, а не возишь из города солонину по нарядам? Ладно. Бог с ними, с выговорами, не полиняя от них... Вырос поселок! Клуб, кино, баня, магазины, детские ясли, свет, радио, квартиры с водяным отоплением... Люди к нам потянулись, — и опять Лукьянов нехорош? Зачем людей принимаю? Анархия?

— Да ты кому потакаешь? — оборвал его Башкин. — Кому? Летунам? Золотоискателям? Мало мы этой нечисти за бугор проводили? Забыл, как на самоходных комбайнах за водкой ездили? Танковые бои на дизелях забыл? Теперь опять золотоискатели обнаглели, а ты им потакаешь? Этот Дейнега, он кто, по-твоему? Зачем на целину ехал? Скажи, директор...

— За длинными рублями,— буркнул Тужилов.

— Вот именно! — подхватил Башкин.— Пока еще можно было сорвать деньгу, он и с землянкой мирился. А теперь нормы построже завели, и он уже нос в сторону... Типичный золотоискатель!

Лукьянов поморщился.

— Золотоискатель! Нашли спасительный ярлычок... Уже и в книгах пишут и в кино показывают. Подумаешь, открыли главную опасность на целине: золотоискатели... Да это ж спекуляция! Вы, что же, хотели таких безответных энтузиастов заполучить на целину, чтобы десять лет в землянках жили и не «пикнули»? Но приехали-то люди, а не пешки. Первое время они мирились с неустройством, понимали: ничего не поделаешь, не обжита земля... А теперь они что видят? На той же необжитой земле у меня в совхозе, да и в других местах уже нормальные условия появились, а Тужилов, да с ним вкупе товарищ Башкин все еще собираются ехать на энтузиазме да на терпении людском... Жилье не строите, торговлю не налаживаете, яслей нет, клубы зерном засыпали. И людям все бубните: «Мы вам хорóм не сулили... Переживайте трудности». И чуть кто заикнется об условиях жизни — вы ему бац: золотоискатель. А он не золотоискатель, он человек... Еще во имя освоения целины он готов был терпеть, но во имя твоей безрукости, товарищ Башкин, он терпеть не станет...

— Аника-воин! — Башкин подошел к столу, принялся набивать трубку.— Все никудышние, один он хорош. Не заносись! Ну, с постройками, допустим, ты других обогнал, но главную-то задачу весь район решил дружно, не один ты. Целину-то все освоили!

— Распахали! — поправил Лукьянов.

— Освоили!

— Распахали! — упрямо повторил Лукьянов и поднялся, отставил палку. — Еще одна спекуляция, товарищ Башкин. Освоили целину, — с горечью сказал он и прошелся по комнате. — Сеем пшеницу по пшенице, ни паров, ни севооборотов не знаем, о семеноводстве еще и не думали. Это — освоение?! По одной корове держим на сто гектаров — освоение? Ни овец, ни свиней, ни птицы не завели — освоение?

— Пять миллионов пудов дает район — не освоение?

— Нет, Иннокентий Павлович,— резко сказал Лукьянов, — нет и нет! Миллионы пудов — это еще не освоение. Это пока промышленность сработала, дала технику, и мы распахали землю. Распахали и засеяли, не больше! А нам ее обживать надобно! Об-жи-вать!

— Надоело! — отмахнулся Башкин.— Спорим, спорим... Пахали — спорили, вспахали...

— Снова заспорили! Вот ты шумишь: освоили, освоили... А мне думается, что это ты с перепугу шумишь. Второй раз тебя целина пугает.

— Меня пугает? Что-то не примечал.

— А ты вспомни, как было... Жил себе ваш райончик спокойненько: сеял тридцать тысяч гектаров, сдавал полмиллиона пудов хлеба, все было налажено, настроено, и вдруг нá тебе — целина! Райком тот же, райисполком тот же, аппарат тот же, границы те самые, а план сева — полтораста тысяч! Полтораста! И хлеба сдавать пять миллионов. Шутка? Ты было на учебу хотел кинуться — не пустили. Ты болеть — вылечили. А тут трактора... Помнишь, как мы стояли на берегу, а моя колонна подошла? Ночь, степь, снега — и семьдесят дизелей жмут по дороге с полным освещением...

— Трактора меня испугали?

— Нет, тогда-то ты воспрянул духом. Сила в руках! Ладно, штурманули, посеяли. На радостях ты, помнится, и солончаки, овечьи пастбища распахал — размахнулась рука. И пчел оставил без меду, иван-чай запахал на гарях, посеял пшеницу: где по пять центнеров меда можно было с гектара брать, у нас теперь шесть центнеров хлеба растет. Но это, так сказать, щепки полетели. Я не о том. Ты же как прикидывал: распашу целину — и все! Опять район заживет потихоньку. А оно, оказывается, мы вместе с целиной и тишину районную распахали, на старые привычки замахиваемся. Народ-то вон какой появился в районе: настырный, грамотный, требовательный. И старые кадры осмелели. Дарят тебе проблему за проблемой... Как на целине дальше хозяйствовать? На все помаленьку нажимать или на чем-то особом специализировать колхозы? На чем? На свинине? На овце? На корове? На курице? Думай обо всем, товарищ Башкин... А с колхозами что делать на бывшей целине? Вон уже заговорили механизаторы: как вести хозяйство, если в колхозе пять тысяч гектаров тракторами распаханы, а трудоспособных как было, так и осталось полтораста человек? Кто этому безлюдному гиганту землю обрабатывает? Пока МТС там и пашет, и сеет, и косит, и возит... А дальше? Кто будет фермы создавать, за скотом смотреть, строиться? Хозяйство развивать? Вот ведь какие задачки жизнь подкидывает... Думать надо нашему брату! Это не то, что распахать да засеять землю,— там мы могли и штурмом взять. Лозунг выкинуть, машины расставить, людям пояснить задачу — и вот тебе в одну весну зазеленели поля... А с новыми-то задачками не расправишься штурмом... И раздумье надобно, и анализ, и знания, и талант, и совет с людьми...

Лукьянов говорил горячо, торопливо, словно бы опасаясь, что Башкин оборвет его, не даст выговориться.

— А с бытом!.. — продолжал он. — Тут-то и вовсе забот край непочатый. Уж если мы с производством что-то большое сделали в сибирской деревне, так ведь к быту, считай, и не притрагивались... Вон ты со мной в Горчихе был. Действительно Горчиха: на все село единственная капитальная постройка. И какая же? Клуб? Нет, не клуб. Школа? Нет, не школа. Свинарник! Хоромы каменные возведены для свиней. А неподалеку свинарка живет — труженица, золотые руки, вдова с тремя ребятишками. У нее что за жилище? Завалюха на две семьи — тесная, низенькая, не огороженная, ни деревца вокруг. И что ж ты сделал с Горчихой? Налетел на председателя, распек его за то, что он в свинарнике асфальтовую дорожку не проложил. А к свинарке по старой привычке и не заглянул вовсе. Как же можно так относиться к человеку?

— Я плохо отношусь к народу!.. — нервно засмеялся Башкин. — Я! Да я с людьми...

— Это не то. Подумаешь, демократизм: секретарь райкома под трактор полез... Секретарь райкома перекурил махорки с трактористами... Игра! Нет, я так понимаю демократизм: создай людям условия жизни. В лепешку разбейся, чтобы у всех было и жилье, и приличные магазины в селах, и бани, и ясли, и больницы, и клубы... Но это же опять-таки штурмом, налетом не сделаешь! Думать надо... Как строить, если в районе главный подрядчик — Давид-строитель?

— Какой еще Давид?

— А ты будто бы и не знаешь? Мужичонка тут есть такой по имени Давид. Из Западной Белоруссии. Привез с собой дикую бригаду плотников и объявил монополию: какую цену ни заломит, колхозы соглашаются. Им-то без плотников хоть в петлю лезь... По сорок тонн хлеба отдают ему за коровник, а он тот хлеб в Белоруссию грузит, продает втридорога. Да можно ли жить району на милости у этого Давида?

— А зачем ты мне все это говоришь?

— А затем, что мне это ваше бахвальство осточертело. Они освоили целину! Да ведь ты для того кричишь, чтобы от новых трудных забот отбиться! Авось, мол, и люди сочтут, что на целине все сделано, что она, как этот Дейнега сказал, уже обыкновенная местность... Но народ-то не успокоишь! Он-то слово «обыкновенная» по-своему понимает. Обыкновенная,— значит, дай условия жизни. Люди-то сюда не переживать приехали, а жить... Вот погоди! — пригрозил он, и в холодноватых глазах его вспыхнули задорные искорки. — Погоди, я вас прижму! Буду грабить район, уводить кадры в совхоз. Останетесь без людей, может, поумнеете. А что ж тут плохого?! Соревнование! Кто лучше условия создаст, к тому и пойдет народ.

Башкин не дослушал, снял телефонную трубку, и по тому, как он заговорил и о чем заговорил, мы поняли: просто ему хотелось оборвать неприятный разговор...

Возвращались вместе с Лукьяновым. «Газик» миновал окраинные хатки районного села. Дорога, вырвавшись из улицы, ушла вправо, потом зачем-то свернула влево и с непонятным усердием запетляла по ровнейшей степи.

— Пьяный дорожку пробивал, — заметил Роман Кондратьевич.

— Почему пьяный?

— А знаете, как тут дороги бьют? Один мужик проедет, накрутит, нанижет петель, а за ним все — колея в колею. Ох, сколько я тут этих кривых стежек позапахал! И что же вы думаете? Проложу ровнесенький, как струна, грейдер, — нет-таки, найдут, обновят старую стежку, пшеницу повытопчут и ездят. Что это, привычка?

— Д-да, привычка!.. — вздохнул Лукьянов. — Дорогу, брат, легче запахать. А вот ее, привычку... — Задумался, глядя на пламенеющую под солнцем степь, добавил негромко: — А хлеб мы все-таки добыли... Добрый хлеб. Как, кубанец?

— Добресенький, — кивнул Роман Кондратьевич.

— А что, — спросил Лукьянов озабоченно, — как на Кубани с народом? Хватает?

— Кое-где с перебором, — отозвался Горбань. — Есть такая станица, Усть-Лаба называется. Под тридцать тысяч народу в ней. А что там? Шахты? Рудники? Нефть добывают? Да нет, единственный маслозавод... К чему же там такая пропасть народу жительствует?

— Значит, можно еще оттуда к нам сватать людей?

— Еще и как!

— Может, съездишь, сосватаешь?

— А куда сватать? К вам? — прищурился Горбань.

— К нам, — сказал Лукьянов значительно. — В район... На бывшую целину. Этого вот Башкин тоже не видит: сколько нам еще сюда народу потребуется, когда мы развернемся с животноводством, со строительством... Да сюда еще переселять и переселять...

— Значит, считаете, что переменится в районе? — спросил Горбань и с любопытством посмотрел на Лукьянова.

Они скрестились неломкими взглядами, и оба усмехнулись, словно бы подумав об одном и том же.

— Считаю, что переменится, — твердо сказал Лукьянов.

На стан мы добрались перед вечером. Дейнега стоял у жатки, вытирал руки. Я ждал, что сделает Роман Кондратьевич: как заговорит с комбайнером? Зашумит, разнесет в пух, отстранит от уборки? Но Роман Кондратьевич, словно бы ничего и не случилось, потрогал жатку, спросил спокойно:

— Собрал?

— Ага, собрал, — все еще не понимая спокойствия бригадира, сказал Дейнега.

— А в кармане у тебя что бренчит?

— В кармане? — сконфузился Дейнега. — Тьфу, чертова память! Болты...

— Эх, Катря-Мотря! — с суровой нежностью сказал Роман Кондратьевич. — Машину собрал, еще и болты лишние остались? Механик — чертово колесо. Еще на Кубань собирается!

— А я, может, не поеду!..

— Может?! — вскипел Роман Кондратьевич. — К Лукьянову пойдешь? Нет, черта петого я тебя к нему отпущу. Кто будет хаты строить?

— Хаты? — не понял Дейнега. — Какие еще хаты?

— Саманные! — выкрикнул Роман Кондратьевич. — А ты думаешь, как? Век квартирантом быть? Век переживать? Нет, голубь, я вас выучу по-нашему, по-кубански: строиться, сады садить, скот заводить. Что мы, двадцать гавриков, своей бригадой хат не построим? Ты не плотник? Я не кровельщик? А то одно знаете кричать: освоили целину! Они освоили! Нет, погодите...

Роман Кондратьевич зарозовел, распалился, и я думал, что дело опять кончится скандалом, но бригадир кашлянул и уже по-другому, властным, чуть насмешливым тоном, распорядился:

— Ну, бери, бери ключ, ставь болты по местам! А то опять расстроишься, забудешь, так без болтов и косить поедешь. Механики! Горе горькое с вами.

Оторопевший Дейнега передернул плечами и присел, взялся за ключ.

Утром он косил пшеницу, а Роман Кондратьевич, воротившись с загонки, сидел на ступеньках и водил по земле хворостиной.

— Что рисуешь? — спросил я.

— Да хату, хай ей грец!.. — смущенно сказал он и отвел глаза. — Жить-то людям надо. Хватит переживать...

Под открытым НЕБОМ

Б. ГОРБАТОВ,
артист Малого театра

1954 год. Комсомольцы по призыву партии двинулись на целинные просторы в Казахстан, на Алтай, в Сибирь. Еще поднимались первые борозды целины в Северном Казахстане, как областная газета «Ленинское знамя», выходящая в Петропавловске, известила новоселов о приезде группы артистов московского Малого театра. Артисты приехали, чтобы показать на целине — в Кустанайской, Кокчетавской и Северо-Казахстанской областях — спектакль «На бойком месте» А. Н. Островского и разнообразную концертную программу.

С этого времени и начались выезды артистов нашего театра на передний край борьбы за хлеб. Вскоре артисты Малого театра совершили другой долгий путь — по совхозам, колхозам и МТС Кустанайской, Челябинской, Курганской областей, по дорогам Алтая. За минувшие два года артисты Малого театра шесть раз выезжали со спектаклями и концертами к труженикам целинных земель, покрыв на машинах 20 тысяч километров. На этих гастролях побывали народная артистка РСФСР С. Н. Фадеева, заслуженные артисты М. Овчинникова, К. Тарасова, Д. Павлов. Некоторые уже по два — три раза: это М. Новохижин, Б. Попов, А. Вертоградов, Е. Рубцова, администратор И. Дарьяльский, аккордеонистка Мосгосэстрады Ф. Суслова, а также автор этих строк. На днях в Москву возвратилась очередная бригада артистов Малого театра, выступавшая перед новоселами целинных земель Чкаловской области. Была показана комедия туркменского драматурга Г. Мухтарова «Веселый гость» и большая концертная программа.

Наши спектакли и концерты посмотрели 105 тысяч человек, работающих в совхозах, колхозах и МТС. Сценой бывали: крохотная эстрада сельского клуба, дощатые подмостки под открытым небом, кузов грузовика. Сцена освещалась то солнцем, то фонарями или свечами, то фарами автомашин. Вспоминается такой случай. Однажды во время концерта в клубе погас свет, когда артист Попов читал басни. Что делать? Из зала потребовали:

— Товарищ Попов, читайте в темноте!

Попов продолжал читать в темноте. Но второй голос перебил его после нескольких фраз:

— Не надо в темноте! Мимики не видно!

Тогда два артиста вышли с фонариками на авансцену, стали по бокам и направили лучи на лицо Попова. Это «изобретение» получило всеобщее одобрение зрительного зала, и концерт пошел своим чередом.

Не раз вспоминали мы и наш первый концерт в зерносовхозе имени Жданова, Северо-Казахстанской области. Тогда мы поняли, какую страстную жажду искусства испытывают люди целины! Дождь шел уже вторые сутки, когда мы выехали на концерт. Дороги размыло, машина то и дело буксовала, приходилось толкать ее руками. Мы знали, что концерт в новом совхозе должен быть под открытым небом, и тревожились: состоится ли он в такую погоду? Но зрители ждали нас. Фундамент строящегося дома стал сценой, заботливые руки хозяев соорудили тут же две артистические уборные. Не хватало только потолка, но его заменила широкая лента брезента, и артистам удавалось в какой-то степени укрыться от дождя. Зрителям было хуже, но, несмотря на ливень, ни один человек не покинул концерта, да и артисты скоро забыли о дожде...

Конечно, за эти два года на целине уже многое изменилось: построены школы, больницы, столовые, появляется все больше клубов.

Яркое впечатление осталось у всех нас от встречи с директором Барвиковского зерносовхоза, Урицкого района, Кустанайской области, Н. М. Дащенко. Этот плотный широкоплечий человек с пышными усами своим внешним обликом напоминает Тараса Бульбу. Николай Мефодьевич до весны 1954 года работал директором совхоза в Полтавской области и вывел его в разряд передовых хозяйств Украины. Дащенко было присвоено звание Героя Социалистического Труда. Теперь свой опыт он привез на целину.

И вот Николай Мефодьевич водит нас по главной усадьбе совхоза и делится мечтами и планами. А их, этих планов, много!

— Эту дикую рощицу мы превратим в парк с аллеями и цветником, беседки поставим. Выроем пруд и карпа разведем. Обязательно карпа, замечательная рыба!.. А вот за той рощей, что в двухстах метрах отсюда, встанет кирпичный завод. Приедете к нам на будущий год, угостим молоком собственной молочной фермы. Обязательно свою ферму построим, вот здесь она будет. Место подходящее... Ну, а пока на дорогу отведайте украинского борща, настоящий, с наваром! — И Николай Мефодьевич пригласил нас к столу.

На дорогу Николай Мефодь-

Группа артистов Малого театра среди трактористов Ново-Орского района Чкаловской области.
Фото М. Новохижина.

Ансамбль песни и пляски Казахской ССР в совхозе имени Н. Островского (Акмолинская область).
Фото Дм. Бальтерманца.

евич дал нам теплую буханку чудесного белого хлеба:

— Пекарь приехал со мной с Украины. Пекарню мы здесь построили, хлеб выпекаем отличный, славится по району. А зимой приезжайте на блины и вареники из нового урожая. Будем ждать! Приедете?

А бывало и так, что в организацию наших поездок на местах вносились поправки. В июне прошлого года мы отправились на целинные земли Алтайского края. Но вот остановка в дороге. Администратор Барнаульской филармонии, сопровождавший нас, ушел в контору Гилевской МТС — попросить бензина. В машине было пыльно и душно, мы вышли и видим: на крыльце конторы стоят два человека и более чем оживленно беседуют:

— Товарищ директор, я вам двухсотый раз объясняю, что в вашей Гилевской МТС концерт московских артистов не предусмотрен планом! Дайте бензин — и мы двинемся в Завьяловский райцентр, где у нас два плановых концерта.

— В райцентре два, а для механизаторов ни одного? Здо́рово! Кто же это такие планы у вас составляет?

— План утвержден отделом культуры Алтайского крайисполкома! — значительно и чуть ли не по складам проговорил администратор и снова протянул требование на бензин и передал авторучку для резолюции.

Директор, товарищ Баландин, взял требование, положил его в карман гимнастерки, ручку вернул администратору, обнял его за плечи и сказал дружелюбно:

— Дам, дам бензина... после концерта в нашей МТС! А крайисполкомом, дорогой товарищ администратор, вы меня не очень-то убедили. План нужно выполнять — это правильно, но ведь планы-то составляют живые люди, а живой может и ошибиться: не увидеть, не предусмотреть. Здесь, на месте, «внизу», так сказать, порой лучше бывает видно, чем там, как вы говорите, «наверху». Я это дело хорошо знаю сам, дорогие товарищи, — теперь уже обращаясь к нам, говорил директор. — Я сам много лет давил пружины крайисполкомовского кресла, знаю.

Нас очень заинтересовал этот человек. Мы вышли из машины, поздоровались с ним и включились в разговор.

— Не жалеете, товарищ директор, о городской жизни, о прежнем месте? — спросил кто-то из московских артистов.

Баландин раскатисто рассмеялся, потом сказал очень серьезно:

— Что касается места, дорогие гости, то я его не терял. В МТС я вроде как на капитанском мостике, и с этого мостика жизнь тоже далеко видна.

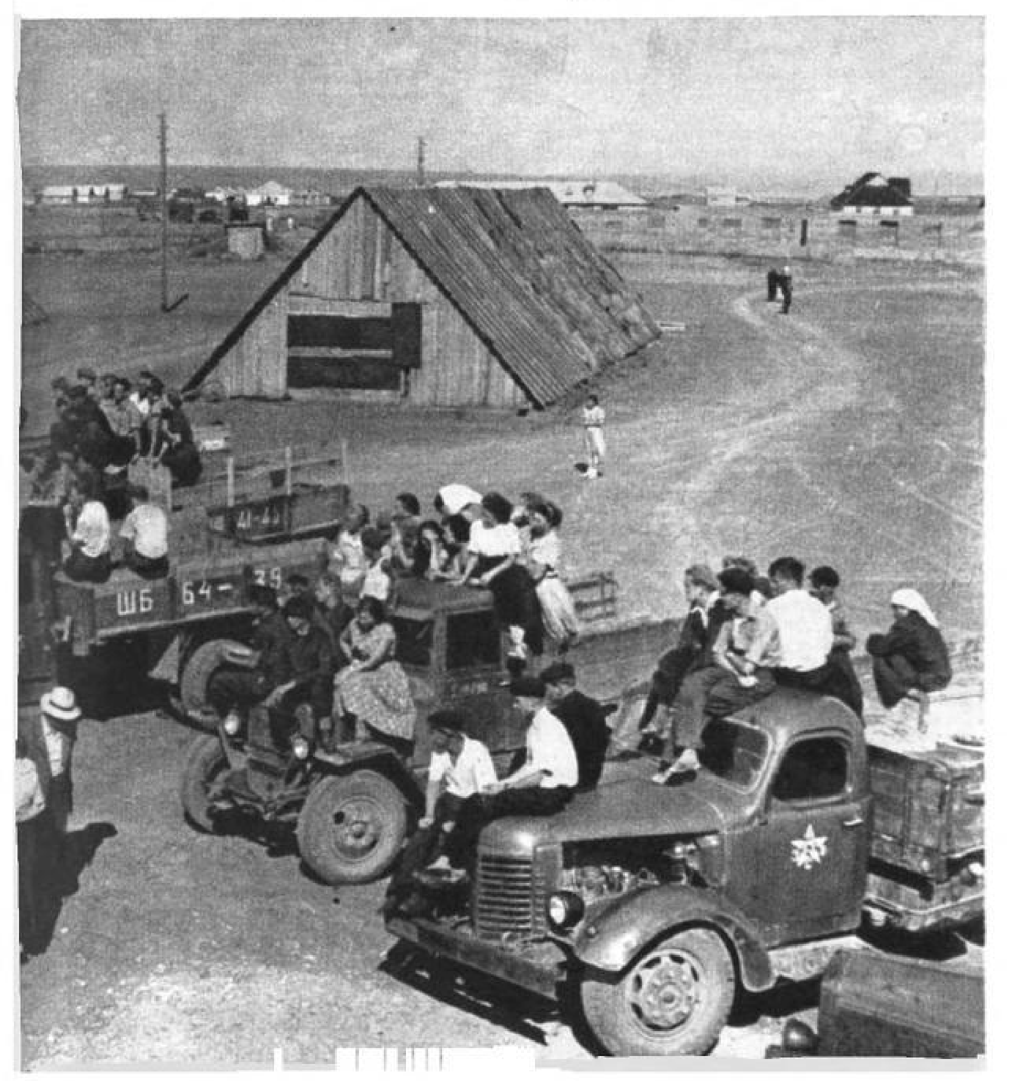
Мы с увлечением слушали Баландина, который, волнуясь, рассказывал о том, как перед ним, сорокалетним человеком, неожиданно открылась новая, полная необычайного смысла жизнь.

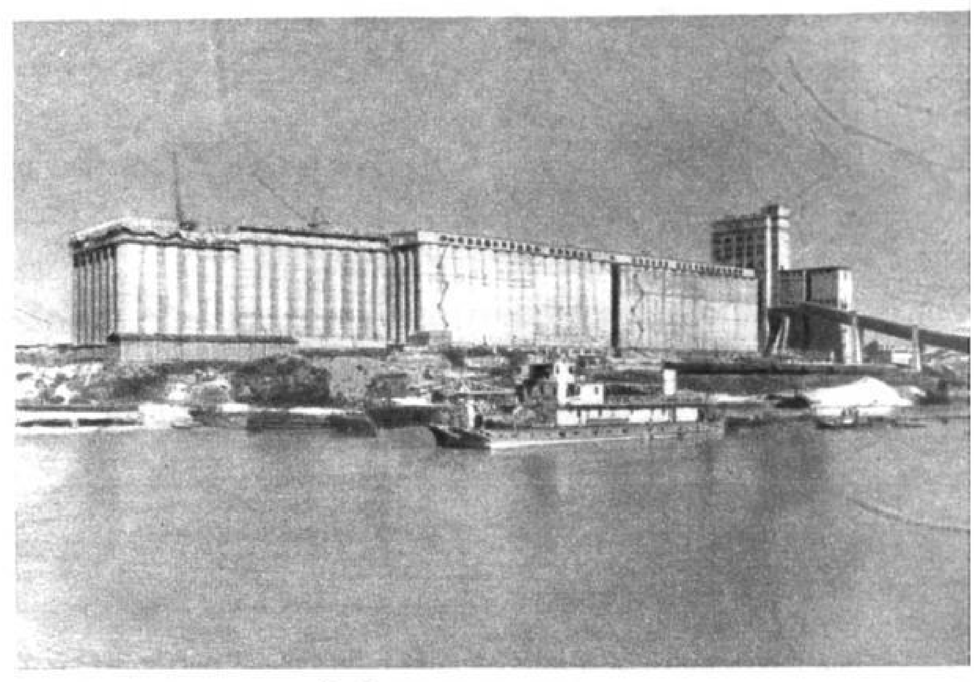
— А какие люди здесь! — воскликнул он. — Золотые! И ты с ними, нога в ногу, плечо к плечу! От зари до зари! Жизнь, говорите? Вот она, жизнь!.. — А потом предложил нам: — Съездите в поле, в бригаду, познакомьтесь с механизаторами, побеседуйте. Посмотрите их дела, взгляните на хлеб, на подсолнух, на тянущуюся к солнцу кукурузу. Пять концертов для них дадите! Уверен в этом.

Вечером в клубе Гилевской МТС Завьяловского района, где директором Михаил Петрович Баландин, был дан «неплановый» концерт.

* * *

Поездка на целинные земли была для нас подлинной жизненной школой: мы своими глазами увидели именно тех героев нашего времени, которых редко пока удается воплотить драматургам и театрам. И теперь, встретясь с такими героями на сцене театра — о них, об этих образах, о хорошей такой пьесе мы все мечтаем, — нам надо лучше, ярче показать величие и силу души передового советского человека.

На Омском элеваторе. Фото И. Тюфякова.

ИДЕТ СИБИРСКАЯ ПШЕНИЦА

А. ГРИГОРЬЕВ

Разительные перемены произошли на юге Омской области. На землях, никогда не знавших плуга, возникли новые совхозы, посевы которых раскинулись на сотни тысяч гектаров, появились обширные поселки. Здесь собирают невиданные в этих краях урожаи.

...По шоссейным дорогам к Омску движутся колонны грузовых автомобилей. С верховьев Иртыша плывут буксиры с баржами, самоходки, лихтера. В кузовах машин и в трюмах судов зерно нового урожая. Его везут к высокому большому зданию на берегу Иртыша. Это Омский элеватор — один из крупнейших механизированных комбинатов по приемке зерна.

В горячие дни хлебосдачи здесь за сутки принимают зерно с 1 200 машин, одновременно разгружают баржи и грузят зерно в вагоны.

Только что привезли пшеницу с целинных совхозов «Ермак», «Цветочный», «Русскополянский», прибыла колонна из соседней, Кокчетавской области, — из совхозов «Озерный», «Степной», «Черниговский». Машины долго не задерживаются. Прождав несколько минут результатов пробы зерна и пройдя через весы, четыре грузовика въехали на автоопрокидыватель. Поворот рычага — и передок автомобиля очутился в воздухе: зерно высыпается в приемный бункер. Мы засекли время: разгрузка четырех машин продолжалась три минуты. Освободившееся место заняли очередные машины.

Почти все процессы приемки зерна на элеваторе механизированы. Помимо автоопрокидывателей, машины разгружаются также с помощью механизированных лопат.

— В среднем мы разгружаем 60 трехтонных автомобилей за один час. Каждую минуту одну автомашину, — говорит заместитель директора элеватора Маргарита Андреевна Селезнева.

Далеко видна рабочая башня элеватора. Ее высота — 65 метров. Особые механизмы быстро поднимают зерно на высоту восемнадцатого этажа, и оттуда потоки пшеницы сыплются вниз, через весы, на сепараторы, где механически очищаются от примесей. Влажное зерно поступает в сушилки, а затем в силосные банки на хранение.

Кстати о сушилках. На этих мощных агрегатах, способных просушить десятки тонн зерна в час, работы мало. Заведующая лабораторией элеватора Людмила Петровна Скляр показывает ордера приемки зерна: процент влажности почти не превышает пятнадцати. Такое зерно не нуждается в сушке.

— Каково качество поступившей на элеватор пшеницы? — спросили мы Людмилу Петровну.

— Большей частью отличное. В принятой нами пшенице большой процент клейковины. Белый хлеб из такой пшеницы будет пористым, пышным и очень вкусным...

Круглые сутки идет напряженная работа на Омском элеваторе. К пловучему перегружателю буксир подвел очередную баржу. Людей на разгрузке не видно. Восемь труб, идущих от четырех специальных турбонасосов, высасывают зерно из трюмов. Баржа, доставившая 1 265 тонн пшеницы, убранной на целинных землях Павлодарской области Казахстана, была разгружена за 7 часов.

Пока разгружалась баржа, на противоположной стороне элеватора совершался обратный процесс: зерно грузилось в вагоны. Сегодня отправился маршрут с зерном нового урожая в Рыбинск. На очереди погрузка составов с пшеницей для мельничных комбинатов Москвы и Ленинграда.

Из алтайских стихов

Александр ЯШИН

В родном дому

Наконец-то есть диплом.
До свиданья, город!
Скоро, скоро отчий дом,
Степи да озера.

Нина всей родне своей
Сообщила: — Еду!
Председатель подал ей
К поезду «Победу».

Уважительный шофер,
Овладев вниманьем,
С ходу начал разговор
Про образованье.

Дескать, вы теперь вольны
Выбирать дорогу.
А у нас тут целины
Объявилось много

И осесть в своем дому
Можно в лучшем виде...
Нина молвила ему:
— Поживем — увидим!

Легкий шарфик за спиной
Треплет встречный ветер.
Ну, конечно, дом родной,
Он один на свете.

Вот промчалась по овсу
Вдоль лесных опушек,
И как будто на носу
Прибыло веснушек.

До чего же хороши
Уродились травы,
Конопля, что камыши,
И ячмень на славу!

Окупился труд людской:
Чудо — не пшеница.
Право, в ноги бы такой
Надо поклониться.

И, волненья не тая,
Нина попросила:
— Не спешите!
Здесь моя
Юность проходила.

Стойте!
Здесь вот, у реки,
В роще этой самой,
Я грибы боровики
Собирала с мамой.

Не в машине с вихорьком
Проезжала мимо,
А бродила босиком
По земле любимой.

Взяли с маху косогор
И остановились.
— Стало быть, —
сказал шофер, —
Вы не загордились.
И родимые места
Не забылись вроде:
Снова наша красота
Дó сердца доходит.

Тут любые профиля
Требуются ныне...
И опять поля, поля
В дымке светлосиней.

Дома, видно, заждались.
Мать, конечно, в слезы.
Одногодки собрались
Со всего колхоза.

Разузнать охота всем,
А спросить неловко:
В отпуск, Нина, аль совсем,
Аль в командировку?

Подступают, кто смелей,
К делу осторожно:
— Нынче жить и на селе
При желанье можно.

И шофер опять:
— Живем,
Веселее стало.
Вот хлебов богатых ждем.
Жаль, народу мало!

Намекают — дай ответ,
Никуда не деться.
— Разве ж я сказала «нет»!
Дайте осмотреться!

Сдернув кожаный картуз,
Входит предправленья.
— Ну, спасибо вам за вуз
От всего селенья.

Подоспели в самый раз,
Поддержали славно.
Вы четвертая у нас,
Нина Николаевна.

Пусть колхоз не знаменит,
Кое в чем отсталый,
Но в ученых дефицит
У самих немалый...

Он присел на табурет
И смотрел ревниво:
Стосковалась или нет
По колхозным нивам!

Все ж не видел столько лет...
И не скрыл сомненья:
— Жаль, конечно, если нет
Нужного решенья.

Самовар уже кипит,
Ставит мать стаканы,
То на дочку поглядит,
То на чемоданы.

И защелки и ремни —
Видная работа...
— Ты уж, Нина, не тяни,
Покажи, чего там!
Дочь, во всем себя виня,
Шепчет по секрету:
— Кроме книжек, у меня
Ничего там нету,
Уж прости!..

— Да, свет ты мой! —
Старая смутилась. —
Хорошо, что вот домой
Сразу воротилась!

Разве ж в город отпущу!
Кто меня осудит!
Вот блинками угощу —
И решенье будет.

Без тебя я, верь не верь,
С толку сбилась прямо.
Навсегда ведь ты теперь!
— Ну, конечно, мама!

Покупка автомобиля

С осени в гору пошли дела,
Хлеба в степи изобилье.
И на продажу к нам прибыла́
Партия автомобилей.

Дворик расчистили на задах
Районного магазина.
Словно на выставке, в два ряда
Встала к машине машина.

Так бы отныне всегда, везде,
Да чтоб всего в излишке!
Стайкой, как птицы
на борозде,
На изгороди — ребятишки.

Если при средствах, садись —
и в путь.
Так и сверкают части.
Что там купить!
На машину взглянуть —
И то немалое счастье.

В полдень старик, невзрачный
на вид,
Вводит во дворик внука.
— Щупать-то можно ли! —
говорит.
Ахает: — Славная штука!

Сам завмаг — на что величав —
Тут оказался рядом.
— «Победу» хотите иль
«Москвича»!
Можно с доставкой на дом.

И ни чтоб рявкнуть иль
нагрубить,
Ведет себя осторожно.
Старик говорит:
— Отчего не купить!
Купить, пожалуй что, можно.

Только позвольте, повремению...
А сам сигнал проверяет,
Глядит под капот, как в зубы
коню.
Вздыхает...
Не покупает.

Уже с хитрецою смотрит
завмаг:
По деду ль такая сумма!
— Нельзя отступать, коль
сделан замах,
Машина не фунт изюма.

Кусается, нет ли, а по рукам,
Сомненья мне непонятны.
Быть может, товар
не нравится вам!
— Ну, что вы, товарец знатный!

— Так завернуть!
— Да вот не решусь,
Как будто связаны руки.
Есть деньги, а все чего-то
боюсь,
Хоть надо: требуют внуки.

Конечно, и время теперь не то,
А все будто горбишь спину.
Никак не привыкну:
Мужик простой —
И вдруг подавай машину!

Ведь не кобылу.
Легко сказать...
Поймите, не торопите.
— Все ясно, — сказал завмаг.—
Подобрать!
И дед ему:
— Подберите!

Вопреки «рекомендациям»

И. ЛИТВИНЦЕВ,
секретарь Шушенского райкома КПСС

В этом сезоне шушенцам хлеб достался очень тяжело. Плохая метеорологическая обстановка сложилась еще с весны: затяжные холодные дожди сменялись заморозками. Что делать? Посоветовались мы со стариками и пришли к единому твердому решению: сеять как можно раньше, не глядя на холодную погоду. Иначе, утверждали старики, хлеб, посеянный позже, не дозреет, попадет под осенние проливные дожди или ранний мороз. А невзгоды холодной весны семена местной пшеницы перетерпят наверняка: зерно сибирское, закаленное.

Однако в дело вмешались агрономы Красноярского краевого управления сельского хозяйства:

— Не позволим. Вы загубите десятки тысяч гектаров пшеницы.

— Но мы ведь не маленькие дети, чтобы опекать нас во всем и водить за ручку,— возражали колхозники. — Имеем свой многолетний опыт. Еще не было случая, чтобы шушенцы оставались без пшеницы по причине раннего сева. А вот обратное бывало...

И колхозники не послушались перестраховщиков из краевого центра, поступили по-своему.

Мы уже отсеялись, а из Красноярска почта все еще доставляла назойливые советы: не торопиться, ждать тепла.

Зазеленели на полях чудесные всходы пшенички, а из Красноярска все еще неслись предупреждения о строгой ответственности, которая падет на нас в случае гибели всходов.

Шушенские колхозники выиграли борьбу. Они раньше всех в обширном крае начали уборку зерна, а шушенскому колхозу имени В. И. Ленина и Н. К. Крупской выпала честь первым получить квитанцию за сданную государству партию хлеба.

К сдаче зерна на заготовительные пункты в этом году мы приступили также дней на десять раньше, чем в прошлом. Для наших климатических условий это большой выигрыш во времени. Ускорить уборку хлеба помогла раздельная жатва. Между прочим, и в этом вопросе шушенцы столкнулись с перестраховщиками. Краевое управление сельского хозяйства издало брошюру, в которой категорически запрещало раздельно убирать зерновые, если высота стебля менее 80 сантиметров. А шушенцы, вопреки «рекомендации», раздельно жали хлеба высотою всего 60 сантиметров. И не раскаялись в этом!

Хлеборобы нашего района опередили колхозы и совхозы Красноярского края в заготовках хлеба, обеспечив себя полностью отборными семенами.

Кустанайские старожилы

С. ОСИПОВ

В Бускульском совхозе, созданном два года назад на целине в Кустанайской области, мне предложили повидаться с местными старожилами.

— Они, правда, многого вам не расскажут,— говорили мне,— но читателям «Огонька» интересно будет на них взглянуть как на яркое свидетельство того, что новоселы наши устраиваются на целине надолго, по-семейному.

Знакомство состоялось в светлой березовой рощице по соседству с совхозными яслями и детским садом. Это было шумное племя малышей, из которых самые младшие еще учились ползать, а старшие недавно только начали ходить. Они провели в новом совхозе всю свою, пока что коротенькую жизнь, и поэтому с любовью и в шутку их называют здесь старожилами.

Интервью с Сережей Серовым было, естественно, коротким. На вопрос: «Как живешь?» — малыш уверенно и лаконично ответил: «Хорошо». Если бы словарный запас Сережи был обширнее и лет побольше, он смог бы рассказать нашим читателям, что в совхозе родилось уже 149 детей. Сережа с удовлетворением отметил бы, что каждый месяц ясельные питомцы прибавляют в весе до восьмисот граммов, а иные и больше килограмма. Он попросил бы записать, что совхозные строители заканчивают новое здание для детских яслей и сада.

Впрочем, это несостоявшееся интервью и не нужно. Достаточно взглянуть на этих юных наследников трактористов, шоферов, комбайнеров, строителей, механиков, чтобы понять: неплохо складывается жизнь на новых местах!

Перед ужином.

СТРАНА, ГДЕ НЕТ НЕВОЗМОЖНОГО

Арчи ДЖОНСТОН,
английский журналист

Какой-нибудь путешествующий англичанин вроде меня, привыкший под словом «поле» понимать гектар земли, огороженный каменной стенкой или плетнем, застынет в изумлении перед безграничными просторами целинных земель Советского Союза. И можно извинить этого путешественника, если его впечатления будут выглядеть несколько беспорядочными.

Путь во много тысяч километров, который я проделал по воздуху, суше и фарватерам рек, если нанести его на карту необъятной Советской страны, будет выглядеть довольно скромно, но такое расстояние могло бы несколько раз опоясать наши Британские острова.

Передо мной, когда я пишу эти строки, лежат три предмета — вещественный символ моей поездки: маленькая сумка с колосьями пшеницы целинных земель, склянка с пробой неочищенной нефти и кусок железной руды. Я привез не только плоды благодатных почв советского Востока, но и новые дары его недр. Это образцы не одного, а трех «урожаев», свидетелем которых мне посчастливилось быть во время поездки по Сибири, Казахстану, Башкирской и Татарской республикам.

Пшеница, нефть и металл тесно связаны между собой. Зерно убирают стальные машины, а силу вращения их колесам дает горючее, родившееся из нефти. Но это лишь чисто механическая сторона их единства. На человека из страны «свободного предпринимательства» с частной собственностью на землю и хаосом сталкивающихся интересов в индустрии неотразимое впечатление производит единство экономического плана, единство цели, управляющие гигантской операцией «сбора урожая» растительных и минеральных богатств советской земли.

В Англии поэт в лучшем случае сказал бы об «озере волнующейся пшеницы». Но когда вы летите сегодня над нивами Сибири и Казахстана или целыми днями мчитесь среди них на машине, слово «озеро» становится до смешного непригодным. «Море» — сказать так не было бы преувеличением. Но еще вернее — «океан»! Это было бы вполне в рамках реалистического художественного образа.

Я понимаю, что между одним полем и другим, между двумя совхозами есть, наверно, какие-то границы. Но все это выглядит как одно нескончаемое поле. Я провел несколько часов с бригадой молодых комбайнеров-венгров. Они рассказали мне с некоторым смущением, что по ошибке вышли с комбайнами за пределы «своего» совхоза и убрали несколько десятков гектаров на земле «чужого». Но в стране, где уничтожены межи и где есть только один «землевладелец» — народ, кто станет печалиться об этой «ошибке»?

Загадкой были для меня дороги на целине. Как шоферы грузовых машин находят их в этом широком океане пшеницы? Право, тут речь может идти скорее об искусстве «навигации», чем вождения автомашин. Направление подчас не определишь иначе, как по солнцу или звездам, и компас, как мне кажется, должен быть частью боевого снаряжения каждого шофера.

За небольшим исключением дороги здесь «проложены», то есть обозначены на девственной целине колесами автомашин, всего лишь год тому назад. Наш шофер, хотя родом он из Кустаная, как-то сбился с дороги, и я не знаю, не повторили ли вслед за ним ненужный крюк и другие машины, более важные для страдной поры, чем машина корреспондента. Не пора ли установить вдоль целинных дорог и на перекрестках указатели? Затраты на это, если позволено употребить «капиталистическое» понятие, окупятся с лихвой.

Я беседовал со многими руководителями совхозов, расположенных в Новосибирской и Кустанайской областях. Разговоры шли о сельскохозяйственной технике — это было естественно накануне развертывания «наступления» на урожай. Мои собеседники говорили, что располагают достаточным количеством комбайнов и грузовиков для жатвы и транспортировки зерна. Они отнюдь не хвастались, что битва за урожай уже заранее выиграна. Но предусмотрительность, может быть, даже и сверхобычная, — главная черта сынов моей родины, Шотландии. И я был бы рад, если бы кто-либо из моих собеседников процитировал мне известную пословицу, кажется, одинаковую на всех языках: «Хвались урожаем, когда он в амбаре».

Пшеница стояла стеной, готовая, созревшая. Но, как мне показалось, вблизи не было достаточного количества складов или элеваторных устройств для приема зерна. Английский фермер открыл бы рот от изумления при виде тысяч и тысяч тонн зерна, лежащих в виде высоких холмов под открытым небом. Правда, успокаивало то обстоятельство, что риск от осенних дождей в Сибири во много раз меньше, чем в Англии; но все-таки он подумал бы, что советские фермеры испытывают судьбу.

Погода стояла хорошая. Но строителям, создающим хранилища для зерна, и раньше и теперь надо руководствоваться прекрасным советом Мичурина: не ждать милостей от природы, а брать их от нее.

Главное впечатление, которое я вынес из моего путешествия: не столько агрономическая и техническая, сколько **организационная** сторона «битвы за урожай» сейчас представляется особенно сложной. Я должен напомнить здесь, что говорю только как наблюдатель, не претендующий на сколько-нибудь серьезное знакомство с предметом.

Я был восхищен и взволнован полевыми работами, которые развернулись перед моими глазами. Я наблюдал за ними и днем и ночью и должен сказать, что в сравнении с прошлыми уборками, которые я видел в Советском Союзе, бросается в глаза неизмеримо лучшее использование всех типов сельскохозяйственных машин и уход за ними. Новые машины свидетельствуют о техническом прогрессе.

На открытых токах, где очищалось зерно, я видел множество современных зерноочистительных механизмов. Но подачу зерна на конвейеры в ряде мест приходилось вести вручную: тяжелые машины трудно передвигать вдоль насыпей зерна. Мне показалось, что механика зерноочистки сильно напоминает уборку снега — дело, в котором Советский Союз со своими остроумно сконструированными машинами занимает ведущее место среди северных стран мира. Может быть, следовало бы использовать этот опыт для зерноочистки? Это исключило бы необходимость орудовать лопатой и, так сказать, «двигать гору к Магомету».

Иностранцу легко допустить ошибку в оценке такого сложного комплекса фактов, которым к тому же нет и отдаленной параллели в его собственной стране. Когда я говорю об «организационной» или «административной» стороне битвы за урожай, я разумею следующее: стратегию распределения и размещения машин на жатве, регулирование густых потоков грузовиков с зерном, использование элеваторов и временных зернохранилищ, организацию погрузки зерна на железнодорожных станциях и прочее.

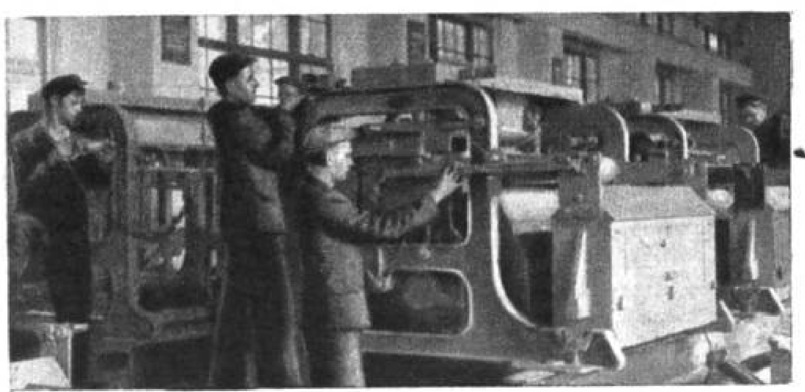
По самой обстановке только что «поднятой целины» почти каждая организационная задача, возникающая здесь, — это задача новая, не имеющая образцов в прошлом. Когда затруднение возникает перед агрономом, к его услугам все-таки полка книг, из которых он может почерпнуть точный совет. Готовых учебников по организации работы такого гигантского масштаба, как уборка на целине, нет в природе. Организатор должен здесь опираться в значительной мере на собственную сметку. Он должен мгновенно оценивать все «за» и «против» и принимать наилучшее решение.

Я внимательно присматривался к людям, которые работают как организаторы на целине. Они поразили меня хорошим знанием своих задач, добросовестным отношением к делу. Нет ни малейшего сомнения, что это люди способные. Но я убедился, что много больше остается сделать именно в организационной сфере, чем в области чисто агрономической или технической.

Сверкающие на сибирском солнце безбрежные массивы пшеницы, горы золотого зерна — все это навсегда врезалось в мою память. Они говорили о материнской щедрости природы, о богатстве доброй советской земли, о горячем, спором, беззаветном труде, о мудром, дальнозорком планировании, о хлебе...

Я давно думал о Советском Союзе как о стране **безграничных возможностей.** Теперь, после трех недель путешествия по целинным землям, а также по вновь подымаемой нефтяной, железорудной и угольной «целине» Поволжья и Сибири, после того, как я видел всюду мужество и героизм, с которыми преодолеваются препятствия и трудности, — я решил, что это определение нуждается в пересмотре. Я сказал бы теперь, что Советский Союз — **страна, где нет невозможного.**

ЗЕРНО ВЗВЕШИВАЮТ АВТОМАТЫ

Сборка автоматических весов на киевском заводе.
Фото М. Агеева.

Эти массивные автоматические весы весят две с половиной тонны, а в высоту имеют почти два метра. Если через них пропускать поток зерна, то автомат способен отвешивать в час 120 порций по пятьсот килограммов каждая. Таким образом, часовая производительность весов — 60 тонн. Счетчик точно указывает, сколько зерна прошло через весы. Такой автомат незаменим на элеваторах и зерносушилках.

Киевский весовой завод имени Дзержинского выполнил срочный заказ на триста автоматических весов для отправки на целинные земли. Весы были во-время получены элеваторами Алтая, Акмолинской, Кустанайской областей, в Восточном Казахстане.

Завод начинает серийный выпуск передвижных автоматических весов. Они установлены на колесах, снабжены зерномотом и могут вести погрузку прямо в машину.

В. ШУМОВ

С. И. Дудник. ПОРТРЕТ ПАСТУХА МОЛЧИНОВОЙ. Алтай. 1954 год.

Государственная Третьяковская галерея.

Д. К. Мочальский. ЗАТЯНУВШЕЕСЯ ОБЪЯСНЕНИЕ.

Р. В. Слетов. НА ПРАКТИКУ. НА ЦЕЛИННЫЕ ЗЕМЛИ.

После спектакля «Дон Жуан».

Рассказывает Мария Казарес

В Москве с большим успехом проходят гастроли ТНП, так сокращенно называют французы свой «Театр насиональ популэр». Национальный народный театр любят во Франции, известен он и далеко за ее рубежами: он гастролировал во многих странах Европы, в Канаде. С 1951 года ТНП возглавил замечательный режиссер и актер Жан Вилар. Работать с Виларом пришли Жерар Филип, Даниэль Сорано, многие молодые талантливые актеры.

В Москве Национальный народный театр показал двухсотый спектакль комедии Мольера «Дон Жуан». Заглавную роль блистательно исполняет Ж. Вилар. Достойный ему партнер — слуга Сганарель; его играет очень народный по своему дарованию характерный актер Даниэль Сорано.

Ведущая актриса ТНП Мария Казарес, хорошо знакомая советским кинозрителям по картинам «Пармская обитель», где она играла герцогиню Сансеверина, и «Тень и свет» (роль завистливой Каролины), рассказывает:

— Я снималась в четырнадцати фильмах, а теперь мне пришлось оставить кино. Театр влечет меня безмерно. Только на театральных подмостках непосредственно ощущаешь восприятие зрителя! Меня очень привлекает репертуар нашего театра — французская и мировая классика. Вилар умеет находить интересные, иной раз незаслуженно забытые пьесы.

Я играю роли трагические, драматические. Часто воплощаю на сцене женщин сильных страстей, гордых, властных, жестокосердых. Одна из них — «кровавая» королева Мария Тюдор в романтической драме Гюго, которую восторженно принимали москвичи. Увлекла меня и роль Леониды в «Торжестве любви»: впервые в жизни я играю легкую комедийную роль (да еще с переодеванием в мужской костюм) в этой остроумной пьесе Мариво. Вилар, ее постановщик и исполнитель роли философа Гермократа, дал второе рождение пьесе, которая ставилась только при жизни ее автора (в XVIII веке).

— Расскажите, пожалуйста, о последних работах театра.

— Летом на фестивале в Бордо,— продолжает Мария Казарес,— мы впервые с большим успехом показали малоизвестную пьесу Чехова «Этот безумный Платонов». Роль учителя Платонова, русского «Дон Жуана», человека, морально опустошенного, играет Жан Вилар. Этой пьесой мы откроем в Париже зимний сезон. Чехова во Франции очень любят, и пьесы его идут в парижских театрах. Готовясь осуществить новый чеховский спектакль, наш театр обратился к М. П. Чеховой с просьбой поделиться воспоминаниями об этой пьесе. Мария Павловна ответила, что пьеса написана Чеховым в молодости, когда он был студентом-медиком, и осталась без названия. Она была найдена в рукописи в архиве писателя и впервые опубликована в 1923 году. При жизни Антона Павловича Мария Павловна не знала об этом произведении и поэтому не смогла ответить на вопрос, было ли у Чехова желание поставить эту пьесу на сцене. Мы дали ей свое название.

В заключение беседы Мария Казарес заявила:

— Я счастлива, что мы сразу нашли язык дружбы с вашей публикой, которая исключительно тепло, с энтузиазмом принимает нас, посланцев Франции...

Т. КУЛАКОВСКАЯ

Группа артистов французского Национального народного театра на улице Москвы. Слева направо: Мария Казарес, Филипп Нуаре, Кристиан Минаццоли, главный администратор Жан Руве.

Фото Е. Тиханова.

В МОСКВЕ И ГАННОВЕРЕ

15 сентября сто тысяч москвичей собрались на Центральном стадионе имени В. И. Ленина, чтобы посмотреть встречу сборных команд Советского Союза и Федеративной Республики Германии. Играли вторые составы. Они показали живой, темпераментный футбол, хорошую сыгранность и умение свободно обращаться с мячом.

Немецкие спортсмены в первой половине встречи показали красивую, техничную игру и доминировали на поле. Однако они не рассчитали своих сил. После перерыва гости выглядели уставшими. Советские футболисты планомерно вели наступательные действия и добились победы. Счет — 3 : 1 в пользу второй сборной команды СССР, составленной из игроков «Динамо» и ЦДСА.

Как бы ни был интересен матч в Москве, но любителей футбола, естественно, интересовало и состязание в Ганновере. Там в это же время первая сборная команда Советского Союза выступала против чемпиона мира — команды ФРГ.

Ниже мы печатаем отчет об этом матче.

Трудная победа

Я дважды видел соревнования этих команд — в прошлом году в Москве и недавно в Ганновере. Во многом они походили одно на другое, хотя, мне кажется, встреча прошлого года была напряженней и драматичней. Советские футболисты на сей раз играли более уверенно. Этому способствовало и то обстоятельство, что в самом начале игры Э. Стрельцов забил мяч, который ободряюще подействовал на наших футболистов и внес некоторую нервозность в игру хозяев поля. Однако чемпионы мира довольно быстро оправились «от испуга», и вскоре их быстрый Шредер сквитал мяч. Счет — 1 : 1.

Игра выровнялась, хотя атаки советских футболистов были стремительнее и эффективнее. В нападении выделялся Э. Стрельцов, который часто угрожал воротам немцев. Их защитникам пришлось вести игру с полным напряжением сил, а вратарю проявить максимум бдительности. Все же перед самым перерывом советские футболисты добились нового успеха. Счет стал 2 : 1.

Во второй половине матча картина несколько изменилась — хозяева поля, видимо, решили отыграться во что бы то ни стало. Временами казалось, что они этого смогут достичь.

В прошлогоднем матче, когда наша команда проигрывала 1 : 2, она провела необычайный по силе двадцатиминутный штурм немецких ворот. В ворота чемпионов мира влетело два мяча — и команда СССР победила.

Сейчас в Ганновере такой штурм был предпринят немцами. Они вели его правым флангом с помощью Вальднера, который часто обыгрывал М. Огонькова и посылал опасные мячи в центр. Исключительно точная игра Л. Яшина спасла ворота нашей команды от мяча. Советский вратарь блестяще перехватывал передачи, прерывал «прострельные» мячи, парировал сильные удары.

Штурм чемпиона мира закончился безрезультатно. Команда Советского Союза вторично выиграла у команды ФРГ, на сей раз на ее родине. Это трудная и почетная победа.

Нужно сказать, что немецкие футболисты находятся в хорошей спортивной форме и являются грозными соперниками для любой команды Европы. Особенно сильное впечатление произвел на меня Ф. Вальтер. Он показал такую технику владения мячом, какую мне никогда не приходилось видеть. Очень сильно сыграла немецкая защита, особенно Юсковиак. Он выступал против Б. Татушина и в значительной степени нейтрализовал его. После матча президент Германской футбольной федерации преподнес Юсковиаку памятный знак и поздравил с хорошей игрой.

Около 90 тысяч зрителей собрались посмотреть матч. Они очень живо реагировали на все перипетии борьбы. И хотя на стадионе было шумно, один из немецких футболистов сказал:

— В Ганновере девяносто тысяч зрителей вели себя шумно, но не так, как тысяча пятьсот немецких туристов на прошлогоднем матче в Москве...

Н. СИМОНЯН,
заслуженный мастер спорта.

Ганновер. Встреча футболистов первых сборных команд Федеративной Республики Германии и Советского Союза. Ильин (справа) и Шмидт ведут борьбу за мяч.

Москва. На Центральном стадионе имени В. И. Ленина встретились вторые сборные команды Советского Союза и Федеративной Республики Германии. На снимке: момент игры у ворот команды ФРГ.

Фото Л. Доренского, С. Преображенского (ТАСС).

ТРЕТЬЕ ЛЕТО

В. СОЛОУХИН

Фото автора.

Не знаю, кто как, а я люблю запах полыни. Крепкий, с терпковатой горечью, он не навевает меланхолических мечтаний, подобно какому-нибудь жасмину, не намекает на тонкие переживания некоей красавицы, связанные с тем, что вот, мол, уходит весна...

Полынь — это ветровое раздолье степи, опоенной солнцем, размашистые хищные птицы, глядящие с высоты на иссохшую землю, и облачко пыли, поднятое табуном полудиких лошадей. Пыль-то в степи и пахнет крепче всего полынью.

Недаром, когда в старинной легенде степной витязь не захотел возвращаться домой из чужедальней прекрасной земли, гонец не стал рассказывать ему о горестях матери или невесты, а дал понюхать пучок сухой травы...

Видел я также, как московские девушки, новоселы этих степных просторов, вкладывали в конверты не засушенные тюльпаны, а стебельки растения, покрытого серебристым бархатом: вот, мол, услышьте там, в Москве, на чем настоены наши степные вечера.

И теперь, собираясь после двухлетнего перерыва в атбасарские степи, я вдруг услышал запах полыни так явственно, как будто степь была вот тут, возле письменного стола, а не за три тысячи километров.

Два года назад я приехал в эту степь с первым эшелоном новоселов-целинников. Это было в марте 1954 года. На заснеженном, промороженном и продутом ветрами куске земли размером в 22 тысячи гектаров родился тогда вроде бы из ничего, а на самом деле из воли сотен людей новый совхоз. Нарекли его «Кайракты», по имени близ текущей речушки. Было интересно следить, как сошел снег и обнажились ковыли, как появились на берегу речки темнозеленые палатки, как на многие километры расползлись в стороны от палаток гремящие тракторы. К концу лета весь массив был перевернут вверх дном, а на месте палаточного городка появился деревянный поселок.

Между тем командировка моя кончилась, и я уехал в благоустроенную столицу. В ту пору потянули холодные сквозняки. А когда завернули морозы и метели, нет-нет, да и мелькало в голове: «Как там, в совхозе «Кайракты»? Может, разъехались по домам, кто на Украину, кто в Подмосковье? Кто остался? Кто выдержал испытания?»

Так прошла зима, весна, лето, осень, и еще одна, значит, уж вторая, зима, и еще одна весна, и наступило новое, третье лето.

И вот я вновь в Атбасаре.

Не терпелось узнать хоть что-нибудь про совхоз, поэтому прямо с самолета я пошел в райком партии: уж там-то знают! Райком оказался на старом месте, рядом с Домом культуры, перед чахлым, пропыленным, но широко раскинувшимся сквером. Стояли перед зданием райкома в затылок друг другу до десятка грузовых автомобилей. Иные кузова полны народа, иные завалены вещами явно не целинной принадлежности. Невысокая энергичная женщина с красивым лицом, одетая в летнее габардиновое пальто, правда, потерявшее свой вид в степных странствиях, распоряжалась, и все ее слушали. От нее-то и легко было узнать, что все это передвигающееся громоздкое хозяйство есть недавно образованный Ансамбль песни и пляски Казахской ССР и что она действительно художественный руководитель его, Лидия Демьяновна Чернышева.

— А куда же вы едете теперь?

— Сейчас посмотрю. У меня записано на бумажке. Какое-то уж очень мудреное название. Ага, вот. Едем мы в совхоз «Кайракты». Там у нас сегодня концерт.— И тут же дала команду трогаться.

Думать было некогда, и я вскочил на машину.

Пятьдесят километров степной дороги. Вот уже автомобиль выбрался на сопочку, с которой непременно должна быть видна центральная Кайрактинская усадьба. И когда я приготовился увидеть те два десятка деревянных домиков, что отпечатались в прощальном взгляде два года назад, вдруг открылась раскинувшаяся по степи панорама поселка.

Не было раньше и главной въездной арки, что красуется теперь, темнокрасная и с деревянными колосьями наверху. Правда, какой-то первый шофер постеснялся проехать сквозь эту нарядную парадность и осторожно проложил следок рядом. Так и стоит арка в стороне от въезжей дороги.

Ансамбль в совхозе ждали. На главном току, расчищенном и укатанном до твердости и чистоты асфальта, собрались люди. Большинство из них сидело прямо на земле, некоторые приспособили дощечки. Десятка полтора машин съехалось к месту концерта. Капоты их, кузова и самые крыши кабин тотчас облепили зрители. Приползли сюда и два трактора.

Глядя со стороны, я искал глазами старых знакомых, ветеранов совхоза, переживших и первые, трудные дни его и все последующие месяцы и годы, может быть, не менее трудные. Но знакомых было мало. К тому же, как выяснилось, кадровое ядро совхоза растворилось теперь в полутысячном коллективе приезжих людей — ленинградских студентов, механизаторов с Украины, шоферов из Москвы.

Надолго запомнятся студентке Гале Гайдученко золотые россыпи целинного зерна.

Красиво и живописно было это пестрое собрание молодых людей. Вот стоит на крыле грузовика, небрежно облокотившись о кабину, двадцатилетний парень без рубахи. Бугры мускулов его запылились и загорели под солнцем. Синие парусиновые штаны заправлены в кирзовые сапоги с широкими голенищами. Впереди него стоит стройная, хрупкая девушка-студентка в легком городском платьице, в каком и в городской парк выйти не стыдно. Голова ее слегка запрокинута, чтобы легче смотреть встречь солнца, а закинутая высоко рука придерживает, собрав в горсть, каштановые волосы, потому что упруг и боек плывущий над степью светлый ветер.

А вот вылез на гусеницу машины тракторист Данильченко. Этот из первых — знакомый мне. Такой же он перемазанный, как и два года назад. И если перезимовал Данильченко две зимы, так, верно, и сам черт теперь ему не брат, о чем и можно судить по его уверенному поведению. А ведь жидкий был паренек, все ходил с завязанным горлом.

Скромница и работяга Гена Карнаухов, тоже ветеран, уселся на корточки, как садятся обычно мужики на колхозных собраниях. Похудевшая Надя Синенко, некогда член первого совхозного комитета комсомола, пришла на концерт с годовалой дочкой. Поднимает ее вверх, показывает пляшущих «дядей» и «теть».

Сторонкой подошли к концерту директор совхоза Николай Максимович Мамонтов и старший агроном Василий Арсеньевич Горбаченко. Эти ни капли не изменились: сорокалетний возраст более устойчив.

Концерт шел. Не халтурка какая-нибудь это была, а настоящее

искусство. Недавние выпускники Московской, Киевской и Алма-Атинской консерваторий, а также института имени Гнесиных, обученные крупнейшими советскими профессорами, здесь, на целине, как говорится, держали экзамен.

Шумные аплодисменты переходили вдруг в согласное скандирование, и все пятьсот или сколько их там было зрителей, скандируя, кричали: «Спа-си-бо! Спа-си-бо!»

В конце концерта я подошел сзади к директору и главному агроному совхоза. Они обернулись, сразу узнали.

— А, сколько лет, сколько зим! На урожай, значит? На праздник целинного труда. А нет бы навестить раньше. Ну, ладно, ладно. Ночевать ко мне. — И Горбаченко повел меня по вечернему поселку.

Целый день продувается поселок устойчивым, ровным ветром. Ветер мгновенно подхватывает облака пыли, поднятые автомобилями, и уносит их, постепенно рассеивая. На закате ветер утихает так неожиданно и резко, что не успевает даже унести пыль от проехавшей за минуту перед тем машины. Тогда образуется в лучах заката как бы золотистый туманец, который долго будет стоять, пока не сольется с вечерней темнотой. Раньше, помню, в эти-то часы и разливался по воздуху аромат полыни. Теперь, идя по поселку с Василием Арсентьевичем, я вдруг заметил, что вечер напоен совсем другими запахами, а полынью, как говорится, и не пахнет, хотя именно эта серебристая травка похрустывала под нашими ногами. Но, видно, пролетая над степью сотни и тысячи километров, воздух так плотно насыщается запахом поспевающей пшеницы, что ничто уж не может переспорить его. Бывало, ребятишками при первом обмолоте мы делали норы в ворохах свежей, прохладной соломы, прятались там. И когда залезешь в рыхлую соломенную черноту, пахло вот точно так же.

— Завтра вставайте пораньше. Я вам наши поля покажу,— сказал Василий Арсентьевич, прощаясь.— А теперь вот ваша комната, спать.

Как-то в палаточный городок совхоза приехал на прицепе у трактора голубой фургон, который сначала прозвали «ГУМом», а потом более фамильярно — «Голубым Дунайчиком». Тогда это была единственная продовольственная точка. За два года вокруг фургончика вырос поселок. Поблизости к нему бойко торгуют продовольственные магазины, а чуть поодаль работает столовая. Фургончик вроде уж и не нужен теперь, но колеса его вросли в землю, а сам он прочно врос в историю совхоза, сыграв свою роль.

И свежий томатный сок, и сахар, и халва, и свежий хлеб, и свиное сало, и разные консервы, и конфеты, и, что не всегда бывает в Москве, отменная вяленая вобла — все это было в кайрактинском продовольственном магазине.

У входа в столовую стояло шесть грузовиков. Достаточно было войти внутрь помещения, чтобы понять, какие трудные дни переживает столовая.

Громче всех ругаются три шофера.

— Безобразие! Повыгонять бы всех отсюда.

— Конечно! Люди, можно сказать, самопожертвовали, за тысячи километров приехали, а тут их и накормить во-время не могут.

И тут пошли оскорбительные словечки в адрес буфетчицы Маши и повара тети Оксаны. Вдруг парень, стоящий в самом хвосте очереди, спокойно спросил у шумевших шоферов:

— А вы что, чем-нибудь недовольны?

«Огонь» с поварихи и буфетчицы переключился на парня.

— Нет, вы чем-нибудь недовольны? — переспросил тот. — Тогда почему же вы не едете обратно? Или вас кто-нибудь держит?

— А тебе это нравится? Мы вот, может, с восемнадцатого числа здесь, в степи, мотаемся. Поневоле завоешь.

— Скажите, пожалуйста, с восемнадцатого числа!.. — обрушилось на скандалистов теперь уже сразу несколько голосов.

Не утерпела, вступила в бой и тетя Оксана:

— Ах вы, бедненькие, с восемнадцатого числа, вишь, маются. А как же я вот, баба, да с первой ноги здесь. Да еще с сынишкой. Не нравится вам наша каша, поезжайте на сдобные булочки. Только помните, что те булочки из нашего же хлеба сделаны...

Когда я рассказал об инциденте в столовой директору совхоза Мамонтову, он ответил:

— Мало осталось ветеранов-то. От первой весны, может быть, человек тридцать — сорок уцелело. Это мои гвардейцы. Совхоз наш дошел до победы, и, значит, ребят моих, устоявших, выдержавших, прошедших от первых дней до нынешнего урожая, могу я назвать гвардейцами.

Раньше, в первые дни образования совхоза, просто было следить за его жизнью. Люди все знакомы, что они делают, известно. И если встретишь, бывало, по дороге Петю Просвирина, то ясно, что поломался у него трактор и бежит он в мастерскую пропилить какую-нибудь канавку для шпонки. А это пробирается сторонкой Сережа Бутузов, библиотекарь несуществующей пока библиотеки.

Теперь в сложном, многонаселенном хозяйстве совхоза разобраться было нелегко. Что за люди снуют по улицам, зачем? Неясно. Совхоз жил своей жизнью, от которой я отстал на два года. А когда я спросил, где теперь находится библиотека, мне ответили, что рядом с радиоузлом, на том конце поселка, ближе к Оськину.

— К какому еще Оськину?

— Поселочек такой есть. Во-он там.

Василий Арсентьевич Горбаченко успокаивал меня:

— Все постепенно узнаешь и будешь в курсе. Теперь садись в машину.

Поселок Оськино оказался интересным поселком. Некоторые рабочие совхоза решили уйти из казенных квартир под свою крышу, обзавестись хозяйством, и вот поодаль от усадьбы совхоза стали подниматься саманные хаты. Вокруг хат зацвел подсолнух и начала бегать всевозможная живность. Когда мы проехали по улице, поросята, гуси, куры и собаки так и разбегались из-под колес в обе стороны. А ведь невероятным казалось раньше, что запоют в этой степи петухи!

Из Оськина проскочили на машинный двор. Так называется открытый участок степи, где стоят разные машины. Теперь их было мало. Комбайны все уже разъехались по полевым станам, тракторы тоже. Только сеялки (очень много сеялок) стояли без действия. Это они по весне заварили кашу, которую должны теперь расхлебывать сотни и сотни других машин.

И вот наконец наша машина вырвалась в степь. Хлынули навстречу желтизна хлебов и желтизна солнца с яркой просинью погожего летнего неба. Когда машина выскакивает на сопку, тогда стремительно, как отпущенная тетива, распрямляется и отскакивает вдаль линия горизонта. Вблизи различаются отдельные колосья и стебли, потом все сливается в ровное золотое полотно, потом золотое полотно подергивается легкой дымкой. Еще бы! Километров на двадцать пять, а то и тридцать просматривается степь вдаль и вширь. Тени от ярких кучевых облаков лежат на безбрежной позолоте. Оттого пестрит степь, отливая то зеленоватым, то фиолетовым, а то почему-то и красным цветом. Солнце входит в силу. Теперь, если выставить руку из кабины, бьет в ладонь горячий плотный воздух.

Через каждые пятьдесят — сто метров взлетают спугнутые автомобилем хищные птицы: орлы, соколы, ястребы. Их очень много здесь, в степи. Они не боятся людей и ничего не боятся. На каждом телеграфном столбе обязательно сидит по орлу: им нужны наблюдательные пункты. Даже на спинке железной койки, что стоит в траве недалеко от стана шестой бригады, уселась огромная рябая птица.

— Вот бы из ружья пальнуть! — невольно вырвалось у меня.

Василий Арсентьевич недоволен:

— Обязательно нужно из ружья. А зачем? Кроме пользы, здесь от хищников ничего нет. Они истребляют грызунов. Знаете ли вы, что, убив одну сову, мы теряем тонну зерна!

Вообще Горбаченко любит считать. Так, когда я, вылущив несколько колосков, сказал ему, что в среднем в каждом колосе по двадцать пять зерен, он вдохновился:

— Значит, так. На один гектар мы высеваем пять миллионов зерен. Из них вырастает десять миллионов колосков... Каждая тысяча зерен весит тридцать граммов...

В другой раз, когда я спросил, куда же совхоз будет девать столько соломы, Горбаченко быстро прикинул:

— У нас, конечно, пятьсот голов скота, но для него пойдет мизерное количество соломы. Остальная — пропадет. По Казахстану наберется верных пятнадцать миллионов тонн пропащей соломы.

— Что же с ней делать?

— Нужно строить целлюлозно-бумажный комбинат, как, например, под Херсоном; выход продукции — одна треть от сырья, то есть пять миллионов тонн прекрасной бумаги!

Перевалив сопочку, подъехали к стану шестой бригады. Расчищенный ток, два вагончика поодаль от него да десять комбайнов, выстроенных в ряд, вот и весь полевой стан. Да еще бородатый старик, засучив рукава, складывает что-то из слоеных степных камней. Мы подошли ближе. Черная, начинающая седеть борода старика оставила свободной лишь незначительную часть лица около переносья и голубых, по-стариковски жидковатых глаз. На загорелой коже выделяются еще более темными пятнышками крупные рябины.

— Вот кухню складываю и столовую, — предупредил дед наш вопрос. — Чтобы ребяткам, значит, было сподручней кушать. А мы этому делу спецы.

— Вы что же, каменщик?

— Нет. Я ездовой в бригаде. Вот начнется страда, буду комбайнерам щи да кашу возить. Вроде как на позицию. Лошади у меня хорошие, ничего.

— Откуда вы приехали сюда?

— Ить сам-то я, сынок, с Тамбовщины. Ну, давненько уж не крестьянствовал. Все по городам больше: печку сложить, али подштукатурить, али еще что. А вот на старости лет и потянуло, значит, к земле. Ну и что же. Пришел куда следует, дали мне комсомольскую путевку, вот я и приехал. И старуха моя по комсомольской путевке.

— А фамилия ваша как?

— Оськины мы, сынок, Оськины. Первые мы со старухой надумали свое гнездо здесь свить, а за нами, глядь, и другие потянулись. Народ, он ведь что? Образец любит.

Беспокойная, видать, у деда душа, если заставила его некогда бросить свою Тамбовщину, проскитаться лет двадцать по разным городам и привела, наконец, сюда, к разливному золотому морю хлебов. И кто знает, может, это-то золотое море и виделось всю жизнь Ивану Лаврентьевичу Оськину в его смутных мужицких мечтах.

И снова вот уже четвертый час мчится машина.

— Неужели это все еще земли совхоза? — спрашиваю я у Горбаченко.

— Все еще нашего. И там, — он показал на горизонт, — тоже нашего, и там, — он показал на другой горизонт, — тоже все нашего.

Вдруг дорога врезалась в нетронутую, ковыльную целину. Есть посреди кайрактинского массива такой участок, что пахать его нельзя: очень много камней. И остался он как бы для сравнения: что было и что стало. Зеркально поблескивает на солнце высохшая на корню трава. По ко-

Ездовой Иван Лаврентьевич Оськин.

лышущемуся раздолью ее — синие, синие шары степной колючки. Как будто некий гигант-художник закрасил холст палевой краской, а потом, окуная кисть в чистую синьку, с размаху брызгал и брызгал на полотно. Горбаченко понял, о чем я думаю, и сказал:

— Да пусть лежит себе, как есть. Будем хоть знать, какая была она, целина. — И тут же воскликнул: — А вот теперь не мешало бы и ружье!

Машина резко затормозила и, свернув с дороги, начала подкрадываться к чему-то, чего я еще не видел.

— Да вон же, правее!

Тут показались из ковыля четыре бородатые птичьи головы. Нужно признаться, что я впервые видел дроф не в зоопарке, а на воле. Они, вытянув шеи и, может быть, даже приподнявшись на цыпочки, с удивлением рассматривали приближающееся к ним сооружение. Потом одна из птиц подпрыгнула, как самолет во время посадки, ударившись ногами о землю, подпрыгнула снова и на третий раз повисла в воздухе, расправив огромные крылья. Три остальные дрофы поднялись вслед за ней и, далеко вытянув шеи, плавно и редко махая крыльями, полетели почему-то навстречу машине...

Время от времени Горбаченко останавливал машину и шел к пшенице. Он уходил все дальше в поле, щупая колосья, вылущивая их, пробуя зерно на зуб: поспевает, совсем поспевает пшеница, однако косить еще рано. Конечно, если была бы ну хоть тысяча гектаров, тогда перелопатили бы, пересушили, а то шутка ли!..

— Сколько же будет у вас зерна?

— Полтора миллиона пудов, ни много и ни мало. — И тут же, верный своей привычке, прикинул: — Если вагон примем за двадцать тонн, то, чтобы перевезти урожай нашего совхоза, понадобится более тысячи вагонов, то есть двадцать составов. А что такое мы? Крупица.

К вечеру, уже на выезде из пшеничного океана, Василий Арсентьевич остановил машину, отошел от нее подальше, сел на землю и подозвал меня.

— Садись и ты, помолчим.

Мы помолчали, прислушиваясь и не дыша. А шум пшеницы все нарастал и нарастал. Только это был не шум, а скорее шелест, этакое легкое наплывное шелестение. Оно то поднималось тоном выше, если прилетал порыв ветра, то почти затихало, тонуло в глуховатой бархатной тишине. На фоне ровного шелестения вдруг начинали тинькать и перезваниваться ближние колоски, и чем ближе они были от нас, тем тоньше и выше было их позванивание, словно играли крошечные гусельки.

— Звенит, — шепотом сказал Горбаченко. — Поспела, значит. От зеленой этого не дождешься. На пленку бы записать.

Я посмотрел на Горбаченко с удивлением, потому что не предполагал в этом деловом и серьезном человеке ничего легкомысленно поэтического.

— Это зачем же на пленку?

— Слушать потом, зимой. Буран будет, снег, мороз. Погасить свет и включить пленку...

— И долго это можно слушать?

— Всю жизнь, — серьезно ответил агроном. — Особенно, если сам вырастил. Ладно, пошли к машине.

В течение недели постепенно, один за другим втягивались в работу комбайны и незаметно втянулись все.

Теперь, проезжая по полям, то тут, то там можно было и простым глазом видеть некие черные точечки, которые вроде бы и передвигаются. Подъедешь ближе — и точечка превращается в знакомую нам всем по бесчисленным фотографиям картину: комбайн идет по пшеничному полю. Правда, было на этот раз и нечто необычное: почти на каждом комбайне, возле копнителя, красовались девушки-студентки.

Мне не приходилось раньше ездить на работающем комбайне, и я решил забраться на проходящий мимо агрегат. А вел его рослый, здоровый мужчина лет тридцати. И, значит, очень жарко было однажды в танке, если на всю жизнь остались от той жары следы и на руках и по всему лицу. Но глаза уцелели. Мало того, в них вернулась со временем молодая голубая лукавинка. А руки и сейчас были у него черные, в масле и копоти, как в том бою, из правой руки сочилась кровца, видимо, пришиб, завинчивая второпях какую-нибудь гайку.

Николай Николаев, так звали комбайнера, приехал в совхоз из Молотовской области на уборку.

— У нас там какая уборка! Только разойдешься, переезжай в другой колхоз. Негде развернуться по-настоящему. А здесь вон его сколько! Я, пожалуй, и на будущий год сюда приеду, а там и совсем переберусь. Мне здесь нравится. А мне легко: семьи нет, один на свете. Мать только.

Жгли его фашисты, оказывается, в Мелитополе.

— Издалека, что ли, подпалили? — поинтересовался я.

— Нет, я на них, сволочей, вплотную шел. Я их хотел как под бритву...

Сколько же здесь, если вдуматься, сразу встретилось всего, сколько переплелось в одном этом человеке, стоящем у штурвала комбайна посреди целинных земель! За поруганные и потоптанные нивы наши вывел он свою боевую машину на смертную линию, и, может быть, представлялась ему в то время родная деревенька, окруженная спелыми полями. А ведь если бы не дрались насмерть, не горели в танках наши танкисты, не поднимали бы мы теперь никакой целины, не звенела бы здесь, в степи, пшеница. Так отдаст ли он ее так, задаром, он, уже прошедший однажды через великий огонь гнева и ненависти...

— Где пшеница погуще, приходится срезать ее повыше, — рассказывал мне между тем Николаев. — А где пореже — по самой земле...

Вскоре пришла машина за зерном, я перебрался в нее и поехал на ток.

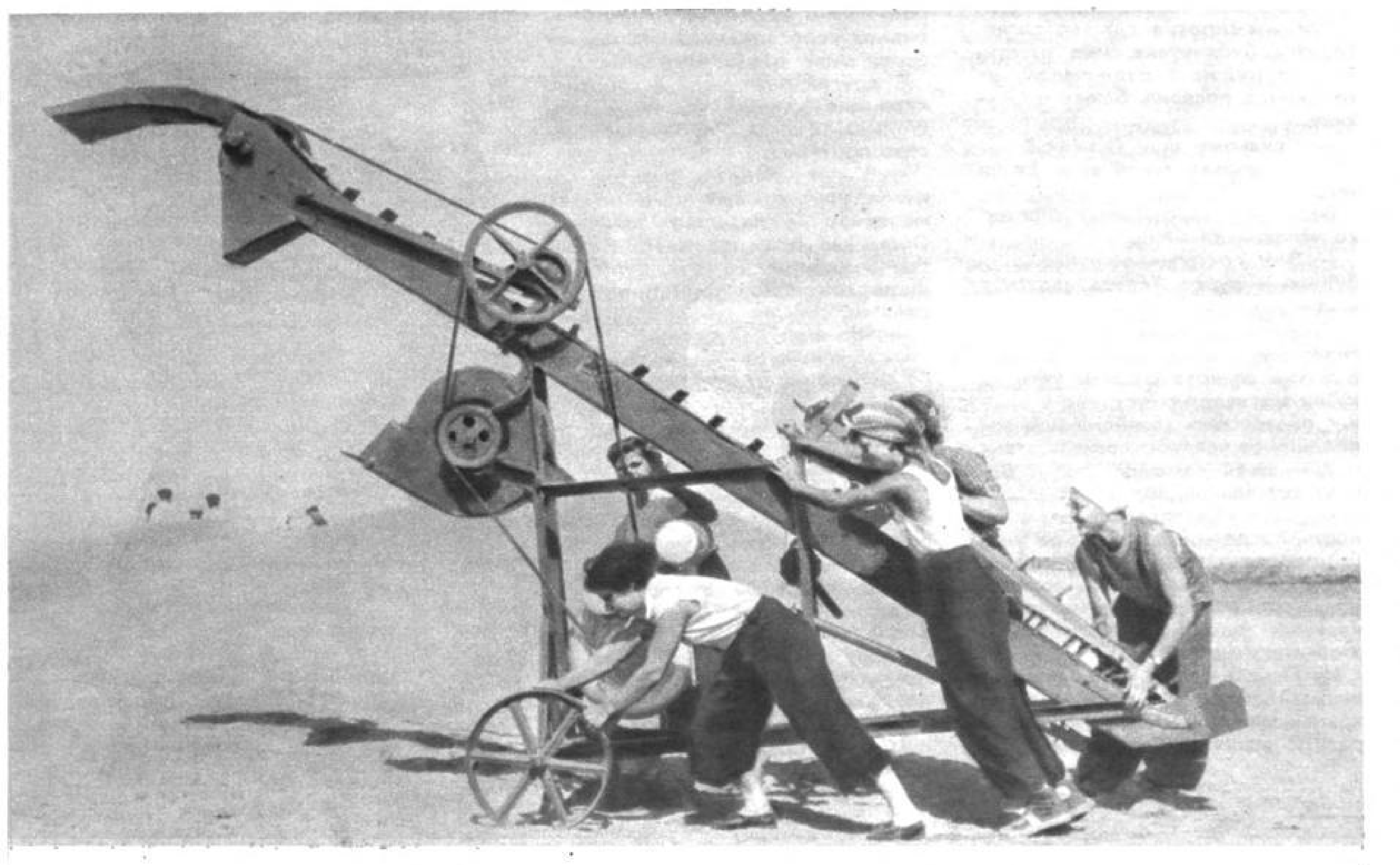
Когда пришел от комбайна первый грузовик и высыпал среди тока первое зерно, — казалось оно жалкой, в сущности, кучкой, как будто на пол просторной пустой комнаты просыпали чайную ложку маковых зернышек. Но грузовики приходили все чаще и чаще, и уже нельзя было пройти по току иначе, как по колено в зерне. Чтобы очистить зерно, подсушить, довести его до нужной кондиции, работают день и ночь десятки зернометов. Вот пять девушек подкатывают этот немудреный механизм к куче зерна, круто разворачивают его, опускают хвостик, и пошла хлестать вертикальным веером сыпучая звонкая пшеница.

В семидесяти комбайнах семидесятью ручьями течет в бункера хлеб. Потом семьдесят ручьев сливаются на токах и семью потоками устремляются к главным весам. А уж через них, через главные весы, рекой течет хлеб в государственные закрома. Идут и идут машины из совхоза на станцию Перекатную.

К Василию Арсентьевичу подошел шофер и доложил ему, что всю ночь возил он хлеб и сделал шесть ездок. Я думал, что Василий Арсентьевич пошлет его спать, а он похлопал парня по плечу и сказал:

— Молодец! Теперь иди умойся и снова вози. — И парень бегом побежал к машине.

Так я и уехал бы из совхоза с убеждением, что очень много хлеба дадут кайрактинцы стране, если бы перед отъездом не побывал на элеваторе. Там-то я и понял, что весь кайрактинский хлеб — это, в сущности, чашка воды, вылитая в озеро. Но радостно было сознавать, что озеро это есть, что кайрактинцы добавили свою чашку и что страна наша куда богаче сегодня, чем была, например, в прошлом году.

«Боевой расчет» зернометa выкатывает свое «орудие» на новую «огневую позицию».

В ПОЛЕВОЙ СТАН ПРИШЛА АВТОЛАВКА

На горизонте за высокой стеной пшеницы показалась машина.

— Леонид едет! — кто-то выкрикнул. — Готовьте деньги.

Вскоре на полевом стане бригады Геннадия Васильевича Росефа остановилась автолавка.

Имя молодого кооператора Леонида Блохи хорошо известно в Павлоградском совхозе, Омской области. Бойко торгует он в эти дни. Он сам водит свою автомашину-лавку.

— Ну, прошу, земляки, в лавку! — приглашает Блоха.

Тракторист Василий Комаровский покупает сахар, комбайнер Владимир Волков берет фруктовую воду и конфеты. Кто приобретает папиросы, кто мыло. Девушки требуют леденцов и печенья.

Проходит полчаса. Удовлетворены все. Торговля прекращается. Заворчал мотор, и автолавка трогается дальше в степь.

— Леня, привези мулине! — просят продавца девушки.

— Завтра, — отвечает Блоха и, махнув в открытое окошко кабины рукой, добавляет: — Обязательно привезу!

И в этом никто не сомневается. В автолавке можно приобрести шелковые, трикотажные изделия, одежду, обувь, платки и другие товары.

Н. БЕЛОБАБЧЕНКО

Леонид ЛЕНЧ

Рисунки В. СОЛОВЬЕВА.

За Уралом стало жарко. Новосибирск выставил против нас грозовой фронт и задержал самолет в Омске на три часа. А Барнаул встретил настоящим сибирским... зноем — душным, тридцатиградусным. Впечатление такое, будто «ИЛ» сел на раскаленную плиту.

До города больше десяти километров. Говорят, есть автобус, но он, само собой разумеется, «в ремонте». Что делать? «Вызывайте такси!» Мы позвонили с чувством горестной безнадежности и тут же были приятно наказаны за свое неверие в транспортную мощь алтайской столицы: быстро прислали «ЗИМ».

Атмосфера в городе напряженная, фронтовая. Идешь по улице и слышишь разговоры только о хлебе да о прогнозах погоды: удержится ли благодатное солнечное лето до конца уборки или хлынут дожди, которые в это время года в буквальном смысле «ни к селу, ни к городу».

Из репродуктора, установленного у здания клуба, на всю округу разносится жирный, развязный баритон. Заезжий эстрадник тоже подготовил «подходящий к моменту» репертуарчик:

«Между мной и целиной встали теща и жена. Тогда я махнул на жену и махнул на целину».

Мы с художником Виктором Соловьевым решили поехать в Поспелихинский совхоз за двести с лишним километров от Барнаула по Турксибу. Туда, сказали нам, поехали на уборочную страду студенты Московского энергетического института.

Океан будущих блинов

В описаниях целины, очерках и корреспонденциях обычно говорится, что целинная пшеничная степь похожа на море.

Я долго глядел на волнующийся пшеничный массив, переливающийся под солнцем всеми оттенками жаркой желтизны — от червонно-золотого, благородного, густого до лимонно-золотистого, нежного, с островками-пятнами бледной прозелени,— искал другое, не столь избитое сравнение и не находил.

Тогда я обратился к своему спутнику:

— Отвечайте быстро, на что похожи эти нивы?

— На море! — сказал художник.

— Придумайте что-нибудь более оригинальное!

— На океан!

— Это одно и то же!

— На половодье, которое...

— Нельзя ли обойтись без водных пространств?

— Можно! — вдруг сказал наш шофер. — На океан будущих блинов, на море будущих калачей и на половодье будущих пышек!..

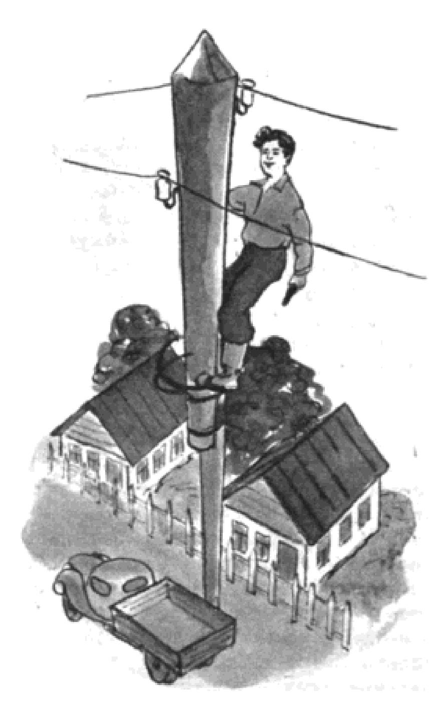
Мне осталось только достать блокнот и записать его слова.

Сотворение мира

Центральная усадьба Поспелихинского совхоза — это цепочка аккуратных домиков, деревянных и саманных. Подле каждого домика — палисадник, огород. На задах — хлевы для «своих» коров и овец. Разомлевшие от жары «свои» собаки лежат в тени, положив лохматые головы на вытянутые передние лапы, по-хозяйски ворчат на драчливых белых петушков-леггорнов, — совсем как старые няньки на проказливых ребятишек. Напротив здания конторы — нарядный, чистенький домик. Здесь находится детский сад совхоза. Вдали мерно и звучно, как пульс хорошего наполнения, стучит движок электростанции.

Год назад здесь была степь, пыльные смерчи на дороге да несколько глинобитных хаток дальнего отделения старого мамонтовского совхоза.

Из библии известно, что господь

Да будет свет!

бог начал сотворение мира с того, что отделил землю от тверди и воду от суши. Отсюда можно сделать вывод, что библейский работяга основные строительные материалы, необходимые для сотворения мира, такие, как а) твердь, б) суша, в) вода, имел в готовом виде.

В этом смысле создатели Поспелихинского совхоза были поставлены перед более трудной задачей. Они имели в готовом виде лишь: а) твердь и б) сушу. А воды у них не было: река Алей протекает в двадцати с лишним километрах от центральной усадьбы. Ничего не оставалось делать, как самим «сотворить» воду. И они сотворили: взяли у соседей механизмы, углубили степную котловинку, насыпали плотину и собрали талые вешние воды. Получилось очаровательное озеро —

Чем не Химкинское водохранилище?!

прохладная чаша с голубой, отражающей ясное небо водой. Как хорошо после работы поплескаться в этом озере, смыть грязь и пот с разгоряченных тел!

Но тут появились «инстанции».

— Откуда у вас озеро? Где проект? Где утвержденная техническая документация? Где разрешение?!

— Зачем вам проект, когда — вот! — есть готовое озеро!

— Ну, ладно! — сквозь зубы, зловеще сказали «инстанции» директору совхоза К. А. Меринову. — Примем ваше озеро на баланс, так и быть!.. Но если с ним что случится, мы вам...

Встречи в совхозе

Кузьма Алексеевич Меринов оказался плотным, высоким, сорокалетним мужчиной с загорелым лицом, на котором ярко выделялись светлоголубые внимательные глаза.

— Как работают в совхозе москвичи-студенты, Кузьма Алексеевич?

Меринов подумал и сказал:

— Хорошо! Признаться, мы побаивались вначале. Думали, приедут городские белоручки, наплачешься с ними. Но ребята оказались отличным народом — дружным, веселым, боевым. Берутся за любую работу, ни от чего не отказываются. Подите на тока, поезжайте в первое отделение — везде увидите студентов.

...На току горы золотого зерна. Жарко, душно. Пыль лезет в глаза, в рот, в нос, в уши. Зернопульты бьют, как пулеметы, выбрасывая в воздух желтые пшеничные струи. Подъезжают и уезжают грузовики.

У зернопультов, у автомашин, у зернопогрузчиков, а то и просто с лопатами в руках, по колено в сыпучем золоте пшеницы трудятся девушки в затрапезных ситцевых кофтенках, в лыжных штанах, а некоторые в одних трусиках и лифчиках.

— Вот ваши землячки! — говорит главный агроном совхоза Павел Васильевич Берило, и в его громком хрипловатом голосе звучат ласковые нотки.

— Здравствуйте, девушки! Вам привет от Москвы!

Бросили лопаты, обернулись. Милые, в черных потеках пота запыленные личики.

Защебетали все разом:

— Ой, здравствуйте!

— Что хорошего в Москве?!

Отвечаю на град вопросов и знакомлюсь: Роза Пинчук, Алла Сахарова, Люся Мильтиадова, Галя Котова — третий курс ЭПИТ, что означает факультет электрификации промышленности и транспорта.

— Как живется, девушки? Как работается?

— Ничего, привыкли! Видите, как «вкалываем»!

— Приходите к нам в вагончик! Посмотрите, как устроились.

— Нас, как только мы приехали, сразу на прополку свеклы. Вот где досталось!

— Три дня ходили, как четвероногие, не разгибаясь. Но нормы выполняли, даже перевыполняли!

— Кормежка была в первые дни неважная...

Смех, шутки. Молодость!

Шутки шутками, а двести гектаров сахарной свеклы, новой в условиях Алтая, трудоемкой культуры, спасли совхозу именно они — эти быстроглазые московские девчушки и серьезные, очкастые юноши.

Кузьма Алексеевич Меринов рассказывает:

— Иду по полю, смотрю: крохотная, «с ноготок», девчоночка

в перчатках тащит осот. Получается у нее, как в сказке: тянет-потянет, вытянуть не может. Говорю: «Вы бы сняли перчатки, легче будет!..» «Он ужасно колется!» «А вы под низ берите!» Показал.

Газа на целине еще нет...

Потянула, вытащила! И — ногой его! «Противный какой! Сорняк, а название такое, словно он учреждение: ОСОТ! Подумаешь!»

Заходим в механические мастерские. Встречает белозубый, плечистый, красивый хлопец в длинном кожаном переднике. Настоящий гоголевский кузнец Вакула — тот самый, который верхом на черте летал за черевичками в Петербург.

— Давно в кузнецах?

— Около двух недель. Я студент механического факультета.

Узнаем, что студенты организовали бригаду, взялись отремонтировать трактор.

Поехали на поля — посмотреть пробные прокосы. С комбайна соскочили комбайнер и его помощник. У помощника молодое, широкое, русское лицо опушено «добролюбовской» бородкой.

— Вы студент?

— Студент! Вот учусь... на комбайнера!.. Зовут Романов Володя.

Первое отделение совхоза целиком обслуживают студенты радиотехнического факультета. На току, на вывозе зерна, на заготовке сена, в полях — всюду студенты-радиотехники. Строится дом. Солидный юноша в роговых очках тащит на плече здоровенную тесину.

— Студенты?

— Студенты радиотехнического факультета!

— Нас крепко подвели барнаульские строительные организации, — говорит Павел Васильевич Берило. — План строительства в совхозе сорван. То, что построено в этом году, оказалось нахальным браком. Тогда мы к студентам: «Ребята, можете выручить?» Они сколотили бригаду и взялись. Один скособоченный барнаульскими молодцами щитовой дом перестроили заново, другой — видите? — собрали сами, уже заканчивают. Наш прораб им кое-что показал, но вообще-то они все сами, по чертежам. А ведь на стройках никогда не работали. Вы обязательно их фамилии упомяните. У меня записаны.

И он, вытащив из кармана тетрадку, громко, торжественно, словно с трибуны, прочитал:

— Иванов А., Шкулин П., Чемеряев Е., Лапковский Э., Гурев Е., Федосеев В., Архипов В., Белан В., Зябрев В...

Полевой быт

Разместить, устроить и накормить около четырехсот молодых жителей столицы для целинного совхоза, возникшего из небытия год назад, — дело не простое.

Руководители совхоза сделали все, что было в их силах.

Девушек поселили в вагончиках с нарами, с трогательными белыми занавесками на окнах; юношей — в пустом зернохранилище — высоком, как собор, деревянном здании, под крышей которого носятся горластые, озорные воробьи.

У каждого студента железная, армейская койка, постельное белье, подушка, одеяло. На жилье не жалуются: вагончики, воробьи под крышей — это интересно, это романтика!

Сложнее с питанием. Сначала местная рабкооповская столовка кормила плохо. Потом произошел сдвиг. Произошел он так. В совхозе ждали из края высокоответственных товарищей. Атмосфера нервного ожидания охватила и столовую. Через своих «разведчиц» — официанток и судомоек, тоже студенток, — студентам стало известно: для гостей готовят голубцы, блинчики с мясом, мясной борщ, компот!

— Все равно нам это не достанется!

Высокоответственные товарищи не приехали.

Я спросил у студентов, рассказавших мне эту историю:

— Куда же девался парадный обед?

И услышал дружное многоголосье:

— Мы съели!.. Мы съели!..

Однако после этого события плохо кормить студентов стало невозможно. В столовку подбросили продуктов, из Барнаула приехал повар-наставник. Потом на качество пищи жалоб почти не стало.

У радиотехнического факультета дело с питанием было поставлено лучше. Радиотехники организовали свою студенческую столовку на сто человек. Дирекция совхоза выдала аванс. Студенты закупили продуктов. Сами построили навес, кухню, сколотили столы и скамейки. Студентки — Эмма Семенова, Нина Момот, Римма Победоносцева, Вика Тапурия и Катя Полякова — согласились стать поварихами. Ежедневно двое студентов дежурят в столовке, выполняют функции «кухонных мужиков», помогая девушкам-поварихам. Кормят дешево и вкусно.

Юные поварихи сияли, слушая наши комплименты, а «кухонные мужики», когда я захотел узнать их фамилии, смутились. Потом один из «мужиков» — загорелый бурачным, густым загаром, стриженый юноша — с иронией сказал другому:

— Видишь, Юрка, и мы с тобой попадаем на «скрижали истории». Пишите: Петров Саша и Пенько Юра!

На обед здесь тратят 15—20 минут. Даже мух тут меньше, чем в других местах: помогли добрые мамы — прислали из Москвы почтовыми посылками липучки и отраву для мух.

Кстати, о заботливых мамах. Заботливость бывает всякая.

У студента Н. — единственного сына своих родителей — заболел живот: что-то вроде желудочного гриппа. Студент написал письмо домой и в нем, между прочим, сообщил, что вот, дескать, приболел животом. Боже мой, что поднялось!..

Сначала — воздушной почтой — прилетело письмо: «Что у тебя? Аппендицит? Гастрит? Заворот кишок? Сообщи немедленно!» Студент, который к тому времени уже поправился и вышел на работу, ответил не сразу. Начались телефонные звонки. Энергичная мама дозвонилась из Москвы до директора совхоза. Тот долго ничего не понимал: «Какой аппендицит? Какой мальчик?» Когда наконец понял, стал маму успокаивать: «Сынок здоров, в настоящее время копнит сено». Но мама — не то от волнения, не то от плохой слышимости — продолжала кричать в трубку про аппендицит и немедленную операцию.

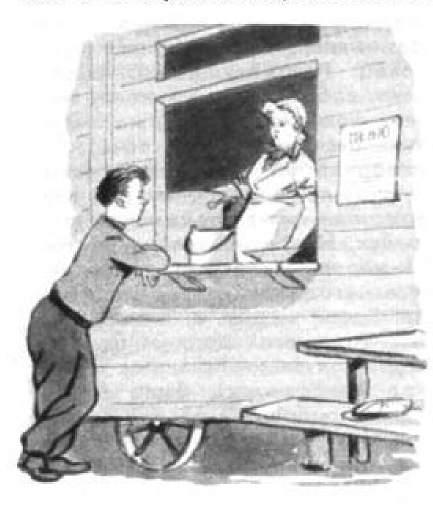

Грузовик: «А мне год от года не легче!»

Тогда директор, надо признаться, не очень осторожно и не совсем удачно пошутил:

— Да вы не беспокойтесь, нужно будет — мы ему серпом вырежем аппендикс!

Этот несчастный серп вызвал новый телефонный взрыв. За день

Знакомство на кухне — не лишнее дело!

в совхоз было семь звонков — из центральных, краевых и районных организаций. Что там случилось со студентом Н.? Когда и куда высылать хирурга на самолете? Сообщите температуру больного! Почему в руках у него оказался серп? А больной в это время, вернувшись со смены и выкупавшись в озере, сидел в столовой и с аппетитом уничтожал свой гуляш!

Как отдыхают студенты? Прежде всего спорт. Футбольная команда московских студентов-энергетиков сыграла с командой совхозных новоселов и отблагодарила их за гостеприимство: выиграла у хозяев поля со счетом четыре — два! Не пустуют и волейбольные площадки. Процветает бокс. На озере любители плавания и прыжков соорудили самодельный трамплин, демонстрируют «заднее сальто», брасс, кроль и простые русские «саженки».

Но вечером, когда взойдет луна и уляжется пыль (а вернее, она не будет так заметна), у вагончиков девушек собираются потанцевать. Томно мяукают привезенные с собой портативные патефоны. Высокий стройный студент с хорошо развернутыми плечами теннисиста (работает грузчиком на элеваторе) водит по кругу девушку с нежным овалом лица.

Но вот появляется бригадир — тоже студент.

— Девочки, кто пойдет в ночную смену на ток?

Молчание.

— Ну, кто же, девочки?

Девушка с нежным овалом лица прекращает танец и говорит с легким вздохом:

— Я пойду, Сережа!..

Много лирических сценок может заметить здесь внимательный наблюдатель. Утром идет студентка к вагончику, несет ведро с водой. Подошел студент, решительным и бережным жестом взял у нее тяжелое ведро. Идут рядом, улыбаются друг другу.

А вот перед закатом пошли в степь погулять двое: он и она. Вдали «стоит стеной пшеница золотая», а они молча шагают по степной дороге, взявшись за руки. Идут, как живая иллюстрация к песне:

— Мы вместе с ней в одной
учились школе,
Пахать и сеять выезжали с ней.
И с той поры мое родное поле
Еще дороже стало и родней...

Не надо, однако, думать, что выезд студентов на уборку в целинные совхозы — увлекательный туристский поход. Нет, конечно! Это трудная работа в трудных условиях. Родина позвала — и молодежь хорошо, просто, без пышной словесной трескотни выполнила свой патриотический долг.

«Мы вместе с ней в одной учились школе...»

В КРАЮ НЕПУГАНОГО ЗВЕРЯ

П. МАНУЙЛОВ

На озерах

Мы охотились несколько дней на Шайтан-озере. На нем держались гуси. На заре, когда лучи солнца касались камышинок, гуси покидали озеро и улетали кормиться. В лощине, в густом полыннике, мы с Василием Прибытковым маскировались и ждали птиц. За зорю брали по паре гусей. Днем, возвращаясь к дому, стреляли уток. Это была, я бы сказал, «домашняя охота» — километрах в трех от поселка. А нам хотелось побыть на большой охоте.

Василий Иванович, шестидесятилетний крепкий старик, утрами поднимался с биноклем на крышу дома и наблюдал за пролетом птиц. С каждым днем их летело все больше и больше.

— На Истеке группируются... Казарка валит на Колдаман!

До нас доносятся далекие трубные звуки. Они становятся отчетливей, и мы, узнав белых птиц, радуемся: огромная стая, больше сотни лебедей, низко проплывает над домом.

— Поедем на Истек. У меня там приятель — Петр Вавилов, тракторист. У него в вагончике и заночуем,— спустившись с крыши, решает Прибытков.— На всю жизнь запомнишь охоту!

...Вечером сидим с Василием Ивановичем в избе и снаряжаем патроны. От запотевших окон тянет холодок. В палисаднике по-осеннему шумят старые березы.

...В окно тихо стукнули.

— Дома хозяин? — спросил человек за окном.

— Дома. Заходи, Алексей Елизарович! — пригласил хозяин, узнав по голосу знакомого лесника Алексея Тимофеева.

— Мир дому! — входя в избу, приветствовал нас смуглый крепыш.— Вижу, делом занимаетесь.

— Не утерпел? — спросила хозяйка.

— Лесничий мне говорит: «Поезжай, Тимофеев, в Крым на курорт. Там, у моря, сейчас тепло». А я за сорок пять лет отлучался из родных мест только на войну. Краше наших мест, Федоровна, нет на белом свете. А к вам я двадцатую осень приезжаю на охоту.

— Юбилей! Мать, подогрей самовар! — оживился Василий Иванович.— Нынче, Алеша, птицы у нас тьма-тьмущая.

На другой день мы поехали к озеру.

— За Бекенем повернем прямо на Колдаман! — советует Тимофеев.— Скорее доедем.

— Выдумал! — воскликнул Прибытков, погоняя гнедка.— Ты с той осени не был у нас, а вон посмотри! Всю целину распахали. Наш колхоз до двухсот пудов пшеницы снял с гектара. А он ищет... старую дорогу! Но, милая!

Василий Иванович нашел наторенную дорогу, по которой вывозили хлеб в поселок. По гладкой дороге гнедой побежал быстрее, и, поднявшись еще на один увал, мы увидели голубые плесы Истека и Колдамана — огромного озера, заросшего камышом. У вагончика нас встретил тракторист Петр Вавилов с таким загорелым лицом, что выцветшие брови казались белыми лоскутками над серыми глазами.

— Товарищи! — восторженно воскликнул тракторист.— Кажется, со всего севера птицы собрались у нас! Не поверите: я пашу на тракторе, а казарки, тысячи птиц, кормятся метрах в ста от машины. Никогда в жизни я не видел столько птиц! Завтра у меня выходной день, да, к слову, и пахоту закончили...

Вечером долго горел фонарь в домике трактористов. Петр Вавилов рассказывал о птице: где она кормится, на каких озерах ночует. Но когда мы спросили, где устраивать скрадки, Вавилов замолчал и кивнул в сторону Прибыткова:

— Пусть Василий Иванович скажет. Я молодой охотник. Два года, как приехал на целину... Василий Иванович меня и к охоте приобщил.

Прибытков помолчал, обдумывая все пути перелета птиц, а потом решил:

— В низинке, на большой полосе за Истеком, сядем на перелет. Пойдем часа в четыре утра.

...Наступило утро. Здесь, в краю степей, озер и голубого неба, нет ярких красок. Светает исподволь. Первый вестник утра, легкий ветерок, пронесется над самой землей, пошелестит травой, обежит былинки стерни и утихнет. А за ним лучи еще невидимого солнца коснутся облаков, потом заиграют в вершинах берез, которые я вижу из скрадка на дальнем увале.

Торжественно закричали гуси, вожаки стай, на Колдамане и Истеке. Крякнула утка, в далекой роще захохотал куропат. Вожаки гусиных стай предупредили: «Утро близко». Куропат подтвердил: «Верно, вер-но».

И опять тихо-тихо в степи.

На востоке пламенела заря, зарождался день, даря всему земному свет. Он отражался на плесах озер, лился от облаков, а когда солнце появилось на горизонте, дневной свет окутал и травинки до самых корешков. В эту минуту разом закричали гуси, казарки и утки. Над скрадком появились три гуся — разведчики. Они пролетели, спокойно переговариваясь. «Скрадка не заметили»,— утешаю себя. Стая за стаей поднимались птицы с озера и летели в сторону Шайтан-озера.

Вот где-то заклыкали казарки. Я затаиваюсь в скрадке, осторожно осматриваюсь, а голоса казарок рядом. Раздается выстрел. Вижу синий дымок у скрадка Прибыткова. В это время над моей головой гагакнул гусь. Я вскинул двустволку, стреляю — и гусь падает, глухо ударяясь о землю.

Казарки появились над Вавиловым. Блеснули две вспышки огня — и из стаи выпадают две птицы.

...У меня три казарки. А птицы летят и летят. Я пытаюсь считать стаи. С Колдамана поднялось сотни две стай. В каждой не меньше пятидесяти птиц. А сколько их ночевало на Истеке, на Бекене, на Елгине, на Подушке! Они расположены километрах в трех — пяти друг от друга. Очевидно, в это утро я видел птиц тысяч пятьдесят.

...— Если не больше! — подтвердил Василий Иванович, когда мы возвращались к вагончику, довольные удачей: мы взяли шесть гусей и девять казарок.

— Недаром наши места называют Светлым краем! — восклицает новосел Петр Вавилов.

— Я всем говорю: краше нашего края вряд ли есть места на белом свете,— соглашается с трактористом лесник.

На лесной опушке

На севере Казахстана, там, где много березовых рощ и озер, даже в пасмурный день светлее, чем в других местах.

Затихла жизнь на озерах, скованных льдом и чуть-чуть припорошенных снегом.

Проводив птиц, поехали мы в Казачьи колки за косачами. Подняли чучела, сделали шалаши. Нагонять косачей пошел Петр Вавилов, а я и Василий Иванович остались.

Охота с чучелами спокойная. Сидишь, посматриваешь и ждешь, когда зашумят птицы, рассаживаясь на верхушках берез рядом с чучелами. На этот раз я еще видел спину Вавилова, пересекавшего поле, а косачи уже садились к чучелам, ближе к Прибыткову. Он выстрелил. Косач, сидевший ниже других, упал. Раздался второй выстрел — и опять повалился тетерев. Три птицы перелетели к моим чучелам. Я взял одну.

Со стороны, куда ушел Вавилов, появилась стайка куропаток. Белые птицы летели быстро, дружно. Сели на опушке рощи, но далековато от меня. Я наблюдаю. Они насторожились, огляделись, потом стали рыться в желтых листьях берез. Только самец, взлетев на ветку, зорко осматривал и лет и поле. Вот он беспокойно повернулся, готовый взлететь. Что такое? Повернувшись к полю, увидел трех косуль. Они бежали на махах, кем-то, видно, потревоженные. Василий Иванович два раза стреляет, и дым стелется у корней берез. «Стреляй! Волки охотятся!» — кричит мне Прибытков. Он выскочил из шалаша, торопливо перезаряжая ружье, и побежал к опушке. Только тут я заметил: два волка гнались за косулями.

— Стреляй! Пусть слышит Вавилов! На него набегут волки! — командовал Василий Иванович.

Я выстрелил.

Косули и волки пересекли поляну и скрылись в дальнем перелеске. Я подбегаю к Прибыткову и тревожно говорю:

— Догонят, разбойники.

В это время оттуда, где скрылись косули, раздался звук выстрела.

— На Петра напоролись! — довольно сказал Прибытков.— Пойдем к шалашам. Косули и волки вспугнут косачей, надо быть наготове.

Мы сели в шалаши. Прибытков угадал: вскоре над полем появились тетерева. Они садятся к нашим чучелам, и мы стреляем. Падают четыре петуха.

— Ого-го! — слышен крик Вавилова, и эхо несется по рощам.

Он появляется на опушке дальнего колка, идет медленно и несет что-то серое...

— Попал, разбойник, под выстрел! — Вавилов подходит и бросает мертвого волка.

— С удачей! И косачи и волк,— приговаривает Прибытков.— А куропаток-то сколько! Ну, да за ними в другой раз походим, а сейчас, с такой добычей, надо засветло проехать по поселку. Пусть знают охотников!

Василий Иванович присел на корточки, прислонившись спиной к березе, и медленно стал свертывать папиросу. Закурили. Взволнованно заговорили о птицах, о зверях в наших местах.

— На охотника и зверь бежит! — рассмеялся Василий Иванович и показал рукой на опушку рощи. Там, в редколесье, метрах в ста от нас, стоял лось. Он был спокоен и долго смотрел в степь.

Прибытков негромко кашлянул. Лесной великан повернул голову, увидел нас и скрылся в лесу.

...Читатели спросят: где этот благодатный край? Сообщаю: Мамлютский район, Северо-Казахстанской области.

БОРЬБА ОБОСТРЯЕТСЯ

Участники Шахматной олимпиады приехали в нашу столицу из разных стран и континентов. В Москве они переставили стрелки своих часов по московскому времени. Это явилось первым шагом их «акклиматизации». А климат дома был у всех различный: и холоднее и жарче. Кое-кто особенно боялся «знаменитой русской зимы». Осенняя погода устроила большинство участников. Правда, шахматисты Индии все же ходят с шарфом на шее: наш сентябрьский воздух для них уже прохладен. На сцене ЦТСА никто не жалуется: здесь всем тепло, иногда бывает даже жарко. Когда позиция в партии обостряется, тогда даже чемпион Бомбея Р. Сапре или М. Найдорф из Буэнос-Айреса снимают пиджаки. Однако как только М. Ботвинник согласился на ничью, М. Найдорф снова надел пиджак и, довольный, что «оторвал» у чемпиона мира половину очка, прогуливался по сцене.

Часто любители шахмат спрашивают: почему не играет Б. Спасский и Т. Петросян? Очень просто. Если бы играли Б. Спасский и Т. Петросян, то не играли бы другие. Возможно, читателей не устроит мой «исчерпывающий» ответ? Тогда добавлю, что составить нашу команду так, чтобы были довольны и все гроссмейстеры и все болельщики, пожалуй, невозможно. «Затруднения» заключаются в том, что у нас слишком много гроссмейстеров. Во многих странах такие шахматисты, как Б. Спасский или Т. Петросян, играли бы на первой доске, а у нас они пока... сидят в зрительном зале. Получается так еще и потому, что команды на олимпиадах традиционно состоят только из четырех участников (при двух запасных). Традиция сохраняется, возможно, еще и из-за того, что командировка большой команды связана с большими расходами. И при четырех участниках, например, команде Филиппин пришлось все же приехать на турнир без запасных участников.

В полуфинальных встречах были неожиданности и сюрпризы, но «небольшого масштаба». В финале же появились настоящие сенсации. В день четвертого тура многочисленные корреспонденты телеграфировали или сообщали по телефонам своим редакциям о первом поражении команды СССР. Действительно сенсация! То, что удалось на этот раз команде Венгрии, не удавалось до сих пор никому. Это — первое поражение нашей команды не только на данной олимпиаде, но вообще первый проигрыш советской командой матча во всей истории шахматных соревнований. Героем дня оказался гроссмейстер Г. Барца, которому впервые в своей жизни удалось выиграть у В. Смыслова. Г. Барца обнимали и целовали так, как обычно в Венгрии поздравляли Пушкаша, когда он забивал решающий гол. Всю эту суматоху вызвала одна незаметная поначалу проходная пешечка, которую В. Смыслов вовремя не задержал. К «главной» тройке, борющейся за Золотой кубок, присоединилась команда Венгрии.

С одним из основных соперников — с командой Аргентины — сборная СССР играла осторожно и выиграла со счетом 2,5 : 1,5.

Заокеанские гости в финале заметно стали отставать...

В пятом туре лидер команды Югославии С. Глигорич был первым из своей команды, проигравшим партию. «Пострадал» он от молодого талантливого шахматиста Б. Ларсена — чемпиона Дании и Скандинавии.

Команда СССР победила команду Болгарии, а затем с хорошим счетом — команду Чехословакии. Югославские товарищи провели очередные туры менее удачно.

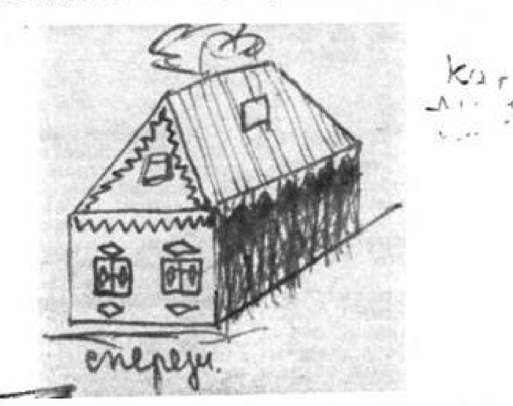
Команда Венгрии проиграла аргентинским шахматистам и сделала ничью с командой Болгарии.

Борьба обостряется.

Идет вторая половина соревнования, но «ясно» пока только одно: кубок, видимо, останется в Европе. Ну, а более точный ответ, пожалуй, принесет лишь последний тур.

Сало ФЛОР

Приезжай к нам, мама...

Анна Яковлевна Енина, работница ленинградского Кировского завода, проводила на целину дочь Веру с ее мужем Андреем Мелузовым.

Анна Яковлевна передала нам два письма, полученные ею из Павлодарской области.

Приводим отрывки из этих писем.

«Дорогая мамочка! — пишет Вера.— Живем мы хорошо! Андрей работает на машине-бензовозе «ЗИС-150», возит в совхоз горючее, зарабатывает в месяц по 1 500 рублей и больше. Дом свой строим. Купили бычка и поросенка... Сейчас иду мазать хату. У нас восемь утра, а у вас пять».

Спустя некоторое время пришло письмо от Андрея:

«За фотографом ехать далеко, да и не знаю, захочет ли он двинуться к нам. Вот я сам и нарисовал дом. Хата у нас теплая, камышовая. Два раза камыш обмазывали глиной. Потолок обит досками, крыша высокая, покрыта шифером. Пол деревянный, крашеный. Одна комната 18 метров, кухня — 6, плита с духовкой. Есть и кладовая, коридор, крылечко. Одна дверь входная, другая — ведет в коридор, еще две — в комнату и на кухню. Провели электричество. Мне кажется, наша хата самая красивая в совхозе.

Во дворе посадили яблони, под окнами — акации и тополь. Теперь можете поздравить: мы в своем доме. Завели хозяйство: имеем телку, кур, гусей. Приезжай к нам, мама. Я все так же работаю шофером, а Вера заведует яслями. У нее в яслях двадцать малышей, родившихся уже в нашем целинном совхозе».

В конце письма обратный адрес: «Павлодарская область, Цюрупинский район, станция Муралды, совхоз имени Богдана Хмельницкого. А. И. Мелузов».

Бабушка омских яблонь

На территории Омского областного краеведческого музея растет «сибирская яблоня». Дереву 68 лет, окружность ствола — 95 сантиметров. Это первая яблоня в Омске, выращенная из семени.

Семена «сибирской яблони» привез в Омск из Забайкалья известный натуралист Западной Сибири XIX века П. Б. Ящуров. Он первый в Омске применил «сибирскую яблоню» как подвой для прививок на ней культурных сортов яблок.

Живым экспонатом стоит бабушка-яблоня на территории музея, широко раскинув свои могучие ветви.

Два поколения омичей с уважением глядят на замечательную яблоню, похожую во время цветения на снежную гору. Ее потомство в садах — питомниках города — служит подвоем для выращивания посадочного материала различных сортов яблок.

В. АНИСИМОВ

Омск.

Щедрая земля

Богатые хлеба выращены новоселами Сталинского зерносовхоза на целинных и старозалежных землях Кустанайской лесостепи. Вместе с работниками совхоза хорошо трудятся и посланцы московского комсомола, приехавшие на уборку.

Короткие часы отдыха молодежь проводит в лесу, в степи. И там щедрое лето предлагает свои богатые дары.

Посмотрите на фото: на нем три ветви с одного кустика «дикой» клубники; ее полным-полно в лесных колках-перелесках, в пологих балках, в ковыльной степи и вдоль дорог. Как сочны,

ароматны, сладки эти ягоды! Только не ленись, рви, и скоро твое ведро будет полно. Я находил места, где собирал по 500—600 граммов с одного квадратного метра. Нарасхват сейчас стеклянная посуда: новоселы готовят ароматное варенье.

Если клубника уже надоела, то иди в темнозеленые, почти непролазные заросли дикой вишни. Если сильно припекает солнце, зайди в лес. Только внимательно смотри под ноги, чтобы не раздавить притаившееся под опавшими листьями семейство груздей. Здесь же растут сыроежки, боровики с основанием корня почти в ладонь, подосиновики, подберезовики, маслята, целые россыпи лисичек, рыжиков...

...В выходные дни новоселы, прихватив корзинки, ведра, идут или едут на велосипедах в лесные колки. Домой они возвращаются, сгибаясь под тяжестью ноши... Вишен, клубники, костяники, ежевики, смородины, грибов хватит для всех новоселов и для всех гостей.

Щедрая, богатая земля!

Ф. КУЗЬМИЧЕВ

Мендыгаринский район, Кустанайской области.

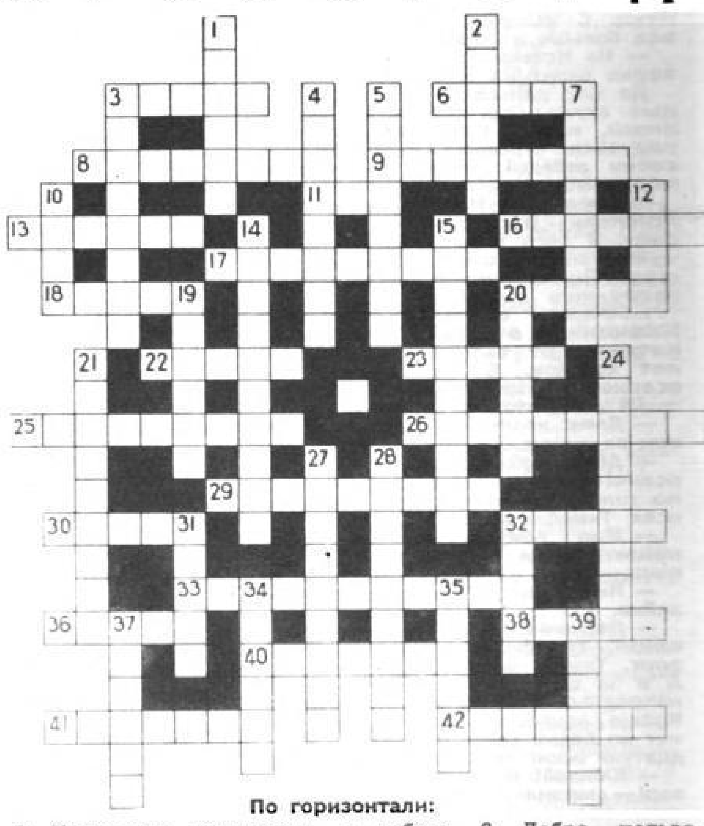
На вкладках этого номера репродукции картин: В. Нечитайло «Первая борозда», В. Басова «Разбуженная степь», С. Дудника «Портрет пастуха Молчановой», Д. Мочальского «Затянувшееся объяснение», Р. Слетова «На практику» и 4 страницы цветных фотографий.

— Сорную траву с поля вон!..

Рис. В. Кащенко.

КРОССВОРД

По горизонтали:

3. Увлечение, горячность в работе. 6. Добро, польза. 8. Злаковые растения. 9. Овладение, умение пользоваться. 11. Способность, талант. 13. Доведение скота, птицы до тучности. 16. Постройка, дом. 17. Одна из основных частей комбайна. 18. Уборка хлебов. 20. Посев, всходы. 22. Завершение, конец. 23. Время отдыха, развлечений. 25. Зачинатель новых методов. 26. Введение дополнительных удобрений. 29. Новатор. 30. Строительный материал. 32. Кормовое или декоративное растение. 33. Молодожен. 36. Упряжь для верховой езды. 38. Представитель народа одной из союзных республик. 40. Порода овец. 41. Курорт в Казахстане. 42. Деталь машины.

По вертикали:

1. Зерно, высеваемое весной. 2. Пневматическая шина. 3. Спелость. 4. Включение, вступление. 5. Настойчивость. 7. Надежда, предположение. 10. Продолжительность трудовой деятельности. 12. Птица, являющаяся предметом охоты, промысла. 14. Человек, выполняющий долг, обязанности по личному желанию. 15. Способность производить обилие растительности, плодов. 19. Озеро в Кустанайской области. 20. Вид мелиорационных работ. 21. Склонность. 24. Сорт пшеницы. 27. Сортировка. 28. Сельскохозяйственная профессия. 31. Минеральные массы, покрывающие коренные породы. 22. Сорт мягкой кожи. 34. Флажок. 35. Искусственное земляное возвышение. 37. Работница животноводческой фермы. 39. Длительное время не паханная земля.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 38

По горизонтали:

3. Бленкер. 5. Плацкарта. 7. Пограничник. 11. Галька. 14. Ангрен. 16. Баллада. 17. Бокс. 18. Сумы. 19. Клинкер. 20. Криолит. 21. Дефо. 23. Ость. 24. Вторник. 25. Катунь. 26. Салака. 29. Александрит. 30. Вахтангов. 33. Отранто.

По вертикали:

1. Герц. 2. Юкка. 3. Белуга. 4. Ретина. 6. Консоль. 7. «Псковитянка». 8. Консультант. 9. Плоскость. 10. Аристофан. 11. Гротеск. 12. Мацеста. 13. Ударник. 15. Наметка. 22. Громада. 27. Лекало. 28. Ариозо. 31. Торф. 32. Нона.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ. Редакционная коллегия: В. Ф. БАРЫКИН, А. С. ВАРШАВСКИЙ, И. П. ГОРЕЛОВ, В. С. КЛИМАШИН (зам. главного редактора), Л. А. КУДРЕВАТЫХ (зам. главного редактора), Е. Н. ЛОГИНОВА, Т. З. СЕМУШКИН, Н. С. ЩЕРБИНОВСКИЙ.

Адрес редакции: Москва, Д-47, ул. «Правды», 24.

Оформление И. Уразова.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — Д 3-38-61; Публицистики и очерка — Д 3-39-27; Информации — Д 3-39-07; Международного — Д 3-38-63; Искусств — Д 3-38-67; Литературы — Д 3-31-83; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 3-38-65; Юмора и сатиры — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-38-08; Фото — Д 3-39-04; Оформления — Д 3-38-44; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 10354. Подп. к печ. 19/IX 1956 г. Формат бум. 70×108⅛. 2,5 бум. л.— 6,85 печ. л. Тираж 1 000 000. Изд. № 875. Заказ № 2387. Рукописи не возвращаются.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, Д-47, ул. «Правды», 24.

Новоселы-земляки

Музыка М. ТАБАЧНИКОВА. Слова А. ЛЯДОВА.

Жизнерадостно

Пути-дороги длинные
Остались позади...
Зовут края целинные:
— Товарищ, приходи!
Пускай пока лишь вешками
Размечены поля,
За труд берись, не мешкая:
Весной не ждет земля!

Припев:

Пусть и сборы были кратки
И прощанья нелегки,
Но в степи стоят палатки,
Значит, все в порядке,
Все в порядке,
Все в порядке,
Новоселы-земляки!

За первыми отрядами
Пришли мы через год,
И нашими ребятами
Доволен здесь народ.
Мы будем всеми силами
Стараться их догнать,
Чтоб тоже старожилами
Уже к уборке стать!

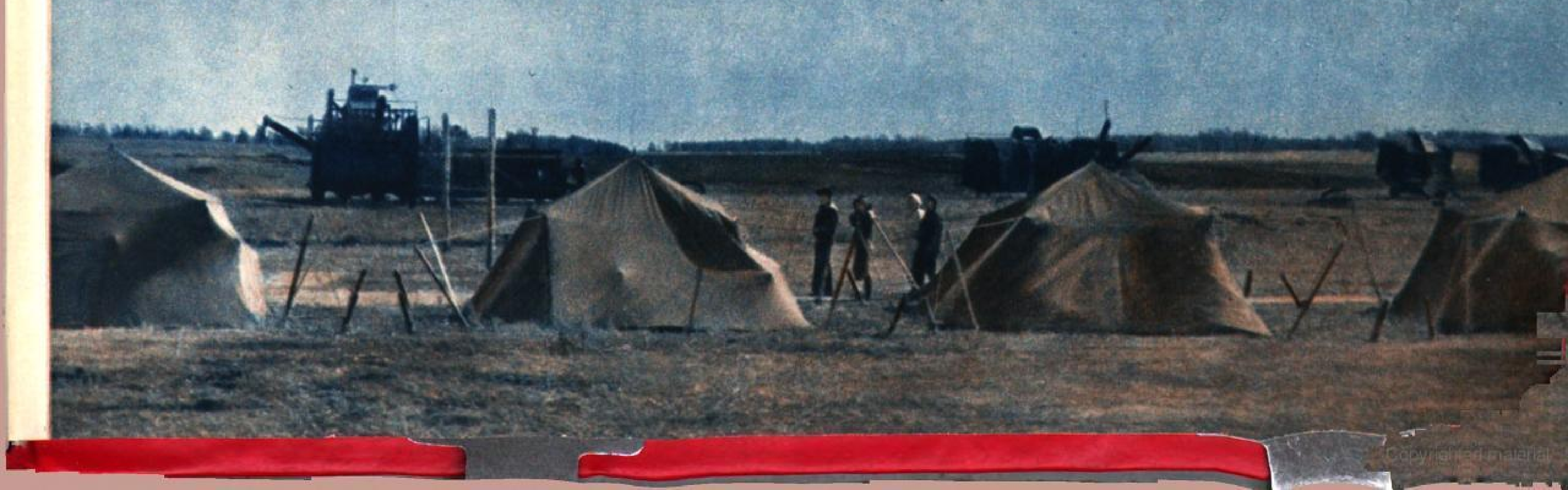
Припев:

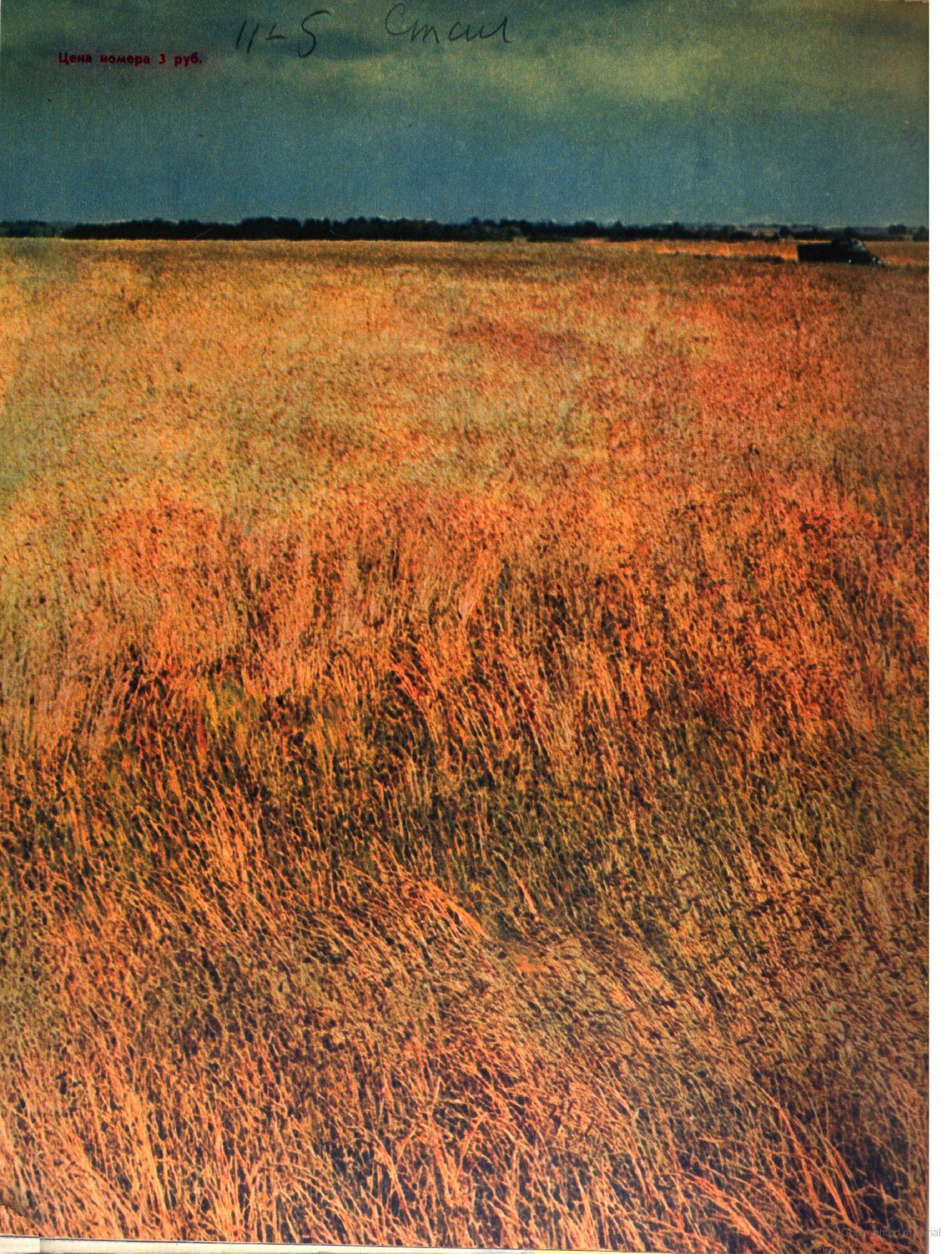
Пусть пред нами путь не гладкий,
Трудно в первые деньки,
Но в степи поют двухрядки,
Дом сменил палатки,
Все в порядке,
Все в порядке,
Новоселы-земляки!

За нас друзья волнуются,
Молва идет везде
О нашей первой улице,
О первой борозде.
Поздравят нас с успехами
И скажут нам тогда,
Что мы не зря приехали,
Товарищи, сюда!

Припев:

Пусть и сборы были кратки
И прощанья нелегки,
Но в степи поют двухрядки,
Дом сменил палатки,
Все в порядке,
Все в порядке,
Новоселы-земляки!

Цена номера 3 руб.